

бернард

[вербер]

: древо ВОЗМОЖНОГО
*и другие
истории*

Annotation

Среди множества удивительных книг Бернарда Вербера «Древо возможного» занимает особое место.

Это сборник рассказов-гипотез, рассказов-предположений, в каждом из которых, как сжатая пружина, заключена история нашего будущего.

Автор показывает нам, каким станет мир, если...

...если в центр Парижа упадет огромный вонючий метеорит,

...если инопланетяне будут разводить нас, как домашних животных,

...если окажется, что деревья — разумные, мыслящие существа,

...если ваша собственная рука поднимет против вас бунт...

Оказывается, будущее — это вполне управляемая стихия, подвластная нам, но думать о нем надо заранее...

-
- [Бернард Вербер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Научимся их любить](#)
 - [Царство видимого](#)
 - [Запах](#)
 - [Та, что тревожит мои сны](#)
 - [Отпуск на Соколиной горе](#)
 - [Манипулирование](#)
 - [Древо возможного](#)
 - [Тайна цифр](#)
 - [Песня бабочки](#)
 - [Абсолютный отшельник](#)
 - [Хлеба и зрелищ](#)
 - [Осторожно: бьется](#)
 - [Последний бунт](#)
 - [Прозрачность](#)
 - [Чернота](#)
 - [Каков хозяин, таков и лев](#)
 - [Слишком совершенный для меня мир](#)
 - [Бархатный тоталитаризм](#)
 - [Молчаливый друг](#)
 - [Школа молодых богов](#)
-

Бернард Вербер
Древо возможного и другие истории

Посвящается Тициане

Предисловие

Когда я был маленьким, отец всегда рассказывал мне на ночь какую-нибудь историю.

А потом я видел ее во сне.

Каждый раз, когда мир казался слишком сложным, я придумывал сказку, в которой было немного от моих неприятностей. Это приносило немедленное облегчение.

В школе дети просили меня сочинять для них небылицы. Часто эти истории начинались словами: «Он открыл дверь и оцепенел».

Со временем рассказы становились все более и более невероятными. Затем это превратилось в игру с единственным правилом — найти проблему, а затем ее необычное решение.

Когда я писал первый роман, то, чтобы не разучиться быстро придумывать сказки, я тратил один час вечером на сочинение историй. Так я отдыхал от утренних трудов, посвященных созданию «серьезных романов».

Сюжет для новеллы рождался из наблюдений во время прогулки, из разговоров с другом, из снов, из горестей, от которых я хотел избавиться, переместив в рассказ.

На «Тайну цифр» меня вдохновил разговор с моим маленьким племянником, который поведал, что в его классе существовала иерархия, делившая учеников на тех, кто умел считать до десяти, и на тех, кто умел считать и дальше.

Идея «Черноты» пришла мне в голову, когда я увидел, как слишком заботливый прохожий пытался перевести через дорогу старика, которому это совершенно не было нужно.

«Последний бунт» написан после посещения дома престарелых.

«Молчаливый друг» — после беседы с профессором Жераром Амзалагом, биологом, изучающим различные формы жизни. Научное открытие, описанное в новелле, малоизвестно, но совершенно реально.

Некоторые детали из «Научимся их любить» войдут в пьесу, которая называется «Наши друзья человеки».

Мне всегда было интересно, говоря о нас, людях, становиться на точку зрения отличных от нас существ. Это неисчерпаемый источник для размышлений. Я уже использовал прием «экзотического взгляда на человечество» в «Муравьях», где мой герой, номер 103, пытается понять

поведение людей, смотря новости по телевизору, и в «Империи ангелов», где Мишель Пэнсон наблюдает за смертными из рая и с горечью убеждается, что они пытаются «уменьшить свои несчастья, вместо того чтобы строить счастье».

Муравьи и ангелы: две точки зрения на человека — от бесконечно «низкой» до бесконечно «высокой». В этой книге будет бесконечно «иная» точка зрения.

«Древо возможного» — изобретение, о котором я мечтаю с тех пор, как проиграл в шахматы компьютеру. Если куча железок способна предвидеть любые возможные варианты развития партии, почему бы не заложить в нее всю совокупность человеческих знаний, все гипотезы будущего, чтобы она выдала возможные варианты развития нашего общества на короткий, средний и продолжительный отрезок времени.

«Школа юных богов» — набросок будущего романа, продолжающего «Империю ангелов». Его проблематика — воспитание и повседневная жизнь одного из богов, управляющих нами.

Эти новеллы помогут читателю понять, как рождаются мои романы.

Каждая история представляет собой доведенное до логического конца предположение. Что будет, если запустить ракету на Солнце, если метеорит упадет в Люксембургский сад, если кожа человека станет прозрачной...

Я хотел бы рассказывать эти истории вам на ухо.

Б.В.

Научимся их любить

В детстве у каждого из нас было развлечение — домашние люди. Они сидели в клетке, без устали крутились в колесе или жили в аквариуме с красивым искусственным ландшафтом.

Однако, помимо ручных людей, есть и дикие. Они совсем не похожи на тех, что обитают в наших сточных канавах и на чердаках, быстро размножаясь и вынуждая нас применять гуманициды.

Не так давно была обнаружена планета, где живут, даже не подозревая о нашем существовании, дикие люди. Находится это странное место близ космострады 33. Дикие люди живут сообща. Они создали большие гнезда, умеют пользоваться инструментами, у них есть даже система общения, основанная на характерном писке. Много легенд ходит об этой планете, где живут дикие существа. Говорят, что у них есть бомбы, которые могут уничтожить всю планету, и что они используют кусочки бумаги вместо денег. Кое-кто рассказывает, что они едят друг друга и строят города на дне моря. Чтобы отделить истину от вымысла, наше правительство, начиная с 12008 года (в рамках программы «Не убивайте их, не попытавшись понять»), отправляет на эту планету исследователей, которые изучают диких людей, оставаясь невидимыми для них. Результаты этих малоизвестных изысканий мы и предлагаем в данной статье. Вот ее план:

- Дикие человеческие существа в естественной среде обитания.
- Их нравы и способ размножения.
- Как ухаживать за ними в домашних условиях.

Дикие человеческие существа в естественной среде обитания

1. Где можно встретить диких людей?

Человеческие существа водятся в наших галактиках практически повсюду, но единственное место, где они смогли развиваться самостоятельно, — это Земля. Где находится эта планета? Отправляясь в отпуск, нередко прикидываешь, как миновать большие космические пробки. Воспользуйтесь космострадой 33, возможно, более длинной, но зато менее забитой. Притормозив неподалеку от дороги номер 707, вы

увидите желтоватую, тусклую галактику. Припаркуйте вашу межпланетную машину и подойдите.

В левой части этой галактики вы заметите довольно старую и потрепанную Солнечную систему, где Земля — единственная планета с признаками жизни.

Понятно, почему люди смогли распространиться здесь, вдали от цивилизаций. В этом заброшенном уголке их никто не беспокоит. Говорят, что и саму Солнечную систему случайно открыл турист, у которого сломалась машина.

Земля окружена белым паром, поверхность ее имеет голубоватый оттенок. Это объясняется большим количеством кислорода, водорода и углерода в ее атмосфере.

2. Как их узнать?

Возьмите лупу и рассмотрите дикаря: густые волосы на макушке, розовая, белая или коричневая кожа, лапки с множеством пальцев. При ходьбе люди удерживают равновесие на задних лапках, слегка оттопырив зад. Дышат они (преимущественно кислородом) через две маленькие дырочки, через две другие воспринимают звуки. Еще два отверстия служат для улавливания колебаний световых волн. (Эксперимент Крега: если человеку завязать глаза, он начнет спотыкаться.) Люди не располагают системой радаров, позволяющей ориентироваться в темноте, что объясняет их более слабую по сравнению с дневной ночную активность. (Эксперимент Бронса: поместим человека в коробку и закроем крышку. Через небольшой промежуток времени человек начинает испускать отчаянный писк. Люди боятся темноты.)

3. Как найти людей на Земле?

Существует много способов обнаружить их. Прежде всего это огни в ночное время и дым в дневное. Приземлив вашу межпланетную машину, вы заметите их тропы — большие черные линии.

Иногда в лесу можно встретить людей-туристов, или людей-крестьян, или людей-скаутов.

На Земле множество подвидов человека: водные люди, с черными ластовидными ногами, летающие люди, с большим треугольным крылом на спине, люди-курильщики, постоянно выпускающие пар изо рта.

4. Как к ним приблизиться?

Самое главное — не спугнуть. Не забывайте, что дикие люди с

планеты Земля ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЮТ О НАШЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ! Большинство из них убеждено в том, что за пределами их Солнечной системы... нет ничего! Они считают себя единственными живыми существами во Вселенной. Многие наши туристы пробовали стать видимыми для них, чтобы вступить в контакт. Всякий раз результат был плачевным: люди умирали от страха.

Не чувствуйте себя оскорбленными. У существ, живущих столь обособленно, эстетические критерии отличаются от общепринятых во Вселенной. ОНИ СЧИТАЮТ СЕБЯ КРАСИВЫМИ, А НАС БЕЗОБРАЗНЫМИ!

Это удивительно, особенно если вспомнить, что наши циркачи гримируются под людей и пытаются подражать их движениям.

Кое-кто пытался показаться людям, изменив внешность. Это, конечно, спасало людей от немедленной смерти, но вызывало массу разного рода недоразумений. Все-таки непосредственного контакта с людьми лучше избегать.

Н.В.: В лесу старайтесь соблюдать осторожность, вы можете угодить в приспособление, которое люди называют медвежьим капканом.

Их нравы, способ размножения

1. Брачные игры

Когда наступает сезон любви, люди предаются брачным играм. В противоположность хорошо известным павлинам, у людей не самец, а самка украшает себя яркими красками и демонстрирует наряды. Поскольку у людей нет ни перьев, ни гребня, ни раздувающегося зоба, самки наряжаются в пестрые ткани, привлекающие внимание самцов.

Интересная подробность: некоторые части тела самки тщательно прячут, а другие выставляют на всеобщее обозрение. Чтобы стать более привлекательными, они мажут рот китовым жиром и чернят веки угольной пылью. Кроме того, они обрызгивают себя жидкостями с запахом, полученным из половых желез других земных животных, например, горного барана, чьи железы вырабатывают мускус. Они заимствуют половые железы даже у цветов, чтобы добыть аромат пачули, лаванды или розы.

В брачный период самцы издают громкие звуки, похожие на воркование, иногда сопровождают их ударами по коже животных, натянутой на особые приспособления, — люди называют это «музыкой».

Такое поведение, напоминающее поведение полевого сверчка, не всегда приносит плоды. В зависимости от того, к какой группе принадлежит самец, он предается любовной игре, либо покрывая свои волосы свиным жиром (помада для волос), либо раздувая, словно зоб, свой бумажник. Последняя форма любовных игр наиболее эффективна.

2. Встреча

Человеческие самцы и самки встречаются в специально отведенных для этого местах — плохо освещенных и шумных ночных клубах. Плохо освещенных, чтобы самец не мог отчетливо рассмотреть внешность самки (он лишь чувствует ее запах — пачули, мускус или розу). Шумных для того, чтобы самка не могла отчетливо слышать речь самца. Она просто ощупывает его более или менее раздутый зоб-бумажник.

3. Размножение

Как происходит размножение диких людей? Наблюдения *in vitro* позволили найти ответ на этот вопрос. Самец входит во взаимодействие с самкой при помощи маленького отростка, размер которого точно соответствует вместилищу в теле самки. Когда введение отростка во вместилище осуществлено, самец и самка начинают двигаться в такт до тех пор, пока у самца не произойдет семяизвержение.

4. Беременность

Люди — животные живородящие. Они не откладывают яйца. Самка вынашивает малыша в животе в течение девяти месяцев.

5. Гнездо

Гнезда людей построены из армированного бетона, их устилают пенопластом и переплетенными волокнами, чтобы сделать стенки мягче. Внутри гнезда притаскивают разнообразные кубические предметы, производящие шум или свет. Попав в гнездо, люди сначала суетятся, а потом успокаиваются в креслах и начинают щебетать.

Первое, что делает вернувшийся в гнездо самец, — мочится, видимо, для того, чтобы пометить феромонами территорию; первое, что делает самка, — ест шоколад.

6. Человеческие обычаи

На человеческой Земле есть экзотические обычаи. В летний период люди мигрируют в жаркие районы. Миграция происходит очень медленно.

Люди закрываются в металлических емкостях и в течение долгих часов еле передвигаются. (Эксперимент Вурмса: если на некоторое время оставить человеческого самца в машине, он выйдет оттуда с заросшим шерстью лицом.) Другой обычай: каждый вечер люди включают коробку, испускающую голубой свет, и проводят, глядя на нее, долгие часы в полной неподвижности. Наши исследователи сейчас изучают это странное поведение. Видимо, людей, как и бабочек, завораживает свет.

И, наконец, вероятно, самый непонятный обычай: что-то побуждает людей ежедневно тысячами закрываться в поездах метро, без доступа кислорода и без всякой возможности двигаться.

7. Война

Люди любят убивать друг друга. (Эксперимент Гларка: поместите шестьдесят человек в закрытое помещение и не давайте им пищи — в конце концов, они перебьют друг друга с ошеломляющей свирепостью.) Поля их сражений видны издалека по взрывам и характерному стрекотанию металлического оружия.

8. Общение

В основном люди общаются, заставляя вибрировать голосовые связки. Звуки также видоизменяются при помощи движений языка.

Как ухаживать за ними в домашних условиях

1. Приобретение

Держать дома рекомендуется лабораторные породы. Помещая зверьков в сосуд, не забудьте проделать дырочки в его верхней части, иначе люди погибнут. Помните, что им необходим кислород.

2. Как выращивать людей?

Если вы хотите, чтобы ваши люди размножались, обязательно берите их парами — самца и самку. У самки, как правило, бывает пестрая одежда и длинная грива. Внимание: бывают самки без гривы и самцы с гривой. Чтобы развеять последние сомнения, опустите в сосуд щупальце. Если раздастся пронзительный писк, значит, у вас самка.

3. Как их кормить?

Обычно людям нравятся фрукты, листья и корни, а также трупы

некоторых животных. Но они привередливы. Они едят не все фрукты, не все листья и корни, не все трупы. Проще всего кормить их фисташками. Подойдет фисташковый корм из любого гуманимаркета. Можно дать и несколько кусочков размоченного глапнавуэта, который доставит им удовольствие. Внимание: если вы забудете давать корм группе людей в течение двух недель, они сожрут друг друга (см. эксперимент Гларка).

4. Гуманивейник

Искусственное гнездо людей называется гуманивейник. Его можно купить (в гуманимаркете) или сделать самому. Главное — не забыть, повторяем еще раз, проделать маленькие дырочки в верхней части конструкции, чтобы люди могли дышать. Не забывайте следить за температурой и уровнем влажности. При какой температуре лучше всего размножаются люди? При 72 градусах по Йокацу. Забавно наблюдать, как они избавляются от своих разноцветных лохмотьев. Видно, что они хорошо себя чувствуют, счастливы и поэтому начинают усиленно размножаться.

Внимание: если людей в гнезде становится слишком много, необходимо либо увеличить размеры их жизненного пространства, либо отделить самцов от самок.

Лучше всего держать гуманивейник в недоступном для других домашних животных месте. Например, шкронксы, если им удастся продырявить крышку гуманивейника, могут съесть людей.

5. Можно ли есть людей?

Иногда дети едят своих питомцев. Мы проконсультировались с доктором Крегом, который склоняется к мнению, что люди, скорее всего, не ядовиты. Но дикие люди с Земли чрезвычайно плотоядны (они лакомятся жареными, сырыми и даже подгнившими трупами животных), от них можно заразиться туземным вирусом.

6. Можно ли их дрессировать?

Разумеется. Но это требует терпения. Некоторым особенно талантливым детям удастся обучить людей приносить кусочки дерева и даже совершать опасные прыжки. Достаточно вознаграждать их за каждый удавшийся трюк. «Люди иногда бывают настолько ловкими, что кажутся похожими на нас», — могут подумать некоторые, но все-таки не стоит преувеличивать.

7. Как поступить с гуманивейником, если он вам надоел?

Как и другие игрушки, гуманивейник, который так настойчиво требовал ребенок, может со временем ему надоесть. (Когда ребенок говорит: «Подари мне людей! Обещаю, мам, я буду сам за ними ухаживать», помните, что ухаживать за ними он будет дня четыре, не больше.) Проще всего выбросить людей в мусорное ведро или сточную канаву. Если прирученные земляне не погибнут, они столкнутся с людьми, живущими в сточных канавах, перед которыми окажутся совершенно беззащитными. Люди из сточных канав уничтожат изнеженных сородичей, так как бегают гораздо быстрее; они переловят домашних людей и убьют их. Было бы не справедливо обойтись так с нашими маленькими товарищами по играм.

Не знаем, что и посоветовать детям, которым надоел гуманивейник (особенно если он населен дикими людьми с Земли). Может быть, стоит подарить его бедным детям, которые с удовольствием продолжат разведение людей.

Царство видимого

Габриель Немро сидел на неудобном стуле у кабинета врача, терпеливо ожидая своей очереди. Вдруг ему почудилось, что висящая перед ним картина закачалась. Потом и вся стена пришла в движение, искривилась и исчезла. Ни на кого из сидящих рядом это не произвело никакого впечатления. А тем временем вместо стены возникло слово, написанное крупными буквами: СТЕНА, и рядом, в скобках, следующее: (ТОЛЩИНА: ПЯТЬДЕСЯТ САНТИМЕТРОВ. СОСТАВ: ШТУКАТУРКА ИЗНУТРИ И ОКРАШЕННЫЙ БЕТОН СНАРУЖИ. СЛУЖИТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ НЕПОГОДЫ).

Буквы парили в воздухе.

Несколько секунд Габриель созерцал странное видение, потом перед ним явилось то, что прежде стена скрывала: улица и прохожие. Он встал, подошел и просунул руку сквозь стену. Когда он отошел, то увидел какой-то туман — и стена вернулась на место. Обыкновенная, совершенно обыкновенная стена.

Он пожал плечами и подумал, что стал жертвой галлюцинации. Ведь Габриель пришел на прием к врачу по поводу изматывавших его бесконечных мигреней. Он встряхнулся и решил пройтись.

Странно все-таки это было: вместо предмета — буквы, из которых складывается его название...

Габриель Немро, преподаватель философии в лицее, вспомнил свою лекцию об означающем и означаемом. Не сам ли он говорил своим ученикам, что вещи не существуют, пока их не назовешь? Он потерял виски. Быть может, он слишком увлекается проблематикой своей профессии. Вчера он прочел в Библии: Бог дал Адаму право назвать животных и предметы... Значит, до этого они не существовали?

В конце концов Габриель забыл об этом случае. В последующие дни ничего особенного не происходило.

Однако, спустя месяц, вместо голубя, за которым он наблюдал, он увидел надпись: ГОЛУБЬ, и рядом, в скобках: (327 г, САМЕЦ, ПЕРЬЯ ЧЕРНО-СЕРЫЕ, ВОРКОВАНИЕ ДО-МИ БЕМОЛЬ, ЛЕГКОЕ ПРИХРАМЫВАНИЕ НА ЛЕВУЮ ЛАПКУ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОЖИВЛЯТЬ ПАРКИ).

На этот раз надпись, характеризующая птицу, парила в воздухе секунд двадцать. Габриель хотел коснуться ее рукой, но надпись ГОЛУБЬ вместе с

тем, что было в скобках, тут же улетела. Только высоко в небе она снова стала птицей, за которой увязались несколько воркующих голубок.

Третий случай произошел в муниципальном бассейне, расположенном рядом с домом Габриеля. Он спокойно плыл, как вдруг увидел надпись: БАССЕЙН, и рядом, в скобках: (НАПОЛНЕН ХЛОРИРОВАННОЙ ВОДОЙ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ВЗРОСЛЫХ).

Это было уже слишком. Уверенный в том, что погружается в безумие, Габриель отправился напрямик к психиатру. И там случилось самое страшное. Выйдя от врача с рецептом успокоительного, Габриель прошел в коридоре мимо большого зеркала. Вместо своего отражения он увидел надпись: ЧЕЛОВЕК (1 МЕТР 70 САНТИМЕТРОВ, 65 КИЛОГРАММОВ, ВНЕШНОСТЬ ЗАУРЯДНАЯ, ВИД УСТАЛЫЙ, ОЧКИ. СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЯВЛЯТЬ ОШИБКИ СИСТЕМЫ).

Запах

Это было похоже на метеорит, и оно упало в самый центр Парижа, прямо в Люксембургский сад. В то ясное мартовское утро чудовищный удар сотряс окрестные дома, как будто поблизости взорвалась бомба.

К счастью, метеорит упал на заре, и жертв было немного: трое одиноких прохожих, в которых позже опознали торговцев наркотиками. Действительно, чем еще они занимались в Люксембургском саду в такую рань?

Скончалось также несколько человек со слабым здоровьем, которые, услышав шум, умерли от испуга.

— Странно, что этот предмет не нанес больше никакого ущерба, — сказал один выдающийся ученый. — Как будто он не упал, а был положен на Землю.

Однако теперь нужно было что-то делать с огромным, больше семидесяти метров в диаметре, камнем, лежавшим посреди самого знаменитого в мире зеленого массива. Собрались зеваки.

— Да он воняет! — воскликнул кто-то.

И это действительно было так. Метеорит распространял зловоние. Астрономы, к которым обратились за разъяснением, сообщили, что метеориты, падая, иногда проходят через межзвездные серные облака, чем, скорее всего, и объясняется этот жуткий запах.

Журналисты не скупились на броские заголовки и тут же окрестили камень «космической какашкой». А публика пыталась представить себе огромного инопланетянина, которому она могла принадлежать.

Когда начинал дуть северный ветер, южные кварталы накрывало волной зловония. Как бы плотно люди ни закрывали окна и двери, все было бесполезно. Отвратительный запах проникал повсюду. Едкий, тяжелый, ужасный запах. Спасаясь от него, женщины до одури обливались духами. Мужчины надевали маски из пористого пластика или фильтры из активированного угля, почти столь же неудобные, как настоящие противогазы. Когда люди возвращались домой, их одежда источала стойкий смрад, и, прежде чем снова надеть ее, приходилось до бесконечности стирать и перестирывать ее. С каждым днем запах становился все сильнее. Была выдвинута гипотеза, что внутри метеорита находится органическая разлагающаяся масса.

Даже мухи предпочитали держаться подальше от него.

Никто не мог остаться равнодушным к этому вонючему бедствию. Стенки носа были раздражены, горло горело, язык распух. Астматики задыхались, страдавшие от насморка не решались дышать ртом, собаки выли.

Сначала метеорит стал национальной достопримечательностью, и туристы съезжались, чтобы посмотреть на него, но вскоре «космическое дерьмо» превратилось в проблему номер один города Парижа, а затем и всей Франции.

Жители покинули окрестности Люксембургского сада. Никому больше и в голову не приходило бегать там по утрам. Цены на квартиры падали, вонь распространялась, и люди уезжали все дальше от центра несчастной столицы.

Служба путей сообщения попыталась при помощи подъемных кранов и лебедок сбросить ужасный предмет в Сену, по которой он мог бы уплыть к океану. И черт с ним, с загрязнением окружающей среды. «Спустим воду в унитазе!» — воскликнул мэр. Но ни одна машина не смогла сдвинуть семидесятиметровый экскремент. Тогда его попытались взорвать. Но вещество было столь плотным, что метеорит не удалось ни расколоть, ни даже поцарапать.

Приходилось терпеть присутствие этой зловонной массы.

И тут молодому инженеру Франсуа Шавиньолю пришла в голову идея: «Раз мы не можем ни сдвинуть, ни разрушить его, давайте спрячем его под слоем бетона, чтобы прекратить распространение запаха». Сказано — сделано. И как раньше-то не додумались? Мэр распорядился начать операцию, которую впоследствии называли «глазированием». Со всей страны привезли самые мощные бетономешалки, самый прочный цемент и обмазали метеорит десятисантиметровым защитным слоем. Но он продолжал вонять. Метеорит покрыли еще одним слоем бетона толщиной в двадцать сантиметров. Вонь не прекращалась. Слой за слоем. Бетон на бетон.

Через месяц поверхность метеорита исчезла под метровой коркой бетона. Теперь он был похож на куб с закругленными углами. Но запах продолжал распространяться.

— Бетон слишком порист, — решил мэр. — Надо найти менее проницаемый материал.

Шавиньолю предложил гипс, обладающий великолепными абсорбирующими свойствами. Он будет впитывать дурной запах, как губка.

Последовал очередной провал. Гипс покрыли стекловатой: «Чередую слой стекловаты и слой гипса, мы получим двойную изоляцию, подобную

той, которую используют при строительстве домов».

Углы куба округлились сильнее, но зловоние не уменьшилось.

— Нам нужен материал, не пропускающий ни унции газа, — рычал мэр.

Лбы наморщились. Какой материал может победить подобный запах?

— Стекло! — воскликнул Шавиньоль.

Как он прежде не догадался? Стекло! Эта плотная, тяжелая, непроницаемая субстанция станет самой лучшей защитой.

Рабочие растопили силикатное стекло до получения горячей оранжевой массы, которой и покрыли поверхность метеорита.

Когда стекло остыло, метеорит стал похож на большой светлый и гладкий шар. Он был огромен и прекрасен. Запах, наконец, исчез.

Париж ликовал. Люди подбрасывали в воздух противогазы и угольные фильтры. Жители вернулись с окраин, начались народные гулянья. Вокруг шара, переливавшегося как перламутр, танцевали фарандолу.

Мощные прожекторы освещали его сферическую поверхность, а парижане уже говорили о памятнике в Люксембургском саду как о восьмом чуде света, на фоне которого статуя Свободы — просто безделушка.

Мэр произнес краткую речь, в которой не без юмора заметил, что «находит совершенно естественным, что этот огромный мяч находится в городе, обладающем лучшей в мире футбольной командой». Ему оглушительно аплодировали. В раскатах смеха растворились все былые страдания. Франсуа Шавиньоль был награжден медалью, и треск фотовспышек увековечил молодого ученого рядом с гигантским гладким шаром.

А в это время в другом измерении пространства ювелир-инопланетянин Глапнавуэт принимал клиентов.

— Фантастика! — воскликнула покупательница-центаврийка. — Какой красивый искусственный жемчуг! Как вам это удалось?

Глапнавуэт хитро улыбнулся.

— Секрет.

— Вы больше не используете устриц?

— Нет. Я придумал, как выращивать более крупные и блестящие жемчужины. Устрицы обволакивают искусственное ядро перламутром, но их полировка не идеальна, а мой новый метод дает великолепные результаты.

Покупательница поднесла лупу к ближайшему из своих восьми шарообразных глаз и убедилась, что качество работы, действительно, было безукоризненным. Жемчужина, освещенная голубым светом лампы,

переливалась тысячами огней. Центаврийка никогда прежде не видела ничего столь прекрасного.

— Вы использовали животное или машину? — заинтересованно спросила она.

Ювелир напустил на себя таинственный вид и его волосатые уши побагровели. Он хотел сохранить в секрете свое изобретение. Но, поскольку клиентка настаивала, прошептал:

— Я использую животных. Совсем маленьких животных, умеющих делать жемчуг лучше, чем устрицы. Так вам положить ее в футляр, или хотите сразу надеть?

— Я возьму футляр.

Центаврийка пришла в ужас от цены, которую заломил торговец, но ей очень хотелось получить драгоценность. Столь совершенная жемчужина, несомненно, произведет впечатление на ее центаврийских приемах. Она уже представляла, как во время ближайшего праздника поместит ее среди своих восьми грудей.

На следующий день ювелир Глапнавуэт, вооружившись щипчиками для бровей, поспешил отправить новую соринку в самый центр Люксембургского сада. Еще более крупную и пахучую, чем прежняя. Точно на то же место, что и первую. Для увеличения производительности еще по одной такой же соринке он положил на Красную площадь в Москве, в Центральный Парк в Нью-Йорке, на площадь Тяньаньмэнь в Пекине и на Пикадилли-Сиркус в Лондоне. Он обеспечил свое будущее. Если все пойдет хорошо, он будет получать с этой маленькой голубой планеты Солнечной системы от пятидесяти до ста жемчужин в год. И все это — практически даром. Достаточно всего одного вонючего шарика, купленного в магазине «Фарсы и розыгрыши». Конечно, потом приходится долго отмывать руки, чтобы исчез дурной запах, но игра стоит свеч.

Все подружки покупательницы-центаврийки пришли в восторг от искусственной жемчужины Глапнавуэта и тут же захотели купить такие же.

Та, что тревожит мои сны

Идеальная женщина?

Это египетская богиня, это Нут.

В пять часов утра, когда солнце еще розовое, она принимает ванну из молока ослицы и цедит свой любимый аперитив из жемчужины, растворенной в уксусе из старого коринфского вина. Для любой другой женщины этот напиток был бы ядом. Усердные служанки делают ей массаж, а оркестр играет ее личный гимн.

Это единственный гимн, где вокальную партию исполняют не люди, а хор из восьми тысяч трехсот соловьев.

Затем Нут завтракает вымоченными в миндальном молоке листьями эвкалипта. Потом она приступает к макияжу.

Нут сама толчет краску в ступке из слоновой кости и наносит серебряную пыль на свои прозрачные веки с длинными загнутыми ресницами. Она оживляет цвет губ мазью из лепестков мака. Красит ногти на ногах и руках лаком из чернил осьминога.

На ней лишь туника из золотых нитей и всего две драгоценности: кроваво-красный рубин в волосах и сапфир в углублении пупка.

На мочки ушей и шею Нут наносит три капли белого мускуса, настоящего на бергамоте. Эти духи приготовила для нее старая критская рабыня, которую она привезла из путешествий по северным варварским странам.

Нут никогда не бьет рабынь. Только если они красивее, чем она сама. Но это случается редко.

Слуги ждут ее приказаний.

Когда она говорит, ее серьги сверкают, как роса, когда она ходит, браслеты на щиколотках громко звенят.

Ей приводят ее кошку. Гепарда зовут Самбрал, и он живет только для нее.

Нут ничего не делает, боясь натрудить руки. Нут убеждена в том, что от работы появляются морщины и сокращается продолжительность жизни. Нут не ест, она пробует. Нут не дышит, она трепещет.

Нут не только женщина. Нут еще и звезда, как Солнце и утренняя Венера.

Прирожденная владычица (утверждают, что она дочь ветра), Нут не боится мешаться с толпой, особенно по воскресеньям во время бегов

утконосов в долине Нила.

Иногда Нут покидает свои сады. Цветы при ее появлении источают самые тонкие ароматы, надеясь привлечь ее внимание. Тщетно.

Порой Нут приобретает одежду из черной кожи (покоряясь, как она говорит, «плебейским фантазиям»; Нут любит подчеркнуть свою простоту), но она никогда не опускается до того, чтобы ее носить.

В полдень Нут ест пиццу. Она любит, чтобы пицца была без анчоусов, с большим количеством каперсов, с добавлением душицы, моцареллы из молока буйволицы, с острым оливковым маслом первого холодного отжима. Мука должна быть из пшеницы, выросшей на солнце, а тесто выпечено на углях из сандалового дерева.

К пицце подается зеленый листовой салат, причем только его сердцевина (Нут ненавидит угрюмый хруст жесткой зелени на зубах). Соус бальзамик подается, конечно, отдельно, он должен быть температуры человеческого тела и ароматизирован тмином.

Нут не ходит, она скользит, Нут не говорит, она поет, Нут не смотрит, она наблюдает, Нут не слушает, она внимает.

Вернувшись к себе, Нут иногда играет на лютне. Она ласкает инструмент хрупкими пальцами с длинными ногтями. Утверждают, что тот, кто слышит ее игру, испытывает чувство, подобное глубокому опьянению.

Когда на склоне дня она проходит в свою гостиную, солнце меркнет, так как не хочет становиться ее тенью. То, что она боится мышей, не имеет никакого значения.

Во время ужина Нут принимает гостей. Она сочиняет изысканные приветствия, которые записывает на раскрашенных папирусах. Потом она читает их гостям. Все восхищаются ее умом.

У Нут есть брат Гипозиас, который тайно любит ее и запрещает любому мужчине старше тринадцати лет приближаться к ней. Но она знает, что, как только встретит юношу, достойного себя, то без колебаний устранил Гипозиаса.

Вечером, когда тьма покрывает небо и гасит облака, Нут, равнодушно облокотившись на перила балкона, размышляет о тайне своей жизни и странностях Вселенной.

Рука ее перебирает лежащие в пиале кедровые орешки, перемешанные с кисловатыми на вкус коконами шелковичного червя.

Прежде чем она отправится спать, мудрец рассказывает ей правдивую историю мира. Он говорит ей о битвах богов во мраке прошедших времен. Повествует об оглушительном грохоте сталкивавшихся друг с другом сил природы, создававших скромный мир смертных. Он вспоминает сказки о

невидимых народах, в которых домовые, кентавры, грифоны, херувимы и прочая нечисть бьются за влияние на разум смертных. Он поет славу побежденным героям, бившимся за осуществление своей мечты.

И она размышляет...

С недавнего времени Нут предается новому развлечению — завоеванию соседних стран. Она уже покорила Намибию и победила орды нумидийцев на юге. К несчастью, армия Нут состоит в основном из батавских наемников, молдавских лучников, швейцарских пращников, атласских львов с клыками, отравленными цианистым калием, из страусов с клювами, утыканными бритвенными лезвиями, огнедышащих орлов, прирученных карликовых слонов, чьи хоботы изрыгают смолу, и ястребов, умеющих обливать противника кипящим маслом. Она не может тягаться с современными армиями двадцать первого века. Поэтому Нут ищет того, кто мог бы модернизировать ее войско. Она хочет, чтобы он хорошо владел саблями, был принцем страны, не меньшей, чем государство самой Нут, умел дрессировать слонов, был хорошо одет, не плевался на улице, не ковырял в носу, не замечал ничьей красоты, кроме красоты Нут, чтобы владел современной техникой кинезитерапии и не имел никаких — ни военных, ни семейных — обязательств (Нут не нужна еще и свекровь на шею).

Нут хочет, чтобы он был послушным, но диким. Изысканным, но развязным. Покорным, но дерзким. Нут не собирается помирать с ним со скуки. Он должен быть спокойным, но склонным к душевным порывам. Красивым, но не осознающим своей красоты. И у него обязательно должна быть красивая красная машина с объемом цилиндра в три тысячи кубических сантиметров, а в банке счет и драгоценности, надежно спрятанные в сейфе с цифровым замком. При соблюдении последнего условия, все остальное несущественно.

Если вы знаете кого-нибудь, кто может заинтересовать Нут, свяжитесь с редакцией, ей передадут.

Отпуск на Соколиной горе

Июнь. Солнце сияет, воздух легкий. На улице полно девушек в блузках с глубоким вырезом и джинсах в обтяжку и мужчин в майках и черных очках. В этом году Пьер Люберон решил на все свои сбережения сделать себе подарок — необычное путешествие. Он собирается отправиться в прошлое. Это нужно испытать хотя бы раз в жизни, говорит он себе, решительно открывая дверь агентства, которое продает туры в прошлое.

Его встречает симпатичная служащая.

— В какой век вы желали бы отправиться? — любезно спрашивает она.

— В эпоху Людовика XIV! Я всегда мечтал об этом времени! Достаточно перечитать Мольера или Лафонтена, чтобы убедиться, какими утонченными были тогда люди. Я хочу увидеть сады, фонтаны, лепнину и скульптуры Версальского дворца. Хочу приобщиться к искусству галантности, имевшему такое значение при дворе. Хочу вдохнуть еще не загрязненный воздух Парижа. Попробовать помидоров со вкусом помидоров. Хочу фруктов и овощей без пестицидов и фунгицидов. Хочу выпить не пастеризованного молока. Я хочу узнать их настоящий вкус! Хочу узнать время, когда люди не дурели по вечерам у телевизоров, когда умели веселиться, вести беседу, интересоваться другими. Я хочу поговорить с мужчинами и женщинами, которые не принимают антидепрессанты перед тем, как отправиться в офис.

Служащая улыбается.

— Как я вас понимаю, сударь. Это действительно прекрасный выбор. Приятно видеть ваш энтузиазм.

Она берет бланк и начинает его заполнять.

— Вы не забыли о необходимых прививках?

— Какие прививки! Насколько я понимаю, я отправляюсь не в страну «третьего мира»!

— Конечно, но, видите ли, гигиена в то время...

— Я хочу отправиться в 1666 год, чтобы присутствовать на «Мнимом больном», представленном Мольером двору! Я не еду тонуть в болотах бирманских джунглей! — возмущается Пьер Люберон.

Служащая говорит примирительно:

— Конечно, но в 1666 году во Франции еще случались эпидемии чумы, холеры, туберкулеза, ящура и тому подобного. Вы должны сделать

прививки против этих болезней, иначе вы можете привезти их с собой. Это необходимая мера предосторожности.

На следующий день Пьер Люберон приносит медицинскую книжку, страницы которой пестрят печатями.

— Я сделал прививки против всего и даже больше. Когда я могу уехать?

Служащая проверяет печати, потом протягивает ему маленький путеводитель.

— Вы найдете здесь советы, которые будут вам полезны. Еще несколько рекомендаций: принимайте каждый день нивакин и ни в коем случае не пейте воды.

— Что же тогда можно?

— Спиртные напитки, конечно! — громко басит высокий бородач, вошедший в агентство.

— Спиртные напитки? — удивляется Пьер, обращившись.

— Месье прав, — подтверждает служащая. — В 1666 году лучше пить спиртные напитки. Ячменное пиво, мед, вино, амброзию... Спирт убивает микробы.

— К счастью, тогда были великолепные напитки, — подхватывает клиент. — Например, вино из ячменя! Потом поделитесь со мной впечатлениями.

Пьер смотрит на него с сомнением.

— Вы что, уже бывали в 1666 году?

— И не раз! — отвечает бородач. — Я великий путешественник по времени и пространству. Позвольте представиться: Ансельм Дюпре, к вашим услугам! Заслуженный турист, автор «Руководства для путешественников по времени». Я исследовал уже немало эпох.

Ансельм садится, его взгляд устремлен вдаль.

— Я профессиональный турист. Помогал строить пирамиду Хеопса в Египте. О, незабываемая атмосфера царила на стройке! Там был один потрясающий тип, постоянно балагурил, да так, что мы от смеха пополам сгибались. Я гарцевал рядом с Александром Великим и видел победу над персами при Арбелах. Может, Александр и его генералы и были гомосексуалистами, но воевали они отлично! Вы выбрали эпоху Людовика XIV? Прекрасное время. Если представится возможность, попробуйте типичное для того периода блюдо — садовую овсянку[Садовая овсянка — птица отряда воробьиных. Некогда французские гурманы особенно любили есть эту маленькую птичку в запеченном виде. Сейчас охота на нее во Франции запрещена. (Прим. редактора).] под «Егерским» соусом. Потом

расскажете.

У Пьера бородач вызывает недоверие. Он поворачивается к служащей.

— Еще какие-нибудь рекомендации?

— Да. Вы встретите людей того времени. Не знакомьте их с современными техническими достижениями. Не рассказывайте о будущем. Никогда не признавайтесь в том, что вы — турист из другого времени. Если возникнут какие-нибудь трудности, немедленно возвращайтесь.

— Ну, и с чего мне начать?

Молодая женщина протягивает ему предмет, похожий на калькулятор и снабженный разнообразными кнопками.

— Вот сюда введите желаемую дату и вот тут подтвердите ее. Так вы создадите квантовый перекресток, который и перенесет вас в нужные пространство и время. Будьте осторожны, не перепутайте время возвращения. Прибор рассчитан только на одну поездку. Ошибаться вы не должны,

— Ни в коем случае! — подхватывает Ансельм Дюпре. — Ошибаться нельзя, иначе вы застрянете в прошлом. У меня так вышло с друзьями. Я много раз пытался их отыскать, но не знаю, где именно они находятся. Искать человека по всей планете и так достаточно трудно, но найти его, не представляя, в каком он времени, просто невозможно.

Служащая протягивает Пьеру желтый листок.

— Желаете подписать «Темпоро-помощь»?

Пьер разглядывает листок.

— Что это?

— Страховка. Если у вас будут неприятности, спасательная команда отправится на ваши поиски. Мы выручили уже немало туристов, затерявшихся во времени.

— Это дорого?

— Тысяча евро. Но, подписав контракт, вы получаете гарантированную помощь на любой случай. Я настоятельно вам рекомендую.

Пьер размышляет.

— Я тоже позволю себе посоветовать вам воспользоваться этой услугой, — говорит бородастый клиент. — Я без нее никогда не выезжаю.

Тысяча евро — это почти треть цены билета. За какую-то страховку! Не стоит преувеличивать, решает Пьер Люберон. Для обычных путешествий он никогда не принимал таких мер предосторожности, не будет делать исключений и в этот раз. Это же просто отдых, в конце концов!

— Нет, простите, но это очень дорого. Я не хочу.

Служащая возводит глаза к небу.

— Жаль, вы рискуете пожалеть о вашем решении.

— Я его уже принял. Еще какие-нибудь советы?

— Нет, теперь вы можете ехать. Введите в прибор год и пункт назначения вашей поездки и нажмите вот здесь, — говорит служащая, протягивая ему красный калькулятор.

Пьер надевает костюм эпохи Людовика XIV, купленный у костюмера с киностудии. Он берет с собой лишь кожаную сумку без отличительных временных особенностей. Потом удобно усаживается на стул, вводит нужную дату и нажимает на кнопку выезда.

Париж. 1666 год.

Первое впечатление, ошелолившее Пьера, — запах. Город воняет мочой. Да так, что Пьеру хочется нажать на кнопку возвращения. Он сдерживает дыхание, прижимает к носу платок. Кое-как он справляется с этой мерзостью.

Следующий удар — мухи. В таком количестве Пьер не видел их нигде, даже в странах «третьего мира». Надо сказать, что и человеческих экскрементов на улицах города в таком количестве он нигде не видел. Он спешит на торговую улицу. Повсюду яркие вывески. Башмак обозначает мастерскую сапожника, бутылка — таверну, курица — лавку торговца жареным мясом. Продавцы оглушительно кричат, чтобы привлечь покупателей. Все говорят по-французски, но для современного туриста это звучит дико и вовсе не похоже на язык Мольера.

Пьер Люберон едва успевает увернуться от помоев, которые выливает из окна какая-то хозяйка. Боже, он никогда не думал, что в XVII веке так грязно! И постоянный запах мочи и тухлятины! Естественно, ведь нет ни канализации, ни водопровода, ни мусоропровода, ни службы уборки улиц. Повсюду шныряют крысы, свободно разгуливают свиньи, роясь в отбросах. Свиньи и крысы — дворники той эпохи.

Улицы узкие и извилистые. Пьеру кажется, что он попал в нескончаемый зловонный лабиринт.

Лавки кожевников добавляют новых едких запахов.

Пьер думает о том, что у XXI века есть не только недостатки. Он идет дальше, улица становится шире и выводит к виселице на Соколиной горе. Наконец-то известное место. Наконец-то он чувствует себя туристом. На телах повешенных сидят вороны. Там, где на землю пролилось семя казненных, растут мандрагоры. Значит, легенда не врет.

Маленьким цифровым фотоаппаратом Пьер делает несколько снимков, его друзья будут поражены.

Он направляет свои стопы туда, где, как ему кажется, должен быть центр города, и обнаруживает несколько памятников и исторических мест: каре Тампля, двор Чудес. Пьер переполнен образами и звуками эпохи. Поездка становится интереснее. Если бы не одуряющий запах, экскурсия была бы почти приятной. Он заходит в таверну выпить кружку ячменного пива, терпкого и теплого, сожалея о том, что холодильников еще не существует. Затем продолжает прогулку, подыскивая постоянный двор для ночлега.

И теряется на какой-то улочке. Мух вокруг него становится все больше. Он видит, что их привлекают не только человеческие испражнения и мусор, но и трупы. «Тупик Душегубов» — гласит надпись на стене, и как раз под ней покоится тело без признаков жизни, с перерезанным горлом.

— Позовите стражу! — кричит Пьер прохожим.

Какой-то человек отвечает ему неразборчивой фразой. Народный старофранцузский, без сомнения. К счастью, Пьер предвидел, что язык этого времени будет не слишком понятен. Имплантированный в ухо протез-переводчик приходит ему на помощь.

— В чем дело, ты чего? — оказывается, спрашивает прохожий.

Протез-толмач подсказывает Пьеру слова: «Нужно сообщить в полицию». Тут собеседник Пьера замахивается дубиной и точно рассчитанным ударом оглушает туриста. Теряя сознание, Пьер успевает увидеть, как прохожий удирает с его кожаной сумкой.

Пьер приходит в себя, когда какая-то девушка накладывает ему жгут. Острым ножом она ранит его прежде, чем он успевает ей помешать; из раны хлещет кровь.

— Что вы делаете, несчастная?

Девушка пожимает плечами.

— Кровопускание, конечно. Вам стало плохо, я притащила вас к себе, а вы на меня кричите в благодарность!

Она хохочет, потом хватается влажное полотенце и вытирает ему лоб.

— Лежите спокойно, вас еще лихорадит. Не нужно было драться на улице.

Пьер потирает себе голову... вспоминает, что на него напали в тупике Душегубов... И украли сумку с прибором, который должен помочь ему вернуться в свое время!

Он совершенно подавлен, он понимает, что навсегда остался узником прошлого.

Пьер медленно поднимает глаза на свою спасительницу. Девушка молода, грациозна и не лишена известного очарования. Но одно сильно смущает Пьера. От нее пахнет, как в зверинце. Она, видимо, не мылась с самого рождения.

— Что такое? — спрашивает барышня.

Еще того хуже, когда она говорит. Из ее рта несет гнилью, а вид черных зубов ужасен. Она, несомненно, не знакома ни с зубной пастой, ни с дантистами, может быть, лишь с зубодерами. Скорее всего она ни разу в жизни не чистила зубы.

— У вас нет аспирина? — спрашивает Пьер.

— Чего?

— Ой, извините, я хотел сказать, отвара коры плакучей ивы.

Девушка сдвигает брови.

— Вы знаете лекарственные травы?

Она настораживается и разглядывает Пьера так, словно уже жалеет, что спасла его.

— Вы случайно не колдун?

— Нет, вовсе нет.

— Во всяком случае, вы очень странный, — замечает она, нахмурившись.

— Меня зовут Пьер. А вас?

— Петронилла. Я дочка сапожника.

— Спасибо за то, что спасли меня, Петронилла, — говорит он.

— Ох, наконец-то немного благодарности. Я вам приготовила гоголь-моголь, господин странный странник, всему удивляющийся и сам удивляющийся.

Она приносит ему неаппетитный желтовато-белый отвар с плавающими в нем кусочками хлеба и репы. Пьер проглатывает жирную жидкость, ему хватает ума не просить ни чая, ни кофе.

— Можно подумать, что, с тех пор как вы пришли в себя, вы не в себе, — продолжает девушка.

— Понимаете, я приехал из провинции, где люди помешаны на банях и...

— Бани? Парильни, вы хотите сказать?

Она объясняет Пьеру, что эти места телесных омовений давно превратились в места разврата. Более того, ученые установили, что от горячей воды кожа трескается и организм отдан на волю всем заразным ветрам, и подозревают, что пресловутые парильни — рассадники чумы.

«Видимо, эти заведения вызывают недовольство Церкви», — думает

Пьер.

Слова Петрониллы подтверждают его догадку:

— Господин кюре запрещает нам посещать парильни. Он говорит, что добрым христианам нечего делать в местах, где жарко и влажно, словно в аду.

«Забавно будет по возвращении написать диссертацию о гигиене в XVII веке», — приходит в голову Пьеру.

— Ну, хватит разговоров, отдыхайте, — приказывает девушка.

Будит его караул, пришедший арестовать его. Петронилла донесла на него. Пьера обвиняют в колдовстве, торжественно препровождают в тюрьму и бросают в застенок, где уже сидят двое заключенных.

— За что вы сюда попали?

— За колдовство.

— А вы?

— За колдовство.

— Все за колдовство?

Пьер замечает предмет, выглядывающий из-под жилета одного из сокамерников.

— У вас есть фотоаппарат!

— А что, вы знакомы с фотографией? — восклицает тот.

— Конечно, я из XXI века. А вы?

— Тоже.

Пьеру становится легче.

— Я в отпуске, — рассказывает он. — Мне не повезло. Сначала я пострадал от ловкой руки, потом от святого креста. И вот теперь попал сюда.

— Мы все здесь туристы по прошлому! — замечает третий пленник.

— Да, и они принимают нас за колдунов.

Откуда-то доносятся жуткие вопли, трое задержанных трепещут.

— Мне страшно. Что они с нами сделают? Конечно же, станут пытаться, пока мы не сознаемся в сговоре с сатаной, — вздыхает обладатель фотоаппарата. — А потом повесят на Соколиной горе.

Пьер думает, что скоро сам будет выращивать мандрагоры. Он весь во власти воспоминания о повешенных с их синими языками и головами, на которых сидят вороны. Как это далеко от Версаля и пьес Мольера. Ох, если бы он не потерял свою машину времени! Он шевелится, и ржавые цепи впиваются в запястья.

Третий «колдун» сохраняет полную невозмутимость.

— А вы не очень-то переживаете, — говорит ему Пьер Люберон.

— Я подписал страхового контракт с «Темпоро-помощью». Если я в течение трех часов не подам условный сигнал, они меня переместят автоматически. Что, кстати, скоро и произойдет.

И он действительно внезапно исчезает, оставив после себя лишь пустые обвисшие цепи и легкий синеватый дымок.

— Это только укрепит подозрения наших тюремщиков, — замечает другой турист и дует, стараясь рассеять дымок, который можно принять за колдовской.

Пьер, терзаемый острой тревогой, кусает губы.

— Ах, если бы я тоже подписал контракт с «Темпоро», как мне советовали...

Дверь темницы со зловещим скрипом открывается, и входит человек внушительного роста, в красной маске, закрывающей пол-лица. Это палач. Лицо его, кажется, знакомо Пьеру Люберону. Эта черная борода... Да ведь это Ансельм Дюпре, составитель «Руководства для путешественников по времени»! Что он здесь делает? На секунду у Пьера возникает надежда, что Дюпре явился, чтобы спасти его. Но времени больше нет. Вооруженные люди тащат Пьера к виселице, а Дюпре готовится предать его казни.

— Надо было слушать меня, — шепчет он на ухо Пьеру. — Я ведь не только автор «Руководства», преданный своему делу и готовый на любую работу в любой эпохе, чтобы добыть информацию для читателей. Я еще и занимаюсь маркетингом в «Темпоро-помощи».

Палач накидывает веревку Пьеру на шею и начинает затягивать ее. Жизнь Пьера Люберона держится на маленькой табуреточке, по которой скользят его ноги. Пьер закрывает глаза, и лучшие мгновения его прошлого проносятся перед его мысленным взором.

Дюпре снова подходит к нему и бормочет:

— «Темпоро-помощь» начала рекламную кампанию для туристов, отправляющихся в отпуск в июне, перед основным летним потоком. Этот период мы делаем льготным. Ведь студенты еще не сдали экзамены, и, перенеся время отпуска, можно избежать давки. Что вы об этом думаете?

— Действительно, отличная идея, — признает Пьер Люберон, запинаясь.

— Наши клиенты — просто панурговы овцы. Все едут в июле и августе, а в июне агентства почти без работы, да и дороги пустые.

— Это точно, — с трудом произносит Пьер. — Просто что-то неслыханное.

— Вот вы выбрали июнь. Это хорошо. Как жаль, что вы не воспользовались предложением «Темпоро-помощи»! Я, конечно, мог бы

быть настойчивее. Но у нас очень строгие правила этики: не навязываться.

— Конечно, — соглашается Пьер, судорожно сглатывая слюну.

— Иначе у нас будут сложности со Службой контроля туризма.

Толпа вокруг уже скандирует: «Смерть колдуну! Смерть колдуну!»

— Кстати, — спрашивает Пьера палач, — если вы сейчас не погибнете, когда возьмете отпуск в следующем году?

— В июне. В июне или уж в сентябре. Вы правы, нужно отдыхать в более свободные от толчеи месяцы. Как и в этот раз, чтобы избежать большого потока июля — августа.

Палач, спрятавший лицо под красной маской, кажется, крепко задумывается. Толпа начинает проявлять нетерпение.

— Вы поедете в июне и возьмете страховку «Темпоро-помощи»?

— Конечно! Я даже друзьям ее порекомендую. Но про свои неприятности, разумеется, рассказывать не буду.

— «Темпоро-помощь» всегда думает о своих клиентах — и настоящих, и будущих. Добро пожаловать в наше агентство.

Величественным жестом Ансельм Дюпре вкладывает в связанные за спиной руки Пьера красный калькулятор, на котором высвечивается цифра 2000. Пьер нажимает на кнопку, клянясь себе, что это его последнее путешествие в прошлое, несмотря ни на какую «Темпоро-помощь». На будущий год он бронирует себе место в пансионате на Лазурном Берегу. И в июле, как все.

Хватит экстрима.

Манипулирование

Меня зовут Норбер Петироллен, я инспектор полиции. Долгое время я полагал, что полностью контролирую свое тело, пока не настал день, когда я столкнулся с проблемой. Ситуация была совершенно невероятной: моя левая рука меня не слушалась.

Я не знаю, как она обрела свободу, но мои муки начались, когда я решил почесать нос.

Обычно я делаю это правой рукой, но в тот момент я читал книгу и решил, что проще будет воспользоваться левой. Она даже не пошевелилась. Я не обратил на это особого внимания и как обычно почесал нос правой рукой.

Инцидент повторился. Однажды моя левая рука бросила руль в тот момент, когда правая переключала скорость. Я еле успел развернуть машину, изо всех сил вцепившись в руль правой рукой. Дальше — больше, левая рука отказалась держать ложку, и правая была вынуждена сражаться со спагетти в одиночку.

Моя реакция была простой: я заговорил с ней. Я сказал:

— Что с тобой происходит? В чем дело?

Поскольку у левой руки нет рта, ответить она не могла, но то, что она сделала, меня чрезвычайно удивило: она показала на мою правую руку, а точнее, на серебряную цепочку, украшавшую правое запястье. Возможно ли, чтобы левая рука завидовала правой?

В недоумении я расстегнул зубами замочек цепочки на правой руке и надел ее на левое запястье. Может быть, это игра моего воображения, но мне показалось, что левая рука стала вновь мне подчиняться. Она отправлялась чесать нос после первой же просьбы. Она крепко держала руль, пока правая переключала скорость. Отныне она была послушной и хорошо воспитанной рукой.

Все шло прекрасно до того дня, когда левая рука вновь не взяла независимости. Я был на спектакле в «Гранд Опера», и тут она принялась щелкать пальцами, да так, что я был вынужден выйти под шиканье публики. И она отказалась объяснить мне свое варварское поведение.

Теперь левая рука все время бесила меня. Она смешила людей, залезая в карманы и вылезая из них, дергала меня за волосы, не давала правой руке подстричь на себе ногти, что стоило мне многочисленных порезов. Иногда ночью она будила меня, засовывая пальцы в нос, так что я начинал

задышаться.

Разумеется, я не собирался сдаваться. Но левая хотела мне что-то втолковать и настаивала на том, чтобы я уделил ей немного внимания. Страшного врага одолеть нетрудно, но когда противник постоянно копошится у вас под боком и прячется в кармане ваших брюк, справиться с ним не так-то просто, уверяю вас.

Потянулись незабываемые недели. Левая рука воровала вещи в супермаркетах и предательски совала украденное под нос охранникам, ставя меня в ужасное положение. Не знаю, что бы я делал без моего полицейского удостоверения.

Когда я приходил в гости к друзьям, она как бы случайно опрокидывала хрупкие безделушки и статуэтки.

Она залезала под юбки к самым консервативным дамам и позволяла себе даже гладить чужую грудь, в то время как я и правая рука спокойно пили чай. Я получил много пощечин, на которые моя левая рука отвечала непристойными жестами.

В конце концов я рассказал о своих неприятностях другу, психоаналитику Оноре Падю. Он ответил, что все это вполне нормально. Полушария головного мозга находятся в противоборстве: левое подчинено разуму, правое — страсти. Левое — сознательному, правое — бессознательному. Левое — порядку, правое — безначалию. Левое — мужское, правое — женское.

— Но почему же, если левое полушарие заведует порядком, левая рука творит все больше глупостей?

— Потому что контроль за ней осуществляется противоположным полушарием. Правый глаз, правая рука, правая нога подчиняются левому полушарию и наоборот. Подсознание, которое ты слишком долго подавлял, пытается привлечь к себе внимание. Обычно это выражается в нервных срывах, приступах гнева, истериках. У тебя же это проходит несколько необычным образом. Фрустрация правого полушария выразилась в бунте левой руки. Очень интересный случай. Представим, что твое тело — целая страна, и один регион взбунтовался. Франция помнит сепаратистские движения вандейцев, бретонцев, басков, каталанцев. Ты столкнулся с внутривнутриполитическим кризисом организма. Совершенно естественный процесс.

Меня несколько успокоило, что у психоаналитика нашлось хоть какое-то объяснение, но неприятности, связанные с «бунтующим регионом», росли и множились. Они уже мешали мне работать.

В комиссариате моя левая рука баловалась с кобурой лежащего на

столе револьвера. Она уничтожала рапорты, поджигала спички и бросала их в корзину для бумаг, дергала за уши сотрудников, стоящих выше меня.

Я был вынужден спросить левую руку, чего ей хочется. Может быть, перстень с правой руки? Но левая рука завладела ручкой и с трудом (поскольку я правша) написала: «Заклучим контракт о сотрудничестве».

Мне показалось, что у меня начался бред. Сотрудничать со своей рукой! Когда она принадлежит мне с рождения! Не может быть и речи о том, чтобы подписывать контракт с тем, что и так тебе принадлежит. Левая рука была всегда в моем распоряжении. Она — моя. И, поскольку она вроде бы слышала внутренний голос, я ей сказал:

— А еще чего?

Она снова взялась за перо:

«Мне нужны карманные деньги, чтобы я могла жить так, как хочу. Иначе я сделаю твою жизнь невыносимой».

Я попытался умаслить ее маникюром. Очаровательная молодая женщина с нежными руками занялась ею и привела в порядок. Ногти сияли. Предательница была чиста и безукоризненна, но все это нисколько не смягчило ее. При первой же возможности, она везде выводила: «Сотрудничество или саботаж!»

Я не поддался шантажу. Однажды левая рука схватила меня за горло и попыталась задушить. Правая с большим трудом ослабила ее хватку. Теперь я понял: левая рука опасна. Но и я мог стать таким же. Я предупредил ее:

— Если ты будешь стоять на своем, я тебя ампутрую.

Конечно, такой выход меня и самого не особенно привлекал, но я не желал жить в постоянном страхе перед враждебной неуправляемой рукой. Чтобы доказать свою решимость, я надел на нее горнолыжную перчатку, надеясь, что это немного ее успокоит. Никакого результата. Я подверг руку заключению в дубовый ящик собственной конструкции, не позволявший ей сжиматься в кулак и оставил там на всю ночь. Утром я почувствовал, что она вся мокрая от унижения. Тюрьма — радикальное средство против строптивых рук. Теперь она поймет, кто здесь главный.

«Я, Норбер Петироллен, безусловный хозяин всего организма, от кончиков пальцев до мозга костей, владелец органов и их ответвлений, единственный ответственный за маршрут гормонов, желудочного сока, судья тока крови и нервных реакций. Я властелин своего тела. Титул этот принадлежит мне по праву рождения. Любое стремление какого бы то ни было органа к сепаратизму будет жестоко подавлено», — повторял я, словно Людовик XI, объединитель земель.

Я освободил руку из тюрьмы, и недели две она вела себя прилично. А потом схватила мел и написала на стене: «Свобода, равенство, сотрудничество». Это было уже слишком. Может быть, и право голоса, если уж на то пошло? Моя правая рука будет голосовать за правых, а левая — за левых.

Я заковал ее в гипс на неделю. В клетку! Если кто-то спрашивал, что случилось, я отвечал, что упал, катаясь на лыжах. Левой руке было не по себе. Вечерами она грустно скребла ногтями по гипсу. Я человек добрый, и наконец я освободил ее. Левая рука затрепетала, снова увидев солнце.

После этого я больше не мог пожаловаться на свою левую руку, и вернулся к своим обычным занятиям, но однажды все снова перевернулось с ног на голову. Я расследовал чудовищное преступление: убийство продавщицы супермаркета, которую задушили накануне вечером. Было вполне очевидно, что это гнусное преступление было совершено не ради денег. Тело несчастной лежало рядом с открытой кассой, полной банкнот. Я снимал отпечатки пальцев, чтобы отправить на экспертизу, и каково же было мое изумление, когда я понял, что это отпечатки моей левой руки.

Расследование тянулось долго. Я вел его в строжайшей секретности, чтобы меня, если можно так сказать, не схватили за руку. Но чем дальше я распутывал дело, тем больше улики указывало на то, что преступление совершила моя левая рука. Она, кстати, пока длилось расследование, вела себя нагло, словно издевалась надо мной, барабанила гаммы на столах, словно говоря: «Ты хотел войны, ты ее получил».

Меня терзал вопрос: как моя левая рука смогла утянуть все мое тело на место преступления, да так, что я этого не заметил?

Я допрашивал свидетелей. Они говорили, что видели меня накануне недалеко от места преступления. Левой рукой я опирался на трость. Возможно ли, чтобы этот недостойный отросток моего тела переместил меня во сне, пользуясь тростью, как опорой? Нет! Запястье у меня не такое сильное, чтобы нести 85 килограммов не склонного к сотрудничеству мяса. А бунт пока выше запястья не поднялся.

Я опять обратился к врачу, и он объяснил мне, что я поражен очень редкой болезнью. Он хотел показать меня своим коллегам и написать о моем случае диссертацию. Я убежал со всех ног, к великому сожалению моей левой руки, которая цеплялась за двери, чтобы задержать меня.

Вернувшись домой, я решительно допросил левую руку. Каждый раз, когда она начинала врать, я бил ее по пальцам железной линейкой. Сначала, конечно, она пыталась защищаться — бросала мне в лицо ручки и ластики, до которых могла дотянуться. Но я привязал ее к ножке стола и бил

телефонным справочником до тех пор, пока она не согласилась писать. Телефонные справочники бьют очень больно, а следов не оставляют. В полиции стараются избегать телесного воздействия, но иногда бывают случаи, когда нужно заставить подозреваемого заговорить.

Левая рука согласилась сотрудничать. Она написала:

«Да, это я убила продавщицу. Ты не обращал на меня внимания, и я не нашла другого способа заставить тебя вспомнить обо мне».

— Каким способом ты увлекла все мое тело на место преступления?

Рука написала:

«Я много страдала, пока была в гипсе, но у меня было время подумать и составить план. Я применила гипноз. Когда ты заснул, я ущипнула тебя, чтобы разбудить наполовину, а потом раскачала у тебя перед глазами маятник, чтобы заставить повиноваться. Правая рука согласилась держать блокнот и я написала: «Иди в супермаркет». Ты пошел. Там оставалась всего одна продавщица, она пересчитывала выручку. Мы были одни — поразительная удача! Я бросилась на нее, ты последовал за мной, я сжала ей горло».

О, ужас! Я никогда не смогу оправдаться перед начальством. Кто мне поверит, если я заявлю, что моя левая рука совершила убийство, поскольку чувствовала себя оставленной без внимания?

Я долго сомневался: наказывать ли левую руку?

Надо ли сгрызть на ней ногти до крови?

Мы смотрели друг на друга, я — во все глаза, она — всеми пальцами. Она была красивая, моя левая рука. Просто великолепная рука. Она может и щипать, и хватать, и резать. Пальцы действуют независимо друг от друга, твердый кончик ногтя позволяет скрести и расщеплять волокнистые материалы. Своими руками я могу очень быстро печатать полицейские отчеты, играть в сотни игр, мыться, перелистывать книги, водить машину. Я многим им обязан. Только когда вы теряете вещь, вы понимаете, насколько она была незаменима. Мои руки — чудо механики. Никакой робот не может сравниться с ними.

Мне нужны мои руки. Даже непокорная левая.

Я пришел к заключению, что все-таки лучше с ней подружиться. В конце концов, эта рука мне хорошо служила в прошлом и очень пригодится в будущем. Она хочет автономии — тем лучше. У меня всегда будет советчик... под рукой. Я решил подписать со своей левой рукой контракт о сотрудничестве.

Итак, правая рука представляла мои интересы, а левая — свои собственные. Основная статья контракта гарантировала левой руке немного

карманных денег и еженедельный маникюр. В ответ она соглашалась участвовать в любой деятельности, которой занято все тело. Она будет раскачиваться в такт при беге, будет помогать правой руке играть на гитаре и так далее. Кроме того, левая рука будет пользоваться всеми преимуществами, связанными с принадлежностью к моему организму: терморегуляцией, кровоснабжением, системой оповещения о боли и помощью других органов, когда нужно прекратить страдания, ежедневной уборкой, одеждой по погоде, девятичасовым ежедневным отдыхом.

Так я получил мощного союзника, который всегда рядом и безгранично мне предан. Кстати, это левая рука подсказала мне бросить работу в полиции и открыть собственное детективное агентство: АЛРП, то есть Агентство «Левая Рука & Петироллен».

Кое-кто утверждает, что в агентстве хозяйничает и все важные решения принимает моя левая рука, но это злые, завистливые языки. Наверное, потому, что три четверти времени они проводят взаперти, в вонючих ртах, в компании зубов, покрытых налетом. Так можно и клаустрофобию нажить. Они хотят быть такими же независимыми, как моя левая рука. И это понятно.

Древо возможного

Вчера новости по телевизору были чудовищными.

Из-за этого я плохо спал.

Несколько раз просыпался в поту и в жару.

Наконец провалился в глубокий сон, и мне приснилось дерево, которое быстро росло, вытягивая ветви к небу.

Ствол становился толще, изгибался, потрескивал, когда появлялись листья; они раскрывались, а затем опадали, чтобы дать дорогу новым почкам.

Приглядевшись, на коре можно было заметить тысячи маленьких черных копошащихся точек. Это были не муравьи, а люди. Подойдя вплотную, вы видели младенцев, ползающих на четвереньках, они поднимались на ноги, становились подростками, взрослыми людьми, стариками. Время у них шло в ускоренном темпе.

Все больше черных точек гроздьями растекалось по коре гигантского дерева. Чем выше становилось дерево, тем многочисленнее делались точки. Люди образовывали длинные цепочки, ползущие по коре. Когда встречалась ветка, они останавливались. Когда достигали листьев, огибали их или взбирались на них. Иногда листок падал, и люди падали вместе с ним.

Ночью мне приснилось дерево, а утром пришла в голову идея.

Может быть, у истории есть циклы...

Может быть, какие-то события можно предвидеть, немного поразмыслив над тем, что уже случилось в прошлом...

У футурологов уже есть некоторые гипотезы на этот счет. Они заметили, что...

Каждые одиннадцать лет на планете происходит скачок насилия (они даже связывали это явление с выбросом магмы на солнечной поверхности).

Каждые семь лет случается обвал на бирже.

Каждые три года повышается уровень рождаемости.

Естественно, все это совсем не просто, но почему бы не попробовать предвосхитить будущее.

Вдруг, рассмотрев кривую логической или возможной эволюции, мы сможем предвидеть какие-то ситуации.

Уже давно специалисты обсуждают экспоненциальный демографический рост на Земле. Каждый раз они приходят к выводу, что,

пока удастся производить все больше и больше еды, ситуация не становится угрожающей. Но теперь мы знаем, что пища эта бедна витаминами и олигоценами, так как мы применяли слишком много удобрений и этим истощили почву. Достаточно ли богата Земля, чтобы прокормить человечество, вдвое увеличивающееся каждые десять лет? Не ждут ли нас войны за выживание?

Сможем ли мы связать все эти явления, чтобы предвидеть изменения, к которым они приведут в будущем?

Сегодняшним утром мне представилось, как в совершенстве постигшие науки мужчины и женщины — социологи, математики, историки, биологи, философы, политики, авторы научно-фантастических романов, астрономы — собрались в некоем уединенном месте. Они образовали Клуб провидцев.

Я представил, как эти специалисты предприняли попытку объединить свои знания и интуицию для составления разветвленной схемы — древа возможного будущего для человечества, планеты, сознания.

Может быть, их мнения не совпадут, это не имеет значения. Они могут даже ошибаться. Не важно, кто из них будет прав, а кто — нет, они только рассчитают, без каких-либо нравственных оценок, возможные варианты будущего человечества. Это будет банк данных всех сценариев будущего.

На листьях древа будут написаны предположения: «Если разразится мировая война», «Если придет в упадок метеорология», «Если обнаружится нехватка питьевой воды», «Если клонирование станут применять для создания бесплатной рабочей силы», «Если удастся построить город на Марсе», «Если окажется, что мясо заражает всех, употребляющих его в пищу, неизвестной болезнью», «Если человеческий мозг удастся подключать непосредственно к компьютеру», «Если радиоактивные вещества с затонувших русских атомных подводных лодок попадут в океан»...

Могут быть и более безобидные или будничные предположения: «Если вернется мода на мини-юбки», «Если увеличится возраст уходящих на пенсию», «Если сократится рабочее время», «Если снизятся нормы загрязнения окружающей среды автомобилями».

Таким образом, это огромное древо раскинет ветви и листья возможного будущего, которое ожидает людей.

Появятся новые утопии.

Результаты работы подмастерьев предвидения будут представлены только в схемах. Они не претендуют на роль «предсказателей», но укажут логику развития событий.

С помощью древа возможного будущего мы сможем выбирать то, что я назвал ПНН: «Путь наименьшего насилия». Мы поймем, что решение, кажущееся непопулярным в настоящий момент, позволит избежать серьезных проблем в близком или далеком будущем.

Древо возможного поможет политикам преодолеть страх потерять своих избирателей, и они станут действовать с большим прагматизмом. Они смогут заявить: «Древо возможного показывает, что такие-то мои действия приведут к таким-то негативным последствиям в ближайшее время, но зато в будущем мы избежим такого-то и такого-то кризиса, а если я не предприму этих действий, то существует вероятность такой-то и такой-то катастрофы».

Граждане, на самом деле не столь безразличные ко всему происходящему, как это кажется на первый взгляд, поймут его; их реакцией будет не паника, а взвешенный учет интересов их детей, внуков и правнуков.

Станет легче принимать жесткие меры, направленные на улучшение экологии.

Древо возможного позволит не только отыскать ПНН, но и заключить политическое соглашение с грядущими поколениями о сохранении для них Земли, пригодной для жизни.

Древо возможного поможет находить рациональные, а не эмоциональные решения.

Древо возможного будет необъятным в ширину и высоту. Если попытаться его нарисовать, получится огромная разветвленная схема.

И потому сегодня утром я думал и об использовании компьютерной программы, способной охватить и представить все его ветви.

Я подумал, что можно сделать ее подобной электронным шахматам, в которых просчитывается множество ходов и вариантов развития партии.

Достаточно будет ввести в программу какой-либо фактор, и компьютер рассчитает его воздействие на все другие. Мы узнаем, как возможность «Если сократить рабочее время» может, пусть даже и косвенно, воздействовать на возможность «Если разразится Третья мировая война» или на возможность «Если вернется мода на мини-юбки».

Сегодня утром я вообразил, что Древо возможного установлено на острове, в огромном здании, в центре которого — компьютер, а рядом — залы для собраний, дискуссий, отдыха. Светила науки с радостью будут приезжать туда, чтобы поделиться своими знаниями.

Я подумал об удовольствии, которое получают исследователи, сокращая насилие и обеспечивая покой грядущим поколениям.

Впрочем, это только идея, не более, которую я оставляю витать в воздухе. Я думаю, что сегодня вечером я отлично засну и придумаю что-нибудь еще.

Тайна цифр

$$1 + 1 = 2$$

$$2 + 2 = 4$$

С этим согласны все.

Продолжим.

$$4 + 4 = 8$$

$$8 + 8 = 16$$

И

$$8 + 9 = \dots$$

Он потер виски.

— Ну, что? — спросил голос.

— А-а, теперь начинаешь сомневаться, не так ли? $8 + 9 = ?$

Гримаса исказила лицо Винсента. Сколько же может быть $8 + 9$? У него было, конечно, интуитивное предчувствие решения. Клянусь рогами Великого Числа! Ему ведь говорили. Он должен вспомнить. $8 + 9 = \dots$

Вдруг его мозг пронзила молния.

— 17!

Все стало ясно.

— Хорошо. Это правильно. $8 + 9 = 17$.

Под высоким куполом церкви Цифры слово «семнадцать» громко отдалось несколько раз.

17.

Странная цифра. Плохо расчленяется. Не очень-то симпатичная. Но это сумма сложения 8 и 9.

Винсент нашел ответ. Значит, теперь он входит в состав мировой элиты. Человека с низким голосом, сидящего перед ним на многомерном троне, звали Эгалем Седью. Он руководил большим правительственным монастырем Цифры. Это был значительный человек. В иерархии монахов-солдат у него был высший титул — архиепископ-барон.

Он наклонился вперед и поднял палец.

— Придет день, и я скажу тебе одну ужасную вещь, — произнес словно дедушка, который обещает внуку конфету.

— Что еще мне предстоит узнать? — спросил Винсент.

— Я научу тебя складывать $9 + 9$. Этого ты не умеешь, не так ли?

Юный Винсент был смущен.

— Но ведь никто не знает, сколько будет $9 + 9$!

— Это знают немногие, но я знаю. И нас, знающих это, на всю планету человек сто. $9 + 9$ дает число. Число необыкновенное, удивительное, потрясающее, черт побери.

Винсент бросился на колени. Он был взволнован.

— О, учитель, скорее откройте мне эту великую тайну!

Эгалем Седью оттолкнул его ногой.

— В свое время ты узнаешь ее, но не сейчас. Какое у тебя звание?

— Я священник-рыцарь.

— Сколько тебе лет?

— Половина времени жизни.

— И ты умеешь считать до 17. Это хорошо.

Священник-рыцарь опустил глаза. И признался, что совсем недавно узнал о существовании числа 17.

Архиепископ-барон подался вперед с лукавой улыбкой на губах.

— Знаешь ли ты, до какого числа простирается моя мысль?

Винсент попытался ответить как можно лучше.

— Я не способен вообразить вашу мудрость и знания. Я предполагаю только, что должны существовать числа и после 17, и вы их знаете.

— Именно так. Их не так много, но они есть. И однажды ты их узнаешь! Возвращайся завтра, я поручу тебе великую миссию. Если ты справишься с ней, я открою тебе сумму $9 + 9$.

Какая честь! Шаг вперед. Обуреваемый чувствами, священник-рыцарь еле сдержал слезы. Учитель знаком дал понять, что он может подняться и уйти.

Винсент скакал на лошади и спрашивал себя, сколько же может быть $9 + 9$. Несомненно, огромное число, может быть, с удивительными включениями. Стремена прижимались к бокам боевого коня. Хоругвь с символом цифры билась по ветру. Один. Он чувствовал себя счастливым оттого, что был монахом и ученым.

Он открыл число 17 совершенно случайно. В таверне разгорелась драка, он обнажил шпагу и разогнал банду грабителей, напавших на старика. Тот был ранен. Винсент не смог спасти ему жизнь. Кровь старика лилась рекой, но ему хватило силы духа поблагодарить Винсента и в знак признательности открыть ему то, что « $8 + 8 = 16$ ». Старик не знал, что Винсент священник-рыцарь. Он ожидал, что Винсент облобызает ему ноги. Секрет 16 был известен немногим. Винсент сказал старику, что великолепно образован и давно знает, что $8 + 8 = 16$.

Раненый, уже в агонии, схватил его за руку и прошептал:

— А знаешь ли ты, сколько будет $8 + 9$?

8 + 9 — это было за пределами посвящения Винсента. И тогда, перед тем как испустить последний вздох, умирающий проговорил:

— 17!

И всего через неделю, верх удачи, великий архиепископ-барон Эгалем Седью вызвал к себе Винсента и обещал сообщить ему, сколько будет 9 + 9!

Это следующий уровень.

Все выше и выше поднимающееся сознание.

За несколько дней Винсент узнал то, о чем некоторые не подозревают всю свою жизнь.

Он улыбнулся. Винсент любил разгадывать тайны.

Он мчался во весь опор. Он вернулся домой, к жене Септине, интеллектуалке нового поколения, считавшей до 12, к детям, едва считавшим до 5, к родителям, так и не поднявшимся выше 10.

Будучи священником-рыцарем, Винсент был богат. Все в городе чтили людей, умевших считать дальше 15.

Он поговорил с женой, поиграл с детьми, которым старался дать самое лучшее образование, но родителям ему сказать было нечего: с разумом, ограниченным 10, диалог невозможен. Если бы они узнали, что существует еще и 11, и 12, и 13, и 14, они были бы совершенно потрясены.

Винсент жил в обществе, где все было основано на цифрах. Вместо того чтобы изучать предметы тематически или хронологически, их, начиная с самых младших классов, познавали через числа.

Углубленно изучить одну цифру было целью школьного года, а то и нескольких. В познание цифры преподаватели включали и географию, и историю, и другие науки. Коротко говоря, все, что относится к жизни духа.

Постичь цифру было не так-то просто. С юного возраста учителя начали посвящать Винсента в могущество цифры 1. Он знал о цифре 1 все.

Цифра 1 олицетворяет Вселенную, в которой мы живем.

Все, что есть во Вселенной, едино.

Цифра 1 представляет собой начало всего. Большой взрыв. И единственный, еще не расколовшийся континент.

Цифра 1 — это и конец всего. Смерть. Простое возвращается к простому.

Цифра 1 символизирует понятие одиночества. Ты всегда один, ты всегда «единичен» в своей жизни.

Цифра 1 персонифицирует осознание своего «я». Каждый из нас уникален.

Цифра 1 — это и единобожие. Над нами есть высшая сила, управляющая всем.

Так как 1 — самая важная цифра, Винсент изучал ее множественные проявления долгие годы. Затем он перешел к цифре 2.

Цифра 2 логически вытекает из 1.

Цифра 2 — это разделение. Взаимодополняемость.

Цифра 2 представляет собой противоположный пол, женщину, дополняющую мужчину.

Цифра 2 олицетворяет любовь.

Цифра 2 символизирует расстояние между «я» и остальным миром.

Цифра 2 выражает желание обладать чем-то, что не похоже на тебя.

Цифра 2 — это забота не только о себе, о 1.

Цифра 2 персонифицирует антагонизм с другими.

Цифра 2 — это и война. Добро и зло, черное и белое, тезис и антитезис. Инь и ян. Лицо и изнанка.

Цифра 2 доказывает, что любая вещь делима. Доброе коварно таит в себе губительные последствия. А дурное скрывает начала добра.

Цифра 2 воплощает бурное столкновение противоположностей, приводящее к...

...цифре 3. Спустя несколько лет Винсент изучил смысл цифры 3.

Цифра 3 представляет собой деление всего на тезис, антитезис и синтез.

Цифра 3 — дитя, плод союза 1 и 2.

Цифра 3 образует треугольник. 3 — наблюдатель за борьбой 1 и 2.

Цифра 3 — третье измерение: рельеф. Мир обретает объем благодаря этой цифре.

Цифра 3 порождает и развивает отношения между 1 и 2. То, что содержится в 3, стремится вверх, но должно быть направлено.

Винсент перешел к цифре 4, к 4, замедляющей ход игры.

Цифра 4 гармонизирует соотношение сил, компенсирует действие 3.

Цифра 4 — усиление, квадратное жилище, квадратный замок.

Цифра 4 символизирует пару детей или пару друзей, присоединяющихся к другой паре. Любая социальная жизнь начинается только с 4.

С 4 начинается деревня и общественный уклад.

Цифра 4 — четыре основные точки.

Цифра 4 олицетворяет рецепт четырех четвертей — самого простого пирога.

Цифра 4 — это наши четыре конечности, позволяющие нам воздействовать на природу.

4 — защищенность, а значит, 4 эволюционирует к...

...цифре 5. Священная цифра.

Цифра 5 представляет собой островерхую крышу, накрывающую квадратный дом.

Цифра 5 обозначает соединенные, для того чтобы сжаться в кулак, пальцы руки; пять пальцев ступни, которые держат тело вертикально.

Так рос прилежный ученик, монах-солдат Винсент. Он постепенно, год за годом, следуя за эволюцией цифр, познавал эволюцию мира. Он познал магию цифры 6, на которой покоится равновесие здания, познал коварство 7 — цифры, царящей в любой легенде. Он открыл могущество 8, цифры совершенной геометрии. Он полюбил 9, цифру периода беременности.

Большинство школьников учатся считать до 9, но он, ребенок-вундеркинд, был посвящен в тайну 10. Он покинул мир цифр и вошел в мир чисел. Винсент открыл число 11, читающееся справа налево и слева направо, потом 12, число судей. Он просто обожал 12, делящуюся на 1, на 2, на 3, на 4, на 6! Он был допущен к 13, числу Зла, потом к числам 14, 15, 16. Не говоря уже о 17, числе, которое узнаешь, спасая жизнь старикам в тавернах.

Естественно, это совершенное умение считать продвинуло его на самый верх церковной иерархии, в круги, руководившие страной. Теперь он был священником-рыцарем. Шестнадцати лет он поступил в монастырь, где овладел мастерством шпиона-универсала.

Когда в следующий раз Винсент склонился перед архиепископом-бароном Эгалемом Седью, вид у того был усталый, хотя взгляд старика был по-прежнему пронзительным. Он не скрывал радости от встречи со своим молодым учеником. Архиепископ играл длинной трубкой, которую то зажигал, то гасил.

— Миссия, которую я тебе доверю, деликатного свойства. Многим она стоила жизни. Но ты умеешь считать до 17, стало быть, ты достаточно смышлен для того, чтобы преуспеть.

— Я в вашем распоряжении.

Старый монах подвел Винсента к возвышению, с которого открывался изумительный вид на сады из цикламенов и бугенвиллий.

— Произошло несчастье. Четыре священника-рыцаря впали в ересь. Сейчас они в бегах, но их видели в городе Пармиль.

— Священники-рыцари? Какого уровня?

— Ты хочешь знать, умеют ли они считать лучше тебя, не так ли? Да, их знания обширнее твоих: они прекрасно осведомлены, сколько будет $9 +$

9.

Винсент был удивлен тем, что люди, знающие сумму сложения 9 и 9, могут пасть настолько низко и избрать ересь!

Он высказал это. Мудрец обнял его за плечи.

— Винсент, когда знаешь слишком много, можно потерять рассудок. По этой причине к знаниям чисел допускают не всех. Детей учат цифрам до десяти. Каждая цифра, каждое число обладает мощной силой, которую трудно контролировать. Она подобна сгустку энергии, способному метать молнии. Энергию надо уметь направлять, иначе она обернется против тебя самого и испепелит.

— Я знаю это, учитель.

— Чем больше цифра, тем опаснее она может стать для того, кто неправильно с ней обращается.

Разговор заставил Винсента задуматься. Ведь действительно, совсем не все могут понять, как нужно оперировать цифрами больше десяти. Его собственные родители не в состоянии вообразить себе 11 или 12. К счастью, они избавлены от подобной ответственности. А вот он, Винсент, отныне обречен числовой науке. И скоро узнает, сколько будет $9 + 9$.

Все выше, все дальше. Он чувствовал, как знание цифр, больших чисел опьяняло его с каждым днем больше и больше, но не понимал еще опасности этой мудрости. Одно воспоминание вдруг пришло ему на ум.

Он видел, как люди убивали друг друга, потому что обращались с числами меньше 15 не по правилам.

— Эти монахи-еретики тоже убивали. И убийц этих надо найти, — сказал архиепископ-барон.

Эгалеом Седью показал ему портреты преступных священников-рыцарей. Они не были похожи на убийц, но кто знает, на кого похожи убийцы? Потом Винсент увидел изображение их жертв. Возможно ли, чтобы люди, знающие, сколько будет $9 + 9$, опускались до подобных зверств?

— Внешность обманчива. Уничтожь их. Не знай пощады к этим негодяям. А главное, не разговаривай с ними.

Несколько часов спустя Винсент, в одеянии священника-рыцаря, с луком за спиной, скакал в направлении города Пармиль, где видели убийц.

Путешествие было долгим и утомительным.

Наконец город с высокими башнями вырос перед ним. Пармиль.

Лишь только он вступил в город, как был подхвачен вихрем карнавала. Он знал, конечно, что сегодня везде отмечают праздник умножения, но

никак не ожидал такого ликования.

То, что $3 \times 2 = 6$, было открыто уже давно, но народ до сих пор продолжал отмечать это событие. Праздник умножения называли, кстати, и праздником любви, так как, занимаясь любовью, мужчины и женщины тоже умножаются.

Вдруг Винсент заметил в толпе лицо. Это был один из четверых священников-рыцарей, чьи портреты он видел. Хорошее начало. Едва приступив к поискам, он уже нашел одного. Винсент поднял лук и, не колеблясь, выпустил стрелу — стрела лишь слегка задела цель. Человек со всех ног бросился бежать. Винсент следовал за ним. Он выпустил еще одну стрелу — она вонзилась в деревянную маску.

Убийца воспользовался передышкой и присоединился к процессии девиц, выходявших на сцену для участия в конкурсе «Королева умножения».

Преступника со всех сторон окружали люди, и Винсент не мог прицелиться, пока не закончится это глупое соревнование.

Девицы одна за другой подходили к милovidным юношам. Тем, кто выбирал кавалера не слишком быстро, приходилось довольствоваться молодыми людьми, которых их подруги отвергли, — своего рода выбраковкой.

Когда конкурс завершился, Винсент натянул тетиву и на этот раз не промахнулся. Стрела вонзилась человеку в спину и прошла его насквозь.

Винсент выполнил задачу. Он подошел к своей жертве, распростертой на земле.

Умирая, человек жестом попросил Винсента нагнуться. Он приблизил губы к его уху и с трудом произнес:

— Числа... числа идут дальше... числа идут дальше, чем...

Он забился в агонии, дернулся и застыл неподвижно.

Винсент вытащил стрелу и обтер ее. Гуляки, собравшиеся было вокруг, по знакам отличия узнали священника-рыцаря и почтительно расступились.

Тело унесли. Карнавал продолжался.

Винсент снова взглянул на фотографии.

Еще трое убийц, и Седью откроет ему, сколько будет $9 + 9$.

Но вот вдалеке показался еще один из разыскиваемых. Человек беспечно осыпал конфетти женщин, переодетых птицами. Винсент выпустил стрелу и опять промахнулся. Как и первый, второй бросился бежать.

Священник-рыцарь устремился следом, но человек свернул в тупик.

Винсент — за ним, чтобы завершить начатое, но, прежде чем успел натянуть тетиву, упал на землю, оглушенный ударом.

Придя в себя, он увидел, что связан. Перед ним стояли трое оставшихся в живых священников.

— Он убил Октава, — проговорил один из них, — этот тип не знает жалости.

— Осторожно, — предупредил второй третьего. — Он, должно быть, отлично умеет драться и с оружием, и на кулаках.

Третий порылся в карманах его монашеского плаща и достал каллиграфически выписанные документы.

— Его зовут Винсент, это священник-рыцарь 17-го уровня.

— М-да, архиепископ-барон действительно хочет нашей смерти, если посылает людей такого рода, — заметили двое других.

Винсент приподнялся на локте.

— Я знаю, что вы более опытни, чем я, — сказал он спокойно. — Вам известно, сколько будет $9 + 9$.

Все трое дружно рассмеялись.

— Что это вас так забавляет?

Преступники продолжали хохотать.

— $9 + 9$. Да, нам известно, сколько будет $9 + 9$. Ха-ха-ха!

— Ну и чего в этом такого смешного?

Один из убийц, маленький толстяк с румяным лицом, улыбаясь, наклонился к Винсенту.

— Мы знаем гораздо больше, чем это!

— Вы хотите сказать, что вам известно, сколько будет $10 + 9$?

Самый высокий уже держался от смеха за бока.

— Конечно, и поэтому Эгалем Седью велел тебе нас убить. Мы поняли смысл цифр и чисел.

— Мы знаем столько, что напугали его этим.

— Вы — убийцы, и я знаю, что вы убили монахов.

Они вдруг притихли и посмотрели на него с состраданием.

— Это официальная версия. Архиепископ-барон убедил тебя в этом, чтобы натравить на нас, — объяснил высокий. — А мы никого и пальцем не трогали. Наше преступление намного серьезнее. Мы зашли слишком далеко в понимании вещей.

Они представились. Маленького толстяка звали Сикстен, высокого и худого — Дузен, а кудрявого — Труаен. Они рассказали Винсенту, как, по их мнению, было дело.

Однажды Эгалем Седью послал их изучить некое животное. Группа

археологов обнаружила на одном предмете, относящемся к древнейшей по сравнению с нашей цивилизацией, изображение странного животного, похожего на газель.

Сикстен достал из кармана деревянную продолговатую коробочку и открыл ее. Внутри находилась железная пластинка с нарисованным на ней животным. На голове его были рога, у него было четыре лапы и хвост.

— Мы долго изучали это животное, искали его по всему земному шару. Эгалем Седью считал, что это какой-то монстр.

— Но это было не так.

— Это...

— Нет, не говори ему, — удержал Сикстена Труаен.

— Но если ему не объяснить, он будет преследовать нас.

Труаен смирился.

— Это не изображение диковинного зверя, а число, которое превосходит все, что было нам известно до сих пор.

Винсент отпрянул.

— Невозможно.

Посмотри как следует, священник-рыцарь: рога — это две цифры 6, передние лапы — две цифры 7, живот составляют два 0, задние лапы — две 9, хвост — 6.

Винсент смотрел на странный рисунок. Он видел только газель, потому что его глаза отказывались воспринимать эти знаки иначе. Конечно, если рассматривать голову козы отдельно, можно заметить отдаленное сходство с цифрой 6. В любом случае соединить эти цифры в единое целое невозможно. Только цифра 1 может быть присоединена к другой цифре, обозначая десяток.

В глазах у Винсента помутилось, когда ему объяснили, что значит это археологическое открытие. Винсент слабо пытался возражать. Достаточно разделить рисунок на части, чтобы увидеть правду. Это только

приставленные друг к другу цифры, ничего больше.

— Ну, хорошо, здесь у нас две 6, две 7, два 0, две 9 и одна 6, ничего нового!

Дузен погладил рисунок пальцем:

— Нет, его нельзя делить на части. Это животное... число!

Число...

Винсент наконец понял. Эти люди — сумасшедшие.

— Число, которое состоит более чем из двух цифр, ничего не значит. За десятками...

Худой верзила настаивал:

— Не десятки, а многие десятки десятков десятков.

— Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

— До какого числа ты умеешь считать?

— До 17.

— Браво, значит, ты далеко не дурак. Значит, можешь понять наше открытие. Мы всегда ограничивали наше воображение прогрессией первых цифр. Когда человек открыл 15, он стал мыслить до 15! Потом человек стал развиваться и открыл 16, потом 17, потом...

— Вы умеете считать после 17?

— Конечно.

— А вы можете мне сказать, сколько будет $9 + 9$?

— Конечно.

Эти монахи, стоящие вне закона, потешались над его невежеством. Они насмеялись над ним. У Винсента было неприятное чувство, что эти монахи открыли что-то, о чем он и не подозревал.

Они еще минуту колебались, а потом продекламировали:

— $9 + 9 = \dots 18$.

Так вот оно что, 18, 1 — 8. 18, делящееся на 9, на 6, на 3, на 2, на 18, на 1. Какое красивое число!

Винсент едва не лишился чувств, а маленький толстяк продолжал:

— Но это еще не все. Мы знаем также, сколько будет $9 + 10$, и даже $10 + 10$, и даже $10 + 11$.

Это уже было чересчур.

— Я вам не верю. За пределами десятка ничего не существует.

— Да нет, существует двадцать. Два раза $10 = 20$.

Винсенту захотелось зажать уши. Это и вправду слишком, слишком много знаний, полученных слишком быстро. У него кружилась голова.

Труаен подошел к нему.

— Вот что мы поняли благодаря животному, похожему на козу или на

газель и которое, однако, просто число. Необъятный континент знаний открывается перед нами. А мы прошли всего одну маленькую тропинку.

— 667700996 было нарисовано людьми, преисполненными знаний (может быть, людьми будущего, ненадолго вернувшимися в свое прошлое). Они забыли там этот предмет и открыли нам, что человек будущего умеет считать до 667700996!

Винсент закричал от боли. Ему казалось, что в его мозгу распахнулась огромная дверь, высвободив три четверти возможностей, что до этого дня лежали спрессованными в закоулках его сознания.

Он плакал. Новые знакомые развязали его и помогли подняться. Теперь он мог стоять, голова его прояснилась: он был готов смело выступить навстречу безбрежному морю цифр больше десятка.

— 667700996, конечно... Это не коза, это число.

Винсент подошел к окну. Он опьянел от знаний. Его мозг получил сразу тонну информации, до сей поры выделяемой ему по каплям.

Он посмотрел на свое одеяние, испещренное знаками отличия монастыря Цифры. Потом увидел сквозь стекло необъятный горизонт, мир, полный бесконечных чисел, и пошатнулся, теряя равновесие.

Границы его разума раздвинулись. Так значит, все знания, которые ему давали ученые с солидными дипломами и внушительными титулами, давали, словно бесценные сокровища, были всего лишь тюрьмой. Он униженно благодарил каждый раз, когда ему чуть-чуть удлиняли поводок, который так и оставался поводком.

Мы можем жить без поводка.

Не нужно быть мудрецом, чтобы знать. Достаточно быть свободным. С-В-О-Б-О-Д-Н-Ы-М.

Существует лишь одна наука, подумал он, наука свободы мыслить самому, без заданных рамок, без кланов, без хозяина, без всяких априори.

Число 17 не означало благородного титула в иерархии, число 17 не представляло собой интеллектуального подвига, число 17 было его тюрьмой. Сокровище, полученное им, оказалось ничтожными азами бескрайнего моря цифр и чисел. Он думал, что владеет континентом, а на самом деле лишь ступил на его берег.

Винсент посмотрел на линию горизонта и снял монастырское одеяние. Он больше не хотел быть монахом-солдатом. Его разум стал свободным. Он мог объять мир без цифровых ограничений. Его мысль могла покинуть тело и парить над бесконечностью чисел.

Трое ученых обняли его.

— Нас снова четверо знающих, брат Винсент, но, как только монахи

Цифры узнают, что ты не выполнил миссию, они назовут тебя еретиком и пошлют к нам новых убийц.

Винсент никогда больше не видел ни архиепископа-барона, ни свою семью, ни своих детей. Он встретил принцессу Катрин, которой открыл тайну бесконечности чисел. У них родились дети. Детей он научил тому, что мысль, как и цифры, не терпит никаких ограничений.

Так Винсент стал главой еретиков. Город Пармиль восстал против архиепископства и создал независимое правительство со своими законами. Его символом стала голова газели с длинными рогами. Крошечная нация изучала числа дальше 20.

Поэтому маленькое государство быстро стало изгоем среди других стран.

Была послана огромная армия для его уничтожения, но граждане сплотились и благодаря своей храбрости и решимости отбросили вражеские войска.

Архиепископ решил сменить тактику. Если город не удастся покорить, надо лишить его влияния.

Отрицать его право на существование и понемногу захватывать его территорию. Создать у него под боком другое государство, которое будет постоянно и во всеуслышание заявлять, что дальше цифры 10 не существует ничего.

Это будет достойным ответом.

Народ, населяющий новое государство, получил имя десятичников. У них было запрещено упоминать о цифрах, больших, чем 10. «Цифра 10 — самая Великая. И нет ничего превыше ее». Таков был их девиз.

Идеи пармильянцев распространялись медленно: они были сложны для простых умов, а десятичников поддерживали власти всех государств, в чьих интересах было держать народ в невежестве.

Повсюду стали убивать тех, кто был знаком с числами 11, 12, 13, 14 или 15.

Винсент признался себе, что начатое им движение вызвало в ответ взрыв фанатизма, возвращающего к незнанию.

Десятичники больше не скрывали своих замыслов. Волна жестокости заставила всех, кто мыслил за пределами 10, замолчать или затаиться.

Государство пармильянцев выстояло, несмотря на беззакония и террор против него. Его граждане продолжали изучать числа и открывать чудеса, такие, как магия Пи или Золотое сечение. Они поняли возможности иррациональных чисел и прикоснулись к бесконечности, разделив однажды

число на ноль.

А террор десятичников тем временем усиливался. Народ все больше подчинялся им, поскольку страх всегда сильнее, чем любопытство, а трусость — чувство заразное. К тому же десятичники были мастерами дезинформации. Они не только убивали, они обвиняли в собственных преступлениях пармильянцев. Никто не решался противоречить им. Даже в недрах архиепископства никто не говорил больше о существовании цифр больше 10: «Все равны, и все в тени цифры 10» было начертано на стенах города. А также: «Смерть пармильянским еретикам».

Пармиль оказался в изоляции от остальных народов, словно пораженный заразной болезнью — болезнью знания.

Никто не поддерживал город, но город продолжал жить, а с ним жила и искра знания чисел. Пусть и горящая среди тех, кого становилось все меньше и меньше.

Много позже старый и убеленный сединой Винсент был убит на улице среди бела дня фанатичным десятичником.

Падая, он успел подумать: «В борьбе за развитие разума недостаточно поднимать потолок, надо еще следить за тем, чтобы пол не провалился».

Песня бабочки

— Это совершенно невозможно! Экспедиция на Солнце неосуществима, — уверенно заявил генеральный секретарь НАСА, расхохотавшись.

Идея была действительно несуразная. Экспедиция к Солнцу!

Человек, сидевший справа от секретаря, — офицер НАСА по особым поручениям — примирительно сказал:

— Надо признать, что генеральный секретарь прав. Путешествие к Солнцу невозможно. Астронавты сгорят, как только приблизятся к его поверхности.

— Земляне не знают слова «невозможно», — возразил маленький тучный человечек и полез в свой оттопыренный карман за арахисовыми орешками, которые принялся спокойно грызть. Его звали Симон Кац.

Генеральный секретарь НАСА обеспокоенно поднял бровь.

— Профессор Кац, вы хотите сказать, что действительно намерены отправить межпланетную экспедицию к Солнцу?

Симон Кац невозмутимо ответил:

— Рано или поздно это путешествие состоится. В конце концов, Солнце — это объект, который в небе видно лучше всего.

— Человечек развернул карту, на которой была обозначена траектория полета.

— От Земли до Солнца 150 миллионов километров, но благодаря нашим новым ядерным реакторам, мы можем оказаться там через два месяца.

— Проблема не в расстоянии, а в температуре!

— Поток высвобождаемой Солнцем энергии — 1026 калорий в секунду. От него можно защититься толстыми термическими щитами.

На этот раз такая настойчивость произвела впечатление на обоих офицеров.

— Как только подобная мысль могла прийти вам в голову! — все же рассердился один из них. — Ни один человек не может и мечтать о том, чтобы приблизиться к раскаленной топке. Отправить экспедицию на Солнце невозможно. Это настолько очевидно, что мне стыдно говорить об этом вслух. Никто никогда этого не делал, и никто этого никогда не сделает, уверяю вас.

Симон Кац, продолжавший грызть арахис, не смутился.

— Мне нравится сама идея — попытаться сделать то, что еще никто не делал. Если даже меня постигнет неудача, мы добудем информацию, необходимую для последующих экспедиций.

Секретарь стукнул по большому, красного дерева, столу зала заседаний.

— Господи, да вспомните же миф об Икаре! Тот, кто хочет приблизиться к солнцу, обжигает крылья!

Лицо Симона Каца просветлело.

— Отличная идея! Вы придумали название нашему межпланетному кораблю.

В состав экспедиции на «Икаре» входило четыре человека. Двое мужчин, две женщины: Симон Кац, опытный летчик-истребитель и дипломированный астрофизик, Пьер Болонио, высокий блондин, специалист по биологии и плазменной физике, Люсиль Аджемьян, космический летчик-испытатель, и Памела Уотерс, мастер на все руки и астроном, специалист в области физики Солнца. Все они были добровольцами.

НАСА, в конце концов, сдалось. Старейшины профессии считали затею неосуществимой, но при этом решили, что программы будут более полными, если в планы исследований войдет и экспедиция на Солнце. Финансировалась же отправка зонда к каким-то сомнительным инопланетянам, ну, будет еще одной фантазией больше.

Симон и его команда получили необходимые субсидии. Сначала НАСА изо всех сил старалось, чтобы дело получило самую широкую огласку в прессе. Потом руководство испугалось показаться смешными.

Над НАСА будут смеяться — что может быть страшнее! Они незаметно спустили все на тормозах, но проект все же был осуществлен. Воля Симона Каца к победе была столь сильна, что преодолела все препятствия.

Ракета представляла собой гигантский холодильник. Толстый слой керамики защищал сеть водопроводных труб, охлаждаемых электрическими насосами. Корпус был покрыт асбестом и материалом с отражательными свойствами.

Двухсотметровой космический корабль «Икар» походил на огромный снаряд. Однако жилые помещения были только в кабине площадью в пятьдесят квадратных метров.

Запуск произошел под наблюдением видеокамер стран всего мира. Первые сто тысяч километров прошли относительно хорошо. Затем Симон понял, что конструкция иллюминатора оказалась не самой удачной. Солнце

нещадно палило, и путешественникам пришлось изобретать многослойные фильтры. Однако тут они потерпели фиаско — солнечные лучи проникали сквозь несколько листов пластика и заливали внутреннее помещение «Икара» ослепительным светом.

Все четверо членов экипажа не снимали солнцезащитных очков. Словно они были не в полете, а на курорте. Чтобы разрядить напряжение, Симон предложил сменить рабочую форму из плотной ткани на гавайские рубашки. Он подумал и о том, чтобы всю дорогу звучала гавайская музыка, исполняемая на укулеле.

— Никто не сможет похвастаться, что у него было больше солнца в отпуске! — шутил он.

Симон умел поднять настроение своему экипажу.

Они приближались к Солнцу.

Система охлаждения работала в максимальном режиме, но жара в кабине «Икара» была невыносимой.

— По моим расчетам, — проговорила Памела, передавая тубик с кремом Люсиль, боявшейся солнечных ожогов, — мы вошли в опасную зону. Достаточно одной солнечной вспышки, чтобы мы поджарились.

— Конечно, все может случиться, — признавал Симон. — Но мы все равно первые, кто подошел к Солнцу так близко.

Они повернулись к иллюминатору. Сквозь слои фильтров были видны пятна на солнце.

— Что это за пятна? — спросил биолог.

— Чуть более холодные участки. Там температура 4000 градусов по Цельсию вместо 6000.

— Есть на чем курочку поджарить, — вздохнула Памела, вдруг погрузнев. Загар и яркая блузка сделали ее похожей на калифорнийскую туристку.

— Вы что, думаете, мы сможем подойти еще ближе? — спросил Пьер. — Я лично очень в этом сомневаюсь.

Симон, как всегда, был настроен решительно.

— Не волнуйтесь, все предусмотрено. Я захватил костюмы вулканологов, они выдерживают жар расплавленной плазмы!

— Вы собираетесь ходить по Солнцу?

— Конечно! Разумеется, недолго, но это нужно сделать хотя бы символически. Проект «Икар» намного амбициознее, чем это может показаться на первый взгляд.

Мощное электромагнитное поле Солнца нарушило радиосвязь с

Землей.

— Ну что ж, — вздохнул Симон, — мы не сможем вести прямую трансляцию. Пусть так, покажем видеозаписи по возвращении. Если, конечно, они до того времени не расплавятся...

Он посмотрел в иллюминатор. На поверхности пылающей планеты произошла солнечная вспышка. Звезда выплеснула фонтан магмы, словно плюнула.

«Икар», залитый солнечными лучами, сам светился, как звезда. Между прочим, астрономы всего мира, пока не опознали «Икар», думали, что рядом с Солнцем появилась новая звезда.

Температура на борту продолжала подниматься.

Вскоре любое прикосновение ткани к телу стало нестерпимым. И члены экипажа, оставив лишь солнечные очки на носу, сбросили с себя все, словно нудисты на Лазурном Берегу. Их загар становился все темнее и темнее. К счастью, у Памелы был большой запас защитного крема.

Утром все наслаждались поджаренными тостами. Обедали шашлыками (чтобы поджарить мясо, достаточно было на мгновение поднести кусочки мяса к стенке возле иллюминатора) и норвежским омлетом, крем-брюле или блинчиками фламбэ с горячим кофе, кому что нравилось. Льдогенератор был включен на максимальную мощность.

Пьер достал большие коробки с мороженым, и это лакомство постепенно стало их основной едой.

Люсиль испробовала все способы сделать воздух в кабине прохладнее. Она советовала сосать кристаллы соли, чтобы не беречь влагу в организме.

Они страдали от жары, но знали, что участвуют в историческом событии.

— Люди платят за каждый час посещения сауны, а мы сидим в ней бесплатно целыми днями, — хмыкнул Симон.

Те, у кого губы потрескались меньше, посмеялись над его шуткой.

Памела решила смастерить веера. Когда мечтаешь, чтобы стало прохладнее хотя бы на градус, ветерок от взмаха веера кажется благословенной прохладой.

Чем ближе подлетали астронавты к звезде, тем больше угнетала их жара, тем меньше они разговаривали, тем меньше двигались.

На Земле за них переживали все. Было известно, что герои еще живы, что «Икар» не сгорел, а его экипаж честолобив настолько, что хочет

попытаться ступить на поверхность огненной планеты.

Конечно, ученые долго разъясняли, что Солнце не имеет поверхности, что оно представляет собой перманентный атомный взрыв, тем не менее образ человека, выходящего из ракеты и ступающего на языки пламени, восхитил всех.

Истек двадцать третий день путешествия. Симон сам с трудом в это верил, но они все еще были живы! Сверились с картами: они уже пролетели пятьдесят миллионов километров, оставалось преодолеть еще сто миллионов.

Они пролетели мимо Венеры. Планета любви была покрыта туманами. Сквозь толщу серных паров атмосферы ее поверхность была еле видна.

Белая планета осталась позади. На сорок шестой день экспедиции они проделали сто миллионов километров, и теперь от цели их отделяло всего пятьдесят.

Они пролетели мимо Меркурия и увидели, что его поверхность похожа на стекло. Огонь расплавил ее, и она была похожа на гладкий бильярдный шар.

Они приветствовали горячую планету.

— Температура на Меркурии достигает 400 градусов по Цельсию, — заметил Пьер.

— Если мы спустимся, то обуглимся, как бабочки. Они опаляют себе крылья, когда слишком близко подлетают к огню, — вспомнил Симон.

Гигантская звезда по-прежнему бросала им вызов. Уже ни одного небесного тела не осталось между ними и Солнцем. На борту было более 45 градусов. Система охлаждения работала со все большим напряжением, но экипаж начинал привыкать к страшной жаре. У астронавтов открылось второе дыхание.

До цели оставалось всего десять миллионов километров.

Пьер неотрывно смотрел в иллюминатор.

— Я мечтаю увидеть ночь, — пробормотал он. — Если я вернусь на Землю, то с нетерпением буду ждать, когда эта огромная лампа наконец погаснет. Даст хоть минуту передышки.

Он одним махом проглотил чашку кипящего кофе. Его язык уже не чувствовал ни горячего, ни холодного.

— А я никогда больше не пойду на пляж загорать, — заявила Люсиль, превратившаяся в метиску.

— В любом случае, этот загар продержится очень долго, — пошутила еще более темнокрая Памела.

— Слушай, у тебя ведь были прямые волосы? — спросила Люсиль.

— Да, а что?

— Ты стала кудрявой, как барашек.

Они расхохотались скупым, нервным смехом. Они посмотрели друг на друга: все четверо загорели до черноты, у них были кудрявые от горячего, сухого воздуха волосы и страшно распухшие потрескавшиеся губы. Ну и видок! Симон восхищенно смотрел на длинные ноги Памелы, стройные, бронзовые, и вдруг понял, что желает ее. Пьер пожирал глазами Люсиль. Они так давно не касались друг друга!

Когда закончился запас мороженого и воды для кубиков льда, настроение экипажа упало. До сих пор им везло, но теперь удача, казалось, решила отвернуться от них. Однажды Памела, желая устроить хотя бы небольшой сквознячок, обмахивалась веером, как вдруг он воспламенился прямо у нее в руках. А Люсиль с ужасом заметила, как плавится лак на ее ногтях, и быстро сунула пальцы в мешок с песком.

Они были уже в нескольких тысячах километров от Солнца.

Температура на борту неумолимо повышалась. Черные очки уже не спасали от такого яркого света.

Ракета неуклонно приближалась к Солнцу, Симон ввернул:

— Вы не находите, что сегодня тепло?

Экипаж искренне расхохотался.

Симон решил, что первые шаги по звезде они сделают в зоне одного из пятен. Пьер надел костюм вулканолога, включил портативную систему охлаждения и вышел, размахивая флагом Земли. Все пожелали ему удачи. Благодаря стальному страховочному тросу он мог вернуться в любой момент.

Через переговорное устройство его товарищи слышали исторические слова:

— Я первый человек, попирающий ногами Солнце, и я водружаю здесь знамя своей планеты.

Симон, Люсиль и Памела заплодировали, но так, чтобы ладони не соприкасались и не разогревались еще больше.

Пьер сунул флаг в солнечную топку, и он тут же вспыхнул.

Симон спросил:

— Ты что-нибудь видишь?

— Да... Да! Это невероятно! Здесь есть жители!

Треск.

— Они подходят ко мне...

Экипаж услышал протяжный вздох. Тело Пьера воспламенилось. Обезвоженные барабанные перепонки команды уловили звук, напоминавший шуршанье сухих листьев — «фшшшш».

Костюм вулканолога никогда не получит рекомендаций НАСА. Экипаж втащил обратно трос с оплавленным концом.

Люсиль перекрестилась:

— Пусть душа твоя поднимется к небу, черному и холодному.

Сейчас эти слова казались ей истинно благим пожеланием.

Симон хотел было стукнуть кулаком по обшивке «Икара», но вовремя спохватился. Надо избегать любого вида трения.

— Я должен все увидеть сам, — заявил он.

Он направился к шкафу с одеждой и, стараясь прикасаться к предметам только кончиками пальцев, облачился в костюм вулканолога.

— Не ходи, — попросила Памела.

— Ты тоже погибнешь, — предупредила его Люсиль.

— Если на Солнце действительно есть обитатели, как их называть? Почему не... солнечане? Мы все время безуспешно ищем марсиан, венерян, а инопланетяне живут здесь, в самой горячей точке на небе. Солнечане! Солнечане!

Симон вошел в огонь. Он увидел огромные шквалы оранжевой магмы. Это был не газ, не жидкость, а огонь во всей своей мощи, в чистом виде. По сравнению с такой температурой жаркая кабина казалась ему теперь прохладной.

Он обливался потом. Он знал, что у него всего лишь несколько минут, чтобы отыскать жителей Солнца. Он с трудом продвигался вперед, на тросе как на поводке. Если в ближайшие три минуты ничего не произойдет, он вернется на корабль. И речи не может быть о том, чтобы обуглиться подобно Пьеру. У Симона не было ни малейшего желания стать мучеником, он просто страстно, безумно хотел провести смелый научный эксперимент. А погибший ученый — это ученый, которому эксперимент не удался.

Он с опаской посмотрел на часы. Их разорвало на множество осколков.

И в этот миг он заметил «их». Они были перед ним, похожие на фантастические завитки огня. Солнечане. Огромные бабочки с оранжевыми крыльями напоминали живые клубы магмы. Они общались телепатически.

Они говорили с Симоном не долго, чтобы он не успел загореться. Солнценавт кивнул головой и повернул к «Икару».

— Невероятно, — сказал он потом Памеле. — Эти огненные существа живут на Солнце уже миллиарды лет. У них есть язык, наука, цивилизация. Они купаются в солнечном огне без всякого вреда для себя.

— Кто они? Как они живут?

Симон сделал неопределенный жест.

— Они взяли с меня обещание ничего не открывать людям. Солнце должно остаться «терра инкогнита». Мы должны защитить его от экспансии землян.

— Ты шутишь?

— Ни в коем случае. Они дают нам возможность вернуться только потому, что я поклялся сохранить в секрете все, что они поведали. И я никогда не нарушу клятву.

Симон смотрел на пылающий огонь в занавешенном иллюминаторе.

— В принципе, было глупо назвать корабль «Икаром». Как называется птица, которая вечно возрождается из пепла?

— Феникс, — сказала Памела.

— Да, феникс. Экспедиция «Феникс». Вот как нужно было ее назвать.

Абсолютный отшельник

— Все есть в тебе уже с самого твоего рождения. Ты всего лишь вспоминаешь то, что уже знаешь, — объяснял ему отец.

«Все во мне. Все уже во мне...»

Он всегда считал, что, только путешествуя и набираясь опыта, можно понять мир. Значит, он будет заново открывать то, что уже знает? Что всегда знал? Эта мысль его преследовала: все уже в тебе. Мы не узнаем ничего нового, мы находим в самих себе спрятанные истины. Значит, младенец — мудрец? Зародыш обладает энциклопедическими знаниями?

Доктор Гюстав Рубле был известным врачом, он был женат, имел двоих детей, его уважали соседи, но эта мысль-воспоминание — о том, что все с самого начала уже есть в нас, — не отпускала его.

Он заперся в своей комнате и принялся медитировать. Ни о чем другом он думать уже не мог.

«Так значит, все уже во мне. Значит, — спрашивал он себя, — жить на свете бессмысленно?»

Он помнил, как Эркюль Пуаро, герой романов Агаты Кристи, распутал немало полицейских загадок, сидя в кресле в домашних тапочках. Гюстав Рубле тоже заперся у себя в комнате. Его жена, уважавшая его путешествия внутрь себя, приносила ему подносы с едой.

— Дорогая, — сказал он ей однажды, — понимаешь ли ты, что меня терзает? Жить ни к чему. Мы ничего не узнаем, мы только заново открываем то, что и так знаем давным-давно.

Жена села рядом с мужем и тихо сказала ему:

— Прости, Гюстав, но я тебя не понимаю. Я ходила в школу, где нам преподавали историю, географию, математику, даже физкультуру. Я научилась плавать кролем и брассом. Я вышла замуж за тебя и научилась жить вдвоем. У нас родились дети, и я научилась воспитывать их. Я ничего этого не знала до того, как начала жить.

Он задумчиво грыз кусочек хлеба.

— Ты уверена в этом? А ты не думаешь, что если бы ты пристальнее заглянула в себя, то могла бы получить все эти знания, не выходя из комнаты? Вот я, например, проводя два дня в одиночестве, понял больше, чем если бы два раза обогнул земной шар.

Она не могла не возразить.

— Если бы ты обогнул земной шар, ты узнал бы, как живут китайцы.

— Но я и так знаю. Я нашел это в себе самом. Я спросил себя, как живут все народы Земли, и увидел мгновенные, как вспышка, картинки, как будто живые почтовые открытки, рассказывающие об их жизни. И до меня тысячи отшельников точно так же путешествовали в воображении.

Валери Рубле тряхнула красивой рыжей шевелюрой.

— Я считаю, что ты ошибаешься. В замкнутом пространстве твое восприятие, разумеется, ограничено. Настоящая жизнь шире твоего сознания. Ты недооцениваешь разнообразие мира.

— Нет, это ты недооцениваешь могущество даже одного-единственного человеческого мозга.

Валери не стала спорить. Она не стала приводить аргументы, которые ей казались очевидными. Что же касается ее мужа, то он больше не принимал пациентов и не хотел видеть никого, даже своих собственных детей. Только жена его могла к нему заходить, но с условием — не делиться с ним внешней информацией, способной смутить его покой.

День за днем Валери продолжала кормить его, ухаживать за ним и поддерживать его. Пусть она не разделяла его убеждений, но и тревожить его не хотела.

Гюстав очень похудел.

Человек не сможет стать свободным, пока он должен есть и спать, подумал он. Надо выйти из этой рабской зависимости от сна и еды.

Он начал рисовать схемы на большой черной доске. Потом он попросил кое-какое электронное оборудование. Затем Гюстав пригласил к себе бывших коллег по работе, все вместе они долго делали какие-то расчеты и, наконец, нашли решение.

Рубле объяснил своей жене суть эксперимента, на который он решился:

— Проблема — это тело. Мы завернуты в плоть, наполнены кровью и костями, которые требуют питания, которые изнашиваются, которые испытывают боль. Тело нужно защищать, согревать, кормить, за ним нужно ухаживать во время болезни. Тело должно спать и есть для того, чтобы поддерживать циркуляцию крови. А вот у мозга потребностей гораздо меньше.

Валери боялась понять.

— В основном активность нашего мозга тратится на решение разного рода физиологических задач. Поддержание жизнеспособности и защита нашего тела отнимают всю нашу энергию.

— А как же наши пять чувств?

— Наши чувства нас обманывают. Мы деформируем сигналы, которые

они нам посылают. Мы хотим познать мир, а живем во власти иллюзий. Наше тело тормозит нашу мысль.

Гюстав опрокинул стакан воды, и жидкость пролилась на ковер.

— Есть содержимое и сосуд, — заметил он. — Разум и тело. Но без стакана жидкость продолжает существовать, и разум, лишаясь тела, освобождается.

На мгновение Валери подумала, что ее муж сошел с ума.

— Да, но освободиться от тела — значит умереть, — возразила она растерянно.

— Не обязательно. Можно избавиться от тела, сохранив разум, — ответил он. — Достаточно поместить мозг в питательную среду.

Тут она все поняла. Чертежи, наваленные кучей на столе, обрели смысл.

Операция состоялась в четверг. В присутствии жены, двоих детей и нескольких доверенных друзей Гюстав покинул свое тело. Для того чтобы стать абсолютным отшельником, он решил подвергнуться самой радикальной из всех ампутаций — ампутации всего тела.

С величайшей осторожностью его коллеги открыли черепную коробку, словно капот машины. Они положили костную тубетейку — ненужную теперь крышку — в алюминиевую банку. Мыслительный орган был перед ними, розовый, трепещущий, погруженный в искусственные грезы, навеянные анестезией.

Хирурги последовательно отключили все, связующее мозг и тело. Сначала они перерезали оптические нервы, затем слуховые, потом артерии, омывающие мозг кровью. Они тщательно отделили спинной мозг от оболочки позвонков. Они извлекли мозг и опустили его в сосуд, наполненный прозрачной субстанцией. Артерии теперь могли получать сахар и кислород непосредственно из этой питательной ванны. Оптические и слуховые нервы были накрыты капюшонами. Чтобы сохранять постоянную температуру мозга и питательного раствора, хирурги установили систему обогрева термостатом. Что же делать с телом?

Гюстав Рубле все предусмотрел еще при жизни.

В завещании, составленном перед экспериментом, доктор просил, чтобы тело его не хоронили в семейном склепе. Поскольку наука помогла ему освободиться от ярма, Гюстав платил ей любезностью, предоставляя в ее распоряжение эти несколько килограммов внутренних органов, хрящей, костей, крови и желез. Пусть ученые делают с ними все, что им заблагорассудится.

— Папа умер? — спросил сын Гюстава.

— Нет, конечно. Он жив. Он просто... сменил облик, — ответила ему потрясенная мать.

Маленькую девочку тошнило.

— Ты хочешь сказать, что папа теперь вот это?

И она показала пальцем на мозг, плавающий в питательном растворе.

— Да. Вы больше не сможете с ним говорить или услышать его, но он все время о вас думает. Я, по крайней мере, в этом убеждена.

Валери Рубле теперь только поняла, что произошло. Дети вырастут без отца. А она состарится без мужа.

— Что же мы будем с ним делать, мама? — спросила маленькая девочка, показывая на сосуд, в котором мирно плавала розовая студенистая масса.

— Мы поставим папу в гостиную. Так мы все-таки будем его все время видеть.

Сначала сосуд торжественно царил посреди комнаты. Подсвеченный, словно аквариум, он был окружен почтением, как тот, кем он был: главным членом семьи.

Дети иногда разговаривали с тем, кто был похож на большой розовый овощ, парящий в жидкости.

— Ты знаешь, папа, я сегодня в школе получил хорошие оценки. Я не знаю, слышишь ли ты меня, но я уверен, что ты этому рад, правда?

Валери Рубле с горечью смотрела на своих детей, беседующих с сосудом. Она замечала, что и сама порой говорит с мозгом. Она спрашивала его советов, главным образом, о ведении семейного бюджета. Гюстав был (когда-то) так силен в этом, что она надеялась: ответ в конце концов как-нибудь просочится сквозь стенки сосуда.

Что же касается доктора Рубле, то он жил в покое, недоступном чувственной стимуляции. Он не спал, не грезил: он размышлял. Вначале, конечно, он сомневался, правильное ли решение он принял. Гюстав думал о своей семье, о друзьях, о пациентах, чувствовал угрызения совести от того, что покинул их. Но очень скоро исследовательский азарт взял свое, и доктор погрузился в уникальный эксперимент. Сколько отшельников до него мечтали обрести подобный покой! Теперь, даже если его убьют, он не почувствует боли. Скорее всего.

Перед ним расстилалась бескрайняя степь его знания, знания вообще. Ему принадлежала бесконечная панорама его внутреннего мира, суля самое немыслимое путешествие — прыжок в бездну.

Годы шли. Валери Рубле старела, а на розовом мозге ее супруга не появилось ни одной морщинки. Дети выросли, по мере их взросления сосуд занимал все меньшее место в их жизни. Когда купили новый диван, Гюстава, не долго думая, запихнули в угол гостиной, рядом с телевизором. Никто больше не подходил поговорить с ним.

Идея установить рядом с отцом аквариум родилась только спустя два десятка лет. Раньше на это, быть может, и не решились бы, но за двадцать лет плавающий в прозрачном сосуде мозг, честно сказать, превратился в часть обстановки.

Вслед за аквариумом с рыбками рядом с Гюставом появились цветы в горшках, затем африканская скульптура, потом — галогенная лампа.

Валери Рубле умерла, и ее сын Франсис в приступе гнева чуть было не разбил сосуд с этим столь ко всему равнодушным мозгом. Гюстав так никогда и не узнает, что же случилось в этом мире. Его жена умерла, а ему, по-видимому, на это наплевать. Есть ли хоть какое-нибудь чувство у этого куска плоти?

Сестра Карла удержала брата в последний момент: сосуд уже был поднят над кухонной раковиной. Но припадок ярости не прошел без следа: Гюстав переехал из гостиной на кухню.

А годы шли и шли...

Карла и Франсис умерли, в свою очередь. Перед смертью Франсис сказал своему сыну: «Ты видишь этот мозг в сосуде? Это мозг твоего деда, размышляющего вот уже восемьдесят лет. Ему надо помогать. Поддерживай нужную температуру и меняй время от времени питательный раствор. В общем-то ему для жизни нужно всего лишь немного сахара. Литра глюкозы ему хватает на полгода».

И Гюстав продолжал размышлять. За десятилетия он проник во многие тайны. Экстракция собственного мозга дала ему не только возможность абсолютной сосредоточенности, она продлила ему жизнь. И если вначале было трудновато, то теперь эффективность его медитации росла быстро и неуклонно. Он решал все больше задач и решал их все быстрее. Эти решения пересекались, рождали новые вопросы, на которые, в свою очередь, находились новые ответы. Мысль его ширилась, подобно кроне дерева, ветви становились все длиннее, тоньше и сложнее, переплетаясь и выпуская новые ветки.

Конечно, иногда ему не хватало вкуса пирожных со взбитыми сливками, его жены Валери, его детей, некоторых телевизионных сериалов, неба, покрытого облаками или звездами. Он охотно бы посмотрел на ночь какой-нибудь фантастический фильм. Он грустил о некоторых ощущениях:

о наслаждении, о холоде, о тепле. Даже о боли.

Без стимуляторов, скажем честно, жизнь приятнее, но и скучнее. Но он не раскаивался в том, что решился на эксперимент, пусть цена и была высокой. Он понял смысл жизни, устройство мира. Гюстав научился черпать в себе самом невиданные силы. Исследуя такие участки мозга, о существовании которых и не подозревают простые смертные, он открыл 25 уровней сознательного воображения, каждый из которых насчитывал сотню сложнейших фантазмов. Он изобрел революционные концепции. Какая жалость, что он не мог поделиться ими с остальными людьми! Под 25 уровнями сознательного воображения он нашел 9872 уровня бессознательного воображения. Он только теперь по-настоящему полюбил органную музыку, ту самую, что таит в себе самый широкий выбор тональностей. Какая жалость, что у него больше не было ушей для того, чтобы еще раз услышать этот инструмент!

Внук Франсиса умер, но перед смертью сказал своему сыну:

— Ты видишь сосуд там, наверху, на кухонном буфете? В нем мозг твоего прадеда. Меняй иногда в нем питательный раствор и не выставляй его на сквозняки.

А Гюстав продолжал размышлять и исследовать свое сознание. Теперь его занимало не воображение и не воспоминания, а нечто совершенно другое. Он назвал этот участок мозга «Осмосом». Это был способ мыслить, раньше никогда не применявшийся человеком и позволявший «осмосировать» все, начиная с самых простых концепций.

«Осмосирование» веселило разум и открывало новые уровни воображения. Уровни, расположенные под бессознательным. Расположенные как раз в участке Осмоса.

— Мама, а что это за кусок мяса в банке там, наверху?

— Не трогай его, Билли.

— Это рыба?

— Нет, все не так просто. Это один из твоих предков. Он живой, но от него остался только его мозг. Наша семья хранит его как сувенир. Надо только следить за его температурой и подкармливать глюкозой.

Два дня спустя Билли привел к себе домой друзей. Все были заинтригованы банкой.

— Вау... давай ее снимем и посмотрим поближе?

— Нет, мама сказала, что ее нельзя трогать.

Под Осмосом Гюстав обнаружил еще более потрясающий участок, где рождались самые фантастические сны и приступы безумия. Он окрестил находку Онирией. Она включала 180 000 уровней понимания и

вдохновения и сотрясалась волнами совершенно сюрреалистических идей. Гюстав был счастлив, ему было уже совсем не скучно в своем сознании.

И вдруг он ощутил какое-то покалывание.

— Нет, перестань! — кричал Билли. — Если ты выльешь на него весь кетчуп, мне на ужин не останется!

Мозг Гюстава Рубле почувствовал изменения в составе питательной жидкости. Новый компонент спровоцировал появление чудесных галлюцинаций. Волны превратились во взрывы света. За десять минут он пробежал все 180 000 уровней Онирии.

Дети заметили слабые сокращения мозжечка.

— Он живой. Это штука двигается. Похоже на то, что твой предок любит соус! А если добавить немножко уксуса для пробы?

Вспышка. Обрызгивание дало еще больший эффект. Невероятный эффект. Страшные события потрясли внутренний мир Гюстава: черные торнадо, всплески светящейся оранжевой жидкости среди темно-синих скал, моря дымящейся крови, какие-то смеющиеся лица, летучие мыши с головами в виде морских коньков-карликов...

Разум Гюстава путешествовал в потустороннем мире всех галлюциногенных препаратов. Трава на лужайке превратилась в крошечные острые шпаги, Гюстав был рад тому, что у него даже во сне нет больше ног. Его летящий мозг лишь слегка поцарапался о заточенные кончики. Он приподнял лужайку, словно кусок паласа, и обнаружил под Онирией новый мир: «Катарсис». Это была целая вселенная со звездами, галактиками, планетами, и вся она размещалась в его мозгу, как раз под его снами. В глубинах чудесного мозга Гюстава таился добрый миллиард звезд.

Когда мать Билли вернулась домой, ее ждал там удивительный спектакль: дети покрыли мозг предка взбитыми сливками «шантийи» и сухофруктами и продолжали бросать в банку все, что подвертывалось им под руку.

— Не хотите ли еще немного варенья, господин Мозг?

Мать Билли прогнала детей, и сочла необходимым, преодолевая отвращение, прополоскать мозг предка под струей водопроводной воды, прежде чем вновь поместить его в чистый аквариум.

Пресная водопроводная вода разрушила тысячи нервных клеток. В конечном итоге она оказалась для мозга губительней, чем кетчуп. Еще совершенно пьяный от взбитых сливок и томатного соуса, Гюстав на огромной скорости летел над духовными космическими мирами, описать которые человеческие слова не в силах. Альберт Эйнштейн утверждал, что люди используют всего лишь 10% от возможностей своего мозга. Он

ошибался. Гюстав Рубле убедился в том, что они используют одну миллионную часть.

Вопреки запрету, а может быть, именно благодаря ему, друзья Билли теперь весьма интересовались сосудом и его странным обитателем. И мальчик решил немного подзаработать, организовав показ за плату.

— Это что у тебя?

— Мой предок.

— Мозг?

— Ну да, ему надоело жить в теле.

— Он был ненормальный.

— Нет, он не был сумасшедшим. И мама говорит, что он до сих пор живой.

Возбужденный гость окунул руки в питательную жидкость и достал из нее мозг.

— Эй! Осторожно! Не трогай его! — закричал Билли.

Испуганный малыш выронил мыслительный орган прямо на плитки пола.

— Положите моего предка обратно в его ванну!

Но остальные дети уже забавлялись, перекидывая мозг друг другу, словно мяч для регби.

— Отдайте мне моего предка! — возмущался Билли.

Мозг переходил из запачканных чернилами рук в руки, вымазанные вареньем. В конце концов, один малыш забил гол, закинув его в мусорное ведро. Билли не решился достать мозг оттуда. Он предпочел сказать матери, что его украли.

Отец Билли вывалил содержимое ведра в мусорный бак, стоявший перед их домом.

Гюстав, лишенный питательного раствора, слабел. Он не понимал, что происходит.

Бродячая собака вызволила его из его бедственного положения.

Животное не знало, что этот кусок мяса был в действительности Гюставом Рубле, самым древним и самым абсолютным отшельником в мире, потому собака просто-напросто съела его.

Таков был конец необъятной мыслительной работы человека, ушедшего искать самого себя в себе самом.

Гюстав исчерпал себя до дна. В конце своих поисков он рухнул в пропасть, от которой закружилась его голова. Смерть стала последним волнующим приключением, и он принял ее спокойно.

Закончив есть, собака негромко рыгнула. Остатки идей Гюстава Рубле

растаяли в вечернем воздухе.

Хлеба и зрелищ

После Кубка мира 2022 года все человечество охватила лихорадка круглого мяча, и этот вид спорта утвердился как лучший способ урегулирования международных проблем. Благодаря ему самые бедные, самые маленькие и самые неизвестные страны смогли выйти в разряд первостепенных государств.

Такое положение вещей давало возможность предаться подобию войны сроком в один час тридцать минут без применения оружия. Бирманцы могли победить испанцев, руандийцы — разнести американцев, финны — справиться с бразильцами... Футбол позволял народам блистать на международной арене вне зависимости от их языка, религии, культуры и богатств.

Очень скоро любой более-менее значимый матч стал привлекать небывалое количество зрителей. Последнюю встречу, как полагают, смотрело два миллиарда человек. Третью человечества. Два миллиарда человек в одну и ту же секунду ненавидели одного и того же игрока за то, что он сделал захват другому игроку. Надеялись или боялись, что назначат пенальти. Два миллиарда человек на время матча забывали о своих повседневных проблемах.

Феномен развивался, открылись новые возможности футбола: он вышел за рамки обычной игры и превратился в своего рода анальгетик для страдающего человечества. За время, меньшее, чем необходимо для написания этой фразы, вся планета содрогалась в едином порыве из-за случайной траектории полета кожаного мяча.

После нескольких неинтересных матчей правила этой игры стали казаться слишком простыми, особенно если принять во внимание бушующие вокруг нее страсти. Двадцать два игрока, маленькое поле в сто метров длиной и пятьдесят шириной... Действительно, развернуться негде. К тому же во время пресловутого матча Италия — Бразилия в 2022 году не забили ни одного гола, игра ограничилась ударами по воротам. Огорчительно. Следовательно, необходимо усложнить задачу. Для начала удвоили размеры поля и количество игроков, что вывело игру на новый, более сложный уровень. При двух командах в двадцать два человека группы по десять или двенадцать игроков могли, каждая одновременно, вести атаки против четырнадцати или пятнадцати защитников.

Потом изменили покрытие поля: добавили кочки, лужи, ящики с

песком. Нападающие, ведя мяч, теперь спокойно могли прятаться за неровностями почвы, пока защитники прочесывали местность. Иногда мяч падал в лужу или ручей, самые храбрые должны были бросаться туда, чтобы его достать. Порой мяч тонул в песке. Игроки могли извлечь его, лишь вызывая гейзеры, примерно так, как это делают игроки в гольф в бункерах. Отличный момент для фотографов. Наконец, каждому игроку выдали по мобильному телефону: по мере продвижения вперед, он докладывал о своей позиции товарищам, затем — капитану, который и отдавал ему необходимые распоряжения. В таких условиях постепенно сложилась новая стратегия, весьма затейливая, придавшая современному футболу сходство с шахматной партией, разыгрываемой в трех измерениях.

Появились новые болельщики, привлеченные этим видом спорта.

Количество телезрителей Кубка мира 2026 года возросло до трех миллиардов. Это была уже половина человечества. Было зафиксировано снижение общего числа нападений на улицах во время матчей, словно наблюдение за соперничеством игроков на поле уменьшало желание атаковать своего ближнего на полях, не признанных международными футбольными федерациями. Количество и размеры стадионов росли. Серьезные конфликты улаживались при помощи одного футбольного матча, подобно тому, как поступали Горации и Куриации в античные времена. Зачем посылать на смерть десять тысяч человек, когда для решения спора достаточно выставить двадцать два спортсмена? Некоторые страны даже обладание определенными территориями или месторождениями ставили в зависимость от исхода игры.

Чемпионы сделались абсолютными героями, их осыпали деньгами и почестями, плакаты с их портретами украшали комнаты подростков. Их добивались самые красивые женщины. Даже звезды телевидения, поп-музыки и кино не могли соперничать с их славой.

Естественно, успех такого масштаба потребовал строительства новых стадионов, все больших размеров, все более сложных. Число игроков снова увеличили, теперь их стало сорок четыре на сорок четыре. Кроме капитана, в каждую команду входили два лейтенанта, три майора, шесть сержантов. Поле покрывали уже не пригорки и холмики, а небольшие горы. Лужи и ручьи сменились озерами, реками и ледяными водопадами. Их дополняли болота, зыбучие пески, непроходимые джунгли, продираться сквозь которые можно было только при помощи мачете. Некоторые игроки были снабжены наспинными реакторами, благодаря которым могли отрывать от земли. Центральные нападающие были одеты в камуфляж, что позволяло им

неожиданно появляться из-под земли или из-за дерева, к немалому удивлению противника.

Неизменным оставалось лишь одно правило: запрет на прикосновения руками. В воде, в грязи, в джунглях, в воздухе игроки проявляли чудеса изобретательности для того, чтобы не совершить непоправимой ошибки.

Дошло до того, что лучшие кинорежиссеры заменили телевизионщиков. Они увлеклись поиском новых ракурсов для съемки, делали эффектные кадры, превратили репортажи в изумительные зрелища. Благодаря камерам с мощными телеобъективами зрители видели даже пот на измученных и напряженных лицах игроков.

Тренеров, в свою очередь, сменили асы стратегии из лучших военных школ. Перед каждым матчем собирался генеральный штаб в составе десяти — двенадцати человек, он вырабатывал новую тактику и придумывал технику передач, способную сбить противника с толку.

Время игры продлили. Шесть часов матча позволяли успешнее разыгрывать сложные комбинации и потрясающие атаки. Одновременно с этим игроки принялись накачивать мускулатуру; их питание было рассчитано до калории, их тренировки продолжали лучшие традиции атлетов.

Теперь, когда игровое поле увеличилось, а количество игроков возросло, в состав команд решили включить женщин, внося таким образом «свежую струю» в игру. Хотя, по правде говоря, это сделали ради большей эффектности телевизионного зрелища. Женщины были королевами бодибилдинга. Некоторые из них, например Киллинг Лили, оказались отличными нападающими, на голову выше большинства мужчин. Киллинг Лили удавалось при помощи своего наспинного реактора совершать головокружительные сальто, бомбардируя ворота знаменитой Фортресс Жозефа, вратаря из Болгарии, экс-чемпионки мира по конькобежному спорту (впрочем, к футболу это не имеет отношения), которой первой пришлось в голову использовать радар для определения местонахождения мяча, спрятанного замаскированными войсками нападающих.

Все шло отлично, и публика была в восторге.

Итак, футбол становился все сложнее и увлекательнее. И вот наступило известное всем мартовское утро 2030 года, день финала мирового первенства, который свел друг с другом неожиданных соперников: Новую Зеландию и Таиланд.

К этому дню усовершенствования в данном виде спорта достигли апогея. Обе команды расположились на вулканическом острове площадью в пятьдесят квадратных километров. Количество игроков — мужчин и

женщин — достигло трехсот двадцати одного. Матч теперь шел целый день с восьми утра и до восьми вечера.

Любые приемы были разрешены. Даже самые коварные. Команды имели право установить ворота, где им заблагорассудится. Тайцы поместили их на дне колодца, единственный проход к которому шел через замок, находившийся на высоте ста тридцати метров. Новозеландцы спрятали ворота в подводном гроте, куда добраться можно было только морским коридором, совершив глубоководное погружение. Уже не обязательно было вести мяч ногами, достаточно перемещать его любым способом, но не касаясь руками.

Мяч был снабжен миниатюрными камерами, так что только владевший им игрок и телезрители перед экранами знали, где он. Сотни других камер, разбросанных по острову и установленных на бесчисленных телеуправляемых дирижаблях, снимавших с воздуха, транслировали матч.

Капитана тайской команды звали Арао Банг. Это был человек небольшого роста, хитрый, стремительный и жестокий.

Капитаном новозеландской команды была красавица Линда Фоксбит, экс-мисс Океания, экс-секретный агент, а сейчас — топ-модель гавайских модных журналов.

Кубок мира 2030 был необыкновенным со всех точек зрения. Впервые игроки получили право наносить друг другу ранения, то есть убивать, если того потребует необходимость. День проведения финальной встречи был объявлен нерабочим на всей планете. И, наконец, бесчисленные спонсоры разместили рекламу прямо на игровом поле. Ни одно дерево, мышь или птица не были забыты: каждый листок и волосок рекламировали марку сигарет, напитков или косметики.

Чтобы выйти в финал, новозеландцам пришлось обойти индонезийцев (1:0, двадцать четыре погибших, пятьдесят восемь раненых), венгров (2:1, восемь погибших, одиннадцать раненых), хорватов, кенийцев, греков, ливийцев, перуанцев. Тайцы, со своей стороны, уничтожили американцев (4:2, тридцать пять погибших, двенадцать раненых), японцев, русских, монегасков[Монегаски — коренные жители Монако.] (схватка была эпической, ради счета 1:0 было убито шестьдесят семь человек, раненых не было), и это не считая маленьких команд, участвовавших в отборочных играх и выбывших с относительно меньшими потерями.

Для проведения финала каждая из двух команд имела возможность выбрать себе какой-нибудь город базой. Между ними находилась нейтральная территория, куда могли спокойно проникать шпионы.

Действие началось сразу же после свистка арбитра.

Мяч, спрятанный в камере хранения на вокзале нейтрального города, был немедленно обнаружен новозеландцами, а именно центральным нападающим Билли Максуэном. Он попытался передать его крайнему Джеймсу Саммеру, переодетому в полицейскую форму, но последний был поражен стрелой с ядом кураре, посланной маленькой тайкой, передней нападающей Дай Винеи под номером 164, при помощи сарбакана с электрической системой поддува. Овладев мячом, Дай Винеи положила его в свой гоночный вездеход и устремилась в пиццерию центрального нейтрального города.

Там Дай Винеи попыталась сделать пас в сторону своего капитана Арао Банга, но мяч был незаметно перехвачен новозеландским агентом Кордвайнером, в прошлом известным карманником. До этого момента летающие камеры-роботы могли следить за игрой без особого труда. Но, увы! Неожиданно все изменилось к худшему. Тайский капитан понял, что пас его игрока не удался, и в то же время обнаружил, что мяч исчез. Испарился! Его датчики больше не передавали изображения — знак того, что мяч упал в темный тайник или глубокую яму. Команда была вынуждена прибегнуть к кожеметаллоискателю для его обнаружения... Спрятанный в поезде, который отправлялся в 19 часов 05 минут, мяч мчался со скоростью 120 километров в час к тайским воротам.

По мобильному телефону азиатская команда предупредила правых крайних, и те на лошадях, с саблями наголо атаковали вагон. Но новозеландцы, предвидя подобное, установили на крыше поезда пулеметы и микроракетные установки с ищущими боеголовками «Альфа».

Железная дорога стала местом жесточайшей схватки. Отличные наездники, тайские головорезы на ходу соскочили с лошадей и, воспользовавшись дымом и суматохой, пробрались в вагон. Одна из них заметила, как пресвитерианский священник, принявший подданство Новой Зеландии, прячет под сутаной мяч. Она отобрала мяч, разрубив тело святого человека ударом сабли пополам.

Арбитр засвистел, назначая пенальти: он посчитал, что правила были нарушены. И действительно, тайцы не могли определить местонахождение мяча при помощи кожеметаллоискателя. Значит, они увидели мяч по телевизору или кто-то извне передал им информацию, что было строжайше запрещено. Для пенальти был выбран другой протестантский пастор, новозеландец по происхождению, которого вместе с мячом доставили к тайскому замку.

Праведнику, вышедшему на замену, повезло не больше, чем его

предшественнику: тайские игроки разорвали его в клочья и отправились назад на другом поезде, случайно проходившем мимо.

Увы! Едва они сели, новозеландский игрок в шортах, даже без оружия, выхватил у них мяч и устремился в сторону их лагеря!

В рядах азиатов воцарилась растерянность. Как он сумел обойти все заграждения?

Понадобилась западня для бенгальских тигров из заостренных кольев бамбука, чтобы остановить его. Вскоре мяч перехватил другой новозеландский игрок, замаскированный под утес, ему удалось вскочить на поезд, идущий в противоположную сторону.

Тут тайская защита запаниковала. Она послала отряд тайских амазонок на дельтапланах бомбардировать поезд. Инициатива могла бы увенчаться успехом, если бы неожиданно не вмешалась Мак-Могарти. Баронесса, мастер красноречия, уже покинула состав с мячом и умаслила привратника тайского замка несколькими коварными поцелуями.

Красивый удар! Крайняя нападающая Мак-Могарти сумела-таки проникнуть в крепость! Но она забыла о дьявольской злобе тайского капитана Арао Банга. Он приказал похитить молодую женщину и пригрозил, что, если ему не выдадут мяч, он велит сбросить ее с самой высокой башни замка в озеро, кишущее крокодилами с зубами, источенными кариесом. Арао Банг не зря имел репутацию самого жестокого капитана современного футбола. Заменить крайнюю нападающую было настолько непросто, что новозеландцы подчинились.

Итак, мяч снова оказался у ног тайской команды, которая отправила его как можно дальше при помощи пневматической катапульты.

Напряжение росло.

Мяч был перехвачен на лету ракетой «воздух — воздух», которая вернула его в тайский замок: им вновь завладела крайняя нападающая Мак-Могарти, и на этот раз ей удалось пробраться в большую залу замка, преодолев ров с водой и сопротивление защиты. Там ловкая нападающая соблазнила грума, и он после сеанса знойной эротики (которая шокировала юную публику) повел ее к тайным воротам тайской команды. Весь Таиланд в один голос громко и негодуя взревел. Несчастный грум был беспощадно освистан (скорее всего после матча он будет вынужден уехать в Новую Зеландию — единственное безопасное для него и его семьи место).

Арао Банг слишком поздно заметил маневр. Он хотел снова взять шпионку в плен, но арбитр в засаде просвистел угловой, принуждая противников поужинать вместе.

Естественно, баронесса пошла на обвод, подсыпав сильнодействующее снотворное в стакан неприятелю. Но хитрец подменил стаканы. Заподозрив неладное, баронесса решила не пить ничего.

Подали закуски. Под угрозой дисквалификации арбитр обязал обоих игроков съесть поданную еду. Баронесса попыталась применить секретное оружие. Она достала из дамской сумочки маленькую дрессированную морскую свинку, зубы которой были смазаны снотворным. Но животное заснуло, а арбитр объявил о нарушении правил, так как использование дрессированных животных было запрещено. Арао Банг торжествующе повел мяч правой ногой, сжимая в левой руке обоюдоострую алебарду. Нападающая едва успела достать свои нунчаки. Началась беспощадная дуэль. Нунчаки против алебарды, баронессе пришлось попотеть... И вот тут-то ей на помощь примчалась Линда Фоксбит, запыхавшаяся и растрепанная, обессиленная любовью со всеми тайскими защитниками. Соотношение «двое против одного» практически уравнило силы противников.

Под стоны тайских защитников, посаженных на кол на башнях замка за то, что они пропустили неприятельского капитана, ликование миллионов телезрителей нарастало. Вся планета, ни на секунду не ослабляя внимания, лихорадочно следила за матчем, по сравнению с которым последний фильм о Джеймсе Бонде или война в Афганистане казались просто переменной в школе для детей, страдающих сонной болезнью.

Заклучалось множество пари на такие огромные суммы, что мировую биржу залихорадило.

Баронесса опрокинула стол и выхватила шпагу. Зрители помертвели, когда клинок просвистел в нескольких миллиметрах от мяча: еще чуть-чуть, и матч мог быть прекращен.

Арао Бант теснил противниц, пока через витражи залы не прорвались задний левый сержант Смит и четверть-центральной Вильбур, по прозвищу Победитель.

Вильбур завладел мячом и помчался к колодцу-воротам, но вдруг зашелся в приступе астмы (запахло селитрой, на которую у него была аллергия). Доставая баллончик с лекарством, он едва успел передать мяч Смит, повисшему на люстре (стиль рококо). Смит применил дымовую завесу и сумел преодолеть линию тайской защиты. Одним прыжком он очутился на дне колодца. Он достал нож, и вовремя — тайцы напустили в колодец пираний. Смит сражался, убил нескольких рыб, но, в конце концов, умер от их укусов. Он пасовал капитану Фоксбит, нырнувшей вслед за ним

и теперь тоже пожираемой пираньями. Жаль. Новозеландская команда могла забить красивый гол. С этим Смитом всегда проблемы — он играет только за себя, а не за команду.

Рыболовными крючками тайцы извлекли мяч и вновь хотели перебросить его своей пневматической катапультой, как вдруг левый нападающий Бюрроу снял маску: он был загримирован под тайца, узкие глаза и смуглая кожа были подделаны очень искусно. Тайский защитник Лим хотел оглушить его ударом дубины... Слишком поздно. Какой напряженный момент! Бюрроу успел передать мяч баронессе, только что высвободившейся из стального ошейника. Она нырнула в колодец и, задержав дыхание, поплыла к тайским воротам. Пираньи, совершенно объевшиеся Смитом и Фоксбит, пропустили ее: их пищеварению нужна была передышка.

Го-о-о-о-о-о-о-ол!

1:0 в пользу Новой Зеландии. Новозеландская команда ликовала. Они целовались, обнимались, раздевались, поздравляя друг друга. Мяч был водружен в центр поля, и группа взбешенных тайских спортсменок бросилась в атаку, не встречая сопротивления. Двадцать четыре новозеландских игрока были с легкостью ими соблазнены, а затем удушены. Применение огнемёта позволило им пересечь линию сопротивления противника.

Гол!

Тем временем сирена возвестила об окончании матча. Счет 1:1. Ничья.

Любой ценой необходимо было определить лидера: выжившие игроки встали на холме друг перед другом для ударов по воротам. Ведь и вправду, несмотря на постоянные изменения в правилах, никто не подумал отменить удары по воротам.

Каждый игрок, снабженный пневматической катапультой, должен был бить по воротам, на этот раз установленным прямо на земле. Напряжение было максимальным. Тайка завладела мячом. В бинокль она оценила расстояние. Пальцем определила скорость ветра и поместила мяч в катапульти. Огонь!

Гол!

Мяч ударил о землю с такой неистовой силой, что там, где стоял новозеландский вратарь, образовался кратер. 2:1. Теперь пришла очередь новозеландского игрока попытать счастья. Он ударил и... промахнулся. Лавина радостных криков в одном лагере и свиста — в другом.

Таким образом, счет стал 2:1 в пользу Таиланда, нового чемпиона мира по футболу.

По итогам матча преисполненная энтузиазма Генеральная похоронная служба решила стать спонсором следующей игры.

Осторожно: бьется

— Что это такое?

— Твой подарок на Рождество!

— Ой, папа, это ковбойский набор, какой я просил?

После секундного колебания отец ответил:

— Не совсем...

Ребенок подбежал к желанному предмету, начал торопливо его разворачивать, путаясь в яркой подарочной бумаге и затейливых бантах, и, наконец, достал картонную коробку.

На ней было написано «верх», «низ», а сбоку — «осторожно: бьется».

Он извлек нечто вроде большого, прозрачного, темного внутри аквариума. Спереди помещалось приборное табло со множеством экранов и странными обозначениями: «синтез», «гравитация», «взрыв», «мацерация», «горячая возгонка», «холодная возгонка», «раздрабливание», «высокое давление», «низкое давление», «туман», «электрическая молния».

Глаза ребенка округлились и заблестели.

— Вау, супер! Это набор юного химика?

— Нет, гораздо лучше. Это то, о чем ты всегда мечтал.

Услышав эту фразу, ребенок понял, что подарок снова прежде всего предназначался его отцу. Действительно, его родитель каждое Рождество, выбирая подарок сыну, пытался удовлетворить свои собственные фантазии.

— Это совсем новая игрушка, намного сложнее и дороже всех предыдущих.

Ребенок принялся подозрительно оглядывать вещь со всех сторон.

— Аквариум для тропических рыбок?

— Почти.

— Гигантская машина для мороженого?

— Нет. Холодно.

— Игра в летающих солдатиков?

— Теплее.

Отгадывание загадки уже само по себе было подарком.

Любопытство ребенка разгорелось.

— Машина для изготовления кукольной мебели?

— Горячо.

— Не знаю. Сдаюсь, — раздраженно сказал ребенок.

— Это машина для изготовления миров!

Наполовину разочарованный, наполовину восхищенный мальчик сделал скептическую мину.

— Посмотри коробку. «Маленький хозяин Вселенной». Такого еще не было, тебе понравится.

Мальчик — его звали Жесс — достал из коробки детали, электрические шнуры, трансформатор, батарейки.

— На вид игра сложная.

Ты мне всегда говорил, что твои игрушки тебе быстро надоедают. Я подумал, что «Маленький хозяин Вселенной» тебя займет надолго. Если повезет, ты сможешь продержаться до следующего Рождества. Скажи-ка, а ты ничего не забыл?

Отец выжидающе прижал палец к щеке.

— Ох, да, поцеловать. Спасибо, папа! Я чувствую, мне будет интересно. Во всяком случае, ни у кого из ребят такого нет.

Жесс повис у отца на шее и расцеловал его.

— Хорошо, изучай инструкцию, а я пойду прочитаю газету.

И отец пошел на кухню к жене.

— Я думаю, ему понравится, — заявил он.

— Ему так трудно угодить. Лучше бы ты купил ему ковбойский набор, который он просил.

— У всех детей есть ковбойский набор, а у кого есть набор для создания мира? — возразил отец. — Я уверен, что Жесс уже достаточно взрослый, чтобы оценить разницу между этим подарком и каким-то опереточным костюмом. И он дороже ковбойского набора.

Отец засмеялся. Но он и в самом деле был доволен тем, что пошел на эту маленькую жертву ради интеллектуального развития своего сына.

— Что говорил продавец, его хорошо покупают? — спросила жена.

— «Маленького хозяина Вселенной»? Нет. Это новый товар. Кажется, я был первым, кто его купил. Продавец сказал: «Потом расскажете, так ли это интересно, как говорят в рекламе».

Он раскурил трубку и развернул газету. Он слышал, как в своей комнате мальчик открывал отделения коробки, перебирал детали. Но через десять минут раздался рев:

— У меня не получается! Пап, иди помоги!

Отец вздохнул с сожалением. Он предпочел бы дочитать потрясающую статью о быстром размножении крыс в больших городах. Но ребенок продолжал хныкать, и отец свернул газету. Разумеется, подарки такого рода предполагали минимум помощи дарителя. Но он уступил.

— Ну, что случилось?

— Я не понимаю, как им пользоваться. Как он действует?

Отец полистал инструкцию. Опять, наверное, плохо переведенное руководство без рисунков. Он надел очки и стал внимательно изучать текст.

— Смотри, сначала нужно подключить электрические провода. Ты как хочешь, батарейки или прямо в сеть?

— Батарейки.

— Хорошо.

Отец поместил в специальное углубление шесть батареек по 9 вольт, потом снова взял инструкцию, открытую на странице «установка».

— Надо только прочесть, здесь все объяснено.

И прочел вслух:

— «Счастливый маленький хозяин Вселенной! Прежде всего, установи свою Вселенную. Мы называем Вселенной маленький мир в аквариуме, за который ты теперь в ответе. Тебе необходимо принять некоторые меры предосторожности. Ни в коем случае не помещай свою Вселенную на сквозняке или в сыром месте. Идеальной температурой будут 19 градусов по Цельсию, это обычная температура твоей комнаты».

Отец с сыном проверили по настенному термометру, выполнено ли первое условие, затем отец продолжил чтение:

— «Еще одна мера предосторожности: если у тебя есть кошка, защити свой мир решеткой. Кошка не должна трогать твой созревающий мир».

Мальчик быстро выгнал Сюшетт в коридор. Ее называли так потому, что это забавно звучало: «Кошка Сюшетт». Кошка обиженно мяукнула. Ее всегда выгоняли, когда появлялась новая игрушка. Пусть так, зато теперь она не съест Вселенную. Но Сюшетт знала, что рано или поздно игрушки надоедали мальчику, и он вспоминал о простом удовольствии — гладить теплую шерстку.

Отец продолжал читать инструкцию:

— «Следи за устойчивостью твоего мира: не ставь его на край комода или стола — он может упасть».

Стенки мира прочные, тем не менее не стучи по ним молотком или другим тяжелым предметом.

Не включай слишком громкую музыку, вроде тяжелого рока, рядом с твоим миром.

Чуть-чуть классической музыки, напротив, поможет твоей Вселенной расцвести.

Нельзя вынимать предметы и детали из мира.

Ни в коем случае не перемешивай звезды.

Внимание: в мире все несъедобно».

Отец перевернул несколько страниц, затем продолжал:

— «Вставь батарейки или подключи игру к розетке в 220 вольт. Теперь ты можешь начать «эволюцию твоей Вселенной». Для этого, подобно тому, как сажают в горшок зернышко, из которого вырастает цветок, посади искорку света, из которой вырастет мир.

Искорка называется Биг-Бэнг. Ее вызывает детонатор Вселенной. Появление звезд невозможно без Биг-Бэнга. Найди в коробке боек и водородный воспламенитель. Помести боек на левую стенку аквариума и установи водородный воспламенитель в Биг-Бэнг-хранилище. Внимание: когда Биг-Бэнг запущен, возврат в исходное состояние невозможен. Все операции производи спокойно и не торопясь. После каждого Биг-Бэнга образуется мир. Очень важно правильно провести эту первую фазу».

— А как сделать хороший Биг-Бэнг? — спросил Жесс.

Отец склонился над инструкцией.

— «Необходимо, чтобы воспламенитель щелкнул как можно сильнее и чтобы боек был направлен к центру. Если боек направлен к стенкам, ваша Вселенная может разбиться о стекло, как спелый инжир. Это нежелательный результат».

— Я хочу попробовать! — воскликнул мальчик нетерпеливо.

— Подожди, подожди, я не все прочел.

Но Жесс, который думал, что уже все понял, установил воспламенитель.

— Нет, подожди минутку, тут говорится, что надо...

Слишком поздно. Жесс выстрелил, и его Вселенная устремилась в центр аквариума.

Раздался оглушительный взрыв. Громовой удар сотряс воздух далеко за пределами аквариума. Стены и стекла задрожали. Картины сорвались с гвоздей. Безделушки закачались. Книги беспорядочно посыпались из шкафа.

Соседи сверху начали стучать, требуя прекратить шум.

Прибежала мать, чтобы узнать, в чем дело.

Она увидела мужа и сына перед большим аквариумом.

— Отчего такой грохот? — спросила она, держа в руках кастрюлю с пюре из брокколи.

— Мы создали мир. Но я не успел дочитать инструкцию до конца и теперь не знаю, правильно ли Жесс провел Биг-Бэнг.

Мать заглянула в черный стеклянный куб. Огненная орхидея медленно распускалась. На венчике цветка робко искрилась звездная пыль, словно измеряя размеры Вселенной, в которой она только что появилась.

— Ох, мама, жалко, что ты не видела, как это было красиво! Как только я нажал на гашетку, появилась искра и за клубилась белая пыль...

Мать была зачарована зрелищем. Огненная орхидея извивалась, как будто беззвучно крича. На секунду матери показалось, что цветок в муках извергал из себя звезды, притаившиеся у него внутри. Пыль материи и энергии трепетала.

— Ну, вот, — объявил отец, — ты только что создал мир.

— Великолепно.

— Но не забудь, без твоего участия, сама, твоя Вселенная не сможет развиваться, иначе ты получишь хаос. Ты должен ухаживать за ней. Знаешь, она почти как бонсай. Нужно все время что-то обрезать и подправлять. Она потребует много внимания.

Мать схватилась за голову.

— Да что там говорить про бонсай, он его забросил через неделю. А хомячка отравил, скормив ему шариковые ручки! Знаешь, милый, следить за целым миром, пожалуй, нашей белокурой головенке не под силу.

— Нет, нет. На этот раз все будет по-другому, я буду очень внимательным, — поклялся Жесс. — Обещаю.

— Да ты каждый раз это говоришь.

— Папа, объясни мне, как надо следить и ухаживать за Вселенной. Скажи, с чего начинать?

Отец снова углубился в инструкцию, показал на многочисленные кнопки на табло, прикрепленном к одной из стенок сосуда-аквариума.

— В инструкции говорится, что этими волнообразователями ты можешь установить в твоей Вселенной силовые поля.

— А зачем их устанавливать?

Отец посмотрел на сына. Он сам толком не знал. Схватив инструкцию, он принялся искать в словаре выражение «силовое поле».

Мальчик стал терять терпение. Энтузиазм остывал.

— Ох, папа! Не знаю уже, хорошо ли, что ты подарил мне такую сложную лабораторию. Я теперь словно в школе для создателей миров. Надо учить правила, законы, методы, какая же это игра! Лучше бы ты подарил мне электрическую железную дорогу и ковбойский набор. Электрический поезд с вокзалом и горками, это ведь тоже мир?

Мальчик опять посмотрел на черный аквариум, где продолжала распускаться огненная орхидея.

Отец, раздосадованный тем, что его подарок теряет привлекательность, нервно листал инструкцию. Мать пожала плечами и вернулась на кухню.

— Когда закончите играть, приходите ужинать. У меня еда стынет.

Но отец не собирался так легко сдаваться.

— Вот, нашел! «Силовое поле: своего рода пинцет, позволяющий воздействовать на созревающую Вселенную. Смотри «Практические занятия».

Отец нашел нужный раздел. На лбу его выступили капли пота.

Он был в бешенстве от того, что, заплатив за игру так дорого, получил так мало признательности. Теперь он понял свою ошибку: конечно, он переоценил маленького Жесса: тот еще недостаточно терпелив.

— Первое практическое упражнение: попытайтесь смастерить звезду размера А.

Из кухни донесся голос:

— Дорогой, иди ужинать. У меня такое впечатление, что все это интереснее тебе, чем твоему сыну.

— Я должен ему помочь прочесть инструкцию. Мы пытаемся сделать звезду размера А.

Маленький Жесс понял, как надо наклонять силовые поля, чтобы энергия воспламеняла водородные облака. Он стал играть рукояткой. У него получалось не очень ловко, но получалось. Затем мальчик научился уплотнять огненные облака и делать из них световые шары. Он создал звезду размера А.

— Bravo! — подбодрил его отец, в котором начала возрождаться надежда.

Он снова полистал инструкцию и прочел:

— «Упражнение номер два: смастерите планету. Сделайте то же самое, что при создании звезды размера А, но затем быстро ее потушите, так, чтобы она превратилась в постепенно остывающий шар плотной материи... Упражнение номер три: создание жизни. Начните изготовление клетки с комбинации аминокислот».

Отец извлек из пробирки несколько аминокислот. При помощи пипетки он смешал их в указанных пропорциях. Потом вылил смесь на маленькие метеориты, имевшиеся в коробке. Метеориты немедленно устремились к планетам и разбились о них.

— Yay! — воскликнул Жесс. — Метеориты прямо как сперматозоиды, которые оплодотворяют планеты-яйцеклетки.

Сравнение удивило отца, но он вспомнил, что его сын в этом году начал посещать занятия по половому воспитанию. За десять минут отец и сын успешно выполнили четыре первых упражнения. Аквариум расцвелся маленькими яркими зернышками — планетами. Голубыми,

зелеными, желтыми...

— Надо бы придумать им названия или номера, иначе начнется путаница, — заметил отец, очень довольный результатом.

И объявил о следующем этапе:

— Упражнение номер пять: пробуждение сознания.

Они трудились еще несколько минут, но так и не смогли вдохнуть сознание в свои создания. Упражнение номер пять оказалось им и вправду не под силу.

— В инструкции говорится, что если в обитателях нашей Вселенной не пробуждается «сознание», надо осуществить процедуру его передачи. Мы говорим в маленький микрофончик, а они воспринимают послание уже переведенным на свой язык.

В гостиную вошла мать и в раздражении предложила повторить эксперимент после ужина. Вдохновение пропало. Мать негодовала: в жизни есть вещи поважнее, чем игры, ее мужу следовало бы вести себя как взрослому, ответственному человеку, а сыну подумать о домашних заданиях.

Отец и сын нехотя покинули свой искусственный мир и поплелись на кухню.

После ужина они вновь попытались вдохнуть сознание в свои творения.

Ничего не вышло.

— Может быть, мы создали «глупый» мир? — вздохнул Жесс, уже уставший от игры.

Через два дня бесплодных усилий мальчик потерял терпение. Дети его возраста любят, чтобы игра была занимательной с самого начала. Жесс уже несколько раз запускал руку в аквариум и жевал планеты и солнца. Они были совсем недовитыми. Но даже это не доставляло ему удовольствия. У планет был соленый вкус. А солнца были такими горячими, что можно было рот обжечь.

Жесс отнес аквариум со Вселенной на чердак, к другим надоевшим игрушкам: электрическому бильярду, лошадке-качалке, коробке с пластмассовыми солдатиками, пистолету с присосками и прочему.

И спустился погладить свою кошку Сюшетт.

А мир наверху продолжал жить.

И случилось так, что к аквариуму из чистого любопытства подошла крыса. Ее острое зрение различило крошечные галактики, звезды и живых существ, обитавших на них.

Десяток сородичей из ее стаи помогли крысе перенести Вселенную

Жесса к крысиному королю, старому самцу, завоевавшему власть когтями и зубами. Король объявил на крысином языке: «Это юная Вселенная покинута. Мы можем стать ее хозяевами».

Так и появилась где-то Вселенная, в которой крысы сделались богами для людей.

Последний бунт

— Ты думаешь, это они?

Прозвучали три ноты звонка. Дедушка Фредерик и бабушка Люсетт спрятались, словно испуганные зверьки.

— Нет, нет. Наши дети никогда не разрешили бы им прийти.

— Себ и Нану не объявляются уже три недели. Кажется, перед приходом ЦОМР дети именно так и ведут себя.

Два пенсионера прильнули к окну и увидели большой зарешеченный автобус ЦОМР, пресловутого Центра отдыха, мира и радости. Аббревиатура была четко написана на машине, рядом — логотип этой административной службы: кресло-качалка, пульт от телевизора и цветок ромашки. Из автобуса вышли служащие в розовой униформе, один из них старательно прятал большую сеть, служившую для поимки непокорных пенсионеров.

Фред и Люсетт прижались друг к другу. Фред дрожал от ярости: значит, их собственные дети их бросили. Их обожаемые чада донесли на них в ЦОМР.

До сегодняшнего дня Фред считал такое невозможным. А ведь знал, что это случается все чаще и чаще. Вот уже несколько лет борцы со стариками действуют почти открыто. Сначала правительство нехотя еще поддерживало пожилое поколение, но вскоре предало их народному суду. Один социолог в вечерних новостях доказал, что дефицит социального обеспечения возникает из-за людей старше семидесяти лет. В пробитую брешь устремились политики: они обвинили врачей в том, что те прописывают лекарства и любой ценой продлевают жизнь пациентам, думая лишь о своей прибыли и забывая об интересах общества.

Положение стремительно ухудшалось. Рассуждения сменились варварским сокращением средств. В первую очередь правительство прекратило выпуск искусственных сердец. Потом заморозило программу пересадки кожи, почек и печени. «Не может быть и речи о том, чтобы наши старики превратились в бессмертных роботов, — заявил президент Республики в своем новогоднем обращении к народу. — У жизни есть конец, его надо уважать». И объяснил, что люди, принадлежащие к третьей и четвертой возрастным группам, потребляют, но не производят, вынуждая государство вводить непопулярные налоги. Короче говоря, стало очевидно, что все экономические проблемы страны связаны с увеличивающимся числом пожилых людей. Странная вещь: никто не обратил внимания на то,

что эту речь произносил человек семидесяти пяти лет, чья «отличная форма» объяснялась прежде всего постоянным медицинским уходом высочайшего качества.

После этой речи было ограничено возмещение расходов на лекарства и медицинскую помощь для лиц старше семидесяти. Начиная с семидесяти пяти, не возмещались расходы на противовоспалительные средства, после восьмидесяти — на помощь дантиста, после восьмидесяти пяти — на лекарства против гастрита, после девяноста — на анальгетики. Человек, проживший более ста лет, не имел права ни на какие бесплатные медицинские услуги.

Идя в ногу с политикой, тенденцию подхватила реклама: началась «антистариковская» кампания. На корме для собак появился слоган: «Флики — паштет, о котором мечтает ваш дедушка». Рядом была изображена собака, оскалившая зубы на старика, который пытается стащить у нее миску. Тогда же министерство здравоохранения выпустило плакат с надписью: «Шестьдесят пять — куда ни шло, семьдесят — уже одни убытки!»

Понемногу старость стала ассоциироваться со всеми отрицательными явлениями в обществе. Перенаселение, безработица, налоги — во всем виноваты старики, которые «не покидают сцену, хотя уже и отыграли свою роль».

Нередко на дверях ресторанов вывешивались объявления: «Лицам старше семидесяти вход запрещен». Никто уже не решался встать на защиту стариков из страха прослыть реакционером.

Снова раздался звонок. Фред и Люсетт подскочили на месте.

— Не будем открывать, они решат, что нас нет дома, — пробормотал Фред, уже не справляясь с бившей его дрожью.

Из окон второго этажа Люсетт видела, что внутри зарешеченной машины — Фультраны, соседи, — супружеская пара, с которой они всегда играли в кункен[Карточная игра.] по субботам после обеда. Значит, дети их тоже покинули.

— Откройте, мы знаем, что вы дома!

Служащий, вооруженный сетью для стариков, громко стучал во входную дверь.

Они крепко обнялись. За яростными ударами кулаком последовали удары ног.

В своей зарешеченной клетке Фультраны понурили головы. Они раскаивались, что не предупредили соседей. Еще в прошлую субботу Фред

и Люсетт приходили к ним в гости. Разговор вертелся вокруг законов, направленных против третьего возраста. Фультраны считали, что ЦОМР — это еще не самое страшное. Они утверждали, что бывает, дети, уезжая в отпуск, привязывают своих стариков к дереву, чтобы не брать их с собой. И родители мыкаются много дней на улице, без еды, в непогоду.

— А что там, в этих центрах? — небрежно спросила Люсетт.

Госпожа Фультран казалась испуганной.

— Никто не знает.

— В рекламе говорят, что они организуют путешествия в Таиланд, Африку, Бразилию.

Господин Фультран ухмыльнулся:

— Обычная официальная пропаганда. Зачем же это государство, которое и так считает, что мы ему слишком дорого обходимся, будет оплачивать нам экзотические каникулы? У меня своя точка зрения, без оптимизма. Там нас просто... колют.

— Что вы имеете в виду?

— Они делают нам отравленные уколы, чтобы избавиться от нас.

— Не может быть! Это было бы слишком...

— О-о, они убирают нас не сразу. Сначала подержат немного, на тот случай, если дети передумают.

— Но как же люди допускают, чтобы им делали уколы?

— Им говорят, что это прививка против гриппа.

Повисла долгая пауза.

— А вы откуда это знаете, господин Фультран?

Он не ответил.

— Это слухи, — отрезал Фредерик. — Я уверен, что это одни лишь слухи. Мир не может быть так жесток. Вы все придумали.

— Я завидую вашей способности видеть жизнь сквозь розовые очки. Но еще мой отец говорил: «Оптимисты — это плохо информированные люди», — заключил господин Фультран со вздохом.

Сотрудники ЦОМР стали взламывать дверь. Их движения были уверенными, отработанными. Должно быть, они делали это по десять раз на дню.

— Ничего не бойтесь! — кричали они. — Все будет хорошо, оставьте свои страхи.

В отчаянии Фред обнял Люсетт за талию, и они выпрыгнули из окна. Куча мусора в баке смягчила их падение. Фред решительно поднялся, схватил Люсетт за руку, бросился к автобусу ЦОМР и под носом у

оторопевших служащих уселся за руль и завел мотор.

Он вел машину к горам. Двадцать стариков в салоне словно оцепенели. Когда машина остановилась, все по-прежнему молчали.

— Я знаю, — сказал Фред, — возможно, мы сделали большую глупость, но я привык доверять своей интуиции. ЦОМР меня как-то не привлекает.

Остальные все так же изумленно молчали.

Тут долго колебавшийся господин Фультран вдруг закричал «ура!». Один за другим его крик подхватили все старики, почти все.

— Мы погибнем, — сказал Ланглуа, восьмидесятилетний сморщенный старик.

— Мы в любом случае были приговорены ЦОМР, — ответил Фред.

Фультран и другие принялись скороговоркой благодарить и поздравлять чету героев, но Фред их прервал:

— Не стоит терять время. Полиция скоро будет здесь. Надо побыстрее скрыться в горах.

Добравшись до леса, беглецы встревожились.

— Холодно.

— Кругом полно диких зверей.

— Я есть хочу!

— Здесь наверняка есть пауки и змеи.

— У моего кардиостимулятора батарейки сели.

— А я антибиотики принимаю.

Фред велел всем замолчать. Он взял на себя роль командира. В конце концов, раз он их вызволил из клетки, то и руководить ими должен он. Их ищет полиция, поэтому огонь разводить нельзя. Нужно срочно найти пещеру и укрыться в ней.

Уверенность Фреда заразила остальных. Через час ушедшие на разведку вернулись и объявили, что нашли подходящую пещеру. Туда все и отправились.

— Здесь можно без опаски развести огонь.

Госпожа Сальбер, кутившая как паровоз, несмотря на рак легких, достала не гаснущую на ветру зажигалку. Собрали сучья и ветки, но и любитель робинзонады Фред был плохо подготовлен к этой новой форме туризма. Дым заполнил пещеру, и им пришлось выскочить на свежий воздух. Один толстяк замешкался. Он закашлялся и его унес сердечный приступ.

Его похоронили неглубоко в земле. Погребальная церемония была краткой:

«Когда умирает старик, погибает библиотека... Прощай, Гонтран».

Когда похороны закончились, Ланглуа, в прошлом журналист, автор научно-популярных статей, предложил испробовать систему выведения дыма через отверстие в потолке пещеры. Это стало первым уроком по выживанию.

Назавтра они решили пойти на охоту. Без лука, но с большим тяжелым камнем. Господину Фультрану удалось убить незадачливую белку: она стала первой добычей.

На следующий день лес отомстил им. Госпожу Фультран сбил с ног заяц, она неудачно упала, растянувшись во весь рост, и скончалась. Ее похоронили. Осталось всего двадцать человек.

Вечером старики собрались у огня.

— Мы все тут погибнем, — сказала госпожа Варнье, у которой кончился запас лекарств.

— Нас съедят волки.

— Нас найдет полиция.

Фред всех успокоил. Его тон становился все более уверенным.

— Мы ничем не рискуем, пока ведем себя осторожно. Мы сбежали уже много дней назад. Они думают, что мы умерли от холода или нас съели дикие звери. В этом их слабое место: они недооценивают пожилых людей.

Господин Монестье пробормотал сквозь зубы:

— Никогда бы не поверил, что мы докатимся до такого...

Одна из старушек обратилась ко всем:

— Да что же случилось, мы ведь не вели себя так с нашими родителями...

Фред резко оборвал беседу:

— Хватит мусолить воспоминания. Довольно стонов, будем жить настоящим. Вам отлично известно, что мозги наших детей одурманены культом вечной молодости. Обожевляя физическую красоту, фанатично занимаясь гимнастикой, воюя с лишним весом и морщинами, они поглупели. Но ведь, устранив нас, молодости они не сохранят.

Маленькое общество заплодировало.

Вдруг у входа в пещеру возник чей-то силуэт. Все старики разом вскинули самодельные копья. Но их била такая дрожь, что они вряд ли смогли бы попасть в цель.

За первым силуэтом возник второй, затем третий, четвертый. Беглецы застыли от страха.

Первым пришел в себя Фред. Он взял факел и вышел вперед.

— Вы из ЦОМР? — спросил он как можно спокойнее.

Но гости не были похожи ни на полицейских, ни на санитаров. Это были старики, такие же, как они сами.

— Мы сбежали из Центра. Мы узнали о вас и ищем вас вот уже много дней, — сказал сгорбленный старик. — Я доктор Валленберг.

— А я — госпожа Валленберг, — проговорила беззубая женщина.

— Очень приятно, добро пожаловать, — ответил Фред.

— Нас десять человек. Для всех стариков страны вы — герои. Новости распространяются быстро. Всем известно, что вы спаслись и до сих пор живы. Правительство уверяло, что найдены ваши трупы, но все знают, что видеозапись подделана. Трупы были слишком молодыми.

Все расхохотались. Как давно они так не смеялись. Кое-кого этот приступ веселья заставил закашляться, покраснеть и вспотеть.

Вновь прибывшие принесли с собой бесценные вещи: бумагу, ручки, ножи, слуховые аппараты, очки, трости, лекарства, веревку. Доктор Валленберг притащил даже автоматический карабин, оставшийся у него со времен корейской войны, в которой он участвовал добровольцем.

— Фантастика! Да мы можем теперь осаду выдержать! — восклицала Люсетт.

— Да, и я уверен, что к нам присоединятся другие. До сих пор те, кто убегал, не имели ни надежды, ни возможности спрятаться, потому-то их и ловили. Теперь все знают, что тут, в горах, есть убежище. Я убежден, что сейчас сотни стариков ищут нас.

И действительно каждый день ряды повстанцев пополнялись. Правда, многие из них умирали от истощения сразу после прихода или чуть позже — от нехватки нужных лекарств. Но те, кто выживал, быстро закалялись.

Оказавшийся очень сноровистым доктор Валленберг научил своих товарищей делать силки для ловли кроликов. А его жена, великолепный ботаник, объяснила, как отличить съедобные грибы от несъедобных (к сожалению, ядовитыми грибами уже отравилось несколько человек), и показала, как сажать злаки и овощи.

В прошлом электрик, господин Фультран сконструировал ветряной двигатель, лопасти которого не были видны за деревьями. Благодаря этому механизму в пещере вскоре загорелся свет.

Фред занялся водопроводом, и в пещере появилась вода из соседнего источника. Жизнь в лесу налаживалась. Все считали свое спасение чудом, а Фред повторял: «Каждый новый день, проведенный в лесу, — подарок судьбы».

Число беглецов достигло сотни. Они расселились в пещерах по соседству. Фред и Люсетт стали легендой, их боялись в ЦОМР, ими

восхищались все, кому было за семьдесят. Фред снялся на фоне лесных зарослей, старики тайно украшали свои дома его портретами. Повстанческому отряду он дал название «Белые лисы» и девиз: «Пока живешь — надейся».

Они решили обратиться к населению и выпустили листовку:

«Уважайте нас. Любите нас. Старики могут ухаживать за малышами. Они могут вязать свитера. Могут гладить белье и готовить. Мы в состоянии делать всю ту работу, которая отнимает время и не нравится молодым, потому что мы не боимся течения времени.

Убивая стариков, люди уподобляются крысам, уничтожающим слабых членов стаи. Мы — не крысы. Мы знаем о взаимопомощи, мы умеем жить в обществе. Если убивать самых слабых, незачем жить вместе. Покончим с законами, направленными против стариков. Используйте нас, а не уничтожайте».

«Белые лисы» сумели распространить листовку по всей стране.

Но Фреду этого было мало. Однажды он понял, что недостаточно защищать только свой отряд. Нужно освободить всех стариков, заключенных в ЦОМР. Самые бодрые из «Белых лис» переоделись в «молодых», покрасили волосы и достали фальшивые документы. Они выдавали себя за детей, «замученных угрызениями совести», которые приходили по истечении «времени, отпущенного на размышления», забирать из ЦОМР своих родителей домой. Возросшее количество раскаявшихся вызвало подозрения властей. Теперь каждый, пришедший за стариками, должен был показать руки: они всегда выдают возраст человека.

Тогда Фред решил объявить партизанскую войну. Члены подгруппы «активных действий» «Белых лис» атаковали Центр отдыха, мира и радости и освободили из неволи около пятидесяти стариков. Отряд опять увеличился. Он становился настоящей армией — армией «Белых лис».

Полиции и ЦОМР удалось определить местоположение отряда в горах. Было предпринято несколько попыток его уничтожения, но к повстанцам недавно примкнули постаревшие генералы с целым арсеналом оружия. У отряда для защиты были теперь не только жалкие луки, но отличные пулеметы и шестидесятимиллиметровые минометы.

Новое правительство, состоящее из относительно молодых министров и секретарей, не собиралось сдаваться. Стариков арестовывали дома все

более хорошо вооруженные отряды. Создавалось впечатление, что власти торопятся, пока мятеж не охватил всю страну. ЦОМР использовал уже не автобусы, а бронированные фургоны, позаимствованные у банков. Не помышлявшее ни о каких уступках правительство приняло несколько наиболее варварских законов: запрет работать людям старше шестидесяти, запрет детям поддерживать родителей.

В ответ участились рейды «Белых лис». Пещера и гроты превратились в крепости. В горах стало безопаснее и удобнее, и, как охотно признавали сами старики, партизанская жизнь заставила их помолодеть. Они надеялись, что действия их повстанческой армии заставят власти отменить законы, направленные против стариков, а президента — начать переговоры. Но дело приняло иной оборот. Министр здравоохранения придумал средство, с помощью которого власти сумели подавить восстание. Не военная стратегия должна была сломить стариков, а грипп, обыкновенный грипп.

Вертолеты распылили над лесом различные штаммы вирусов. Первой умерла Люсетт. Тем не менее Фред отказался сдаваться.

Старикам срочно нужна была вакцина, но власти предусмотрительно уничтожили все ее запасы. Эпидемия стала неизбежной. Люди начали умирать.

Спустя три недели, когда полиция пришла арестовывать тех из «Белых лис», кто еще оставался в живых, она не встретила никакого сопротивления. Фреда схватили люди из нового филиала ЦОМР, все — бойцы моложе двадцати.

Легенда утверждает, что перед тем, как погибнуть от смертельного укола, Фред холодно посмотрел в глаза своего палача и бросил: «Однажды ты тоже станешь старым».

Прозрачность

Многие годы я, сотрудник лаборатории генетики, посвятил выведению свойств прозрачности. Я начал с выделения кода ДНК, позволяющего сделать прозрачным растение. В природе эта ДНК есть у водорослей. Чтобы изменить пигментацию растения, достаточно было ввести цепочку генов определенного типа. Я вывел прозрачные розы, прозрачные абрикосовые деревья, маленькие прозрачные дубы.

Затем я стал работать с животными. На этот раз я взял гены прозрачности у аквариумных рыбок гуппи. Ввел их в ядро клетки и получил прозрачную лягушку. Вернее, лягушку с прозрачной кожей и прозрачными мышцами. Видны были все ее вены, внутренние органы, а также скелет. Потом я вывел прозрачную крысу.

Зверек был жутким, я даже коллегам его не показывал. Затем последовали прозрачная собака и, наконец, прозрачная обезьяна. Так я повторил логическую цепочку эволюции жизни — от простейшего растения до животного, стоящего наиболее близко к человеку.

Сам не знаю почему, но в конце концов я провел эксперимент над самим собой. Может быть, потому, что каждый ученый испытывает непреодолимое желание во что бы то ни стало удовлетворить свой научный интерес. А также потому, что я знал: ни один подопытный не согласится на то, чтобы его кожа сделалась прозрачной.

И однажды ночью, когда в лаборатории никого не было, я сделал решительный шаг — испробовал на себе свое открытие. Эксперимент удался.

Я видел сквозь собственную кожу желудок, печень, сердце, почки, легкие, мозг, сеть вен. Я походил на пособие, украшавшее когда-то наш кабинет биологии. С той лишь разницей, что я был живой. Живой с содранной кожей.

Увидев себя в зеркало, я не смог сдержать крика ужаса, который вызвал прилив крови к моему сердцу. Оцепенев, я наблюдал его последствия: артерии усиленно пульсировали, легкие раздувались и опадали, как кузнечные мехи. Бледно-желтый адреналин придал крови оранжевый оттенок. Лимфатическая жидкость неслась по венам, словно ее гнал паровой двигатель.

Так вот что такое стресс...

Особенно поразили меня собственные глаза. Мы привыкли видеть

только миндалевидный сегмент глаза на лице, а тут я различал обе жемчужные сферы орбит, продолженные мышцами и нервами. Это было поразительно.

Когда я пришел в себя, я заметил, как комки пищи раздувают мой кишечник. Я стал следить за их продвижениями, заранее предвидя тот момент, когда мне нужно будет пойти в туалет.

Когда я размышлял, кровь прилиwała к мозгу, проходя через сонную артерию. В зависимости от того, холодно мне было или жарко, кровь прилиwała к капиллярам кожи.

Я разделся, чтобы рассмотреть свое тело целиком.

Я был абсолютно, совершенно голым.

И вдруг мне пришло в голову: я же не знаю, как запустить обратный процесс. Сейчас я прозрачен, но как мне снова стать таким, каким я был? Я лихорадочно принялся извлекать гены непрозрачности у одного из моих подопытных животных. Я забыл о времени и работал до самого утра. Когда уборщица распахнула дверь в мою лабораторию, она потеряла сознание.

Нужно было одеться, пока не появились мои коллеги. Как им объяснить, что куча органов, трепещущих под похожей на пластик оболочкой, это я?

Первое, что пришло мне в голову: одеться с головы до ног, поднять воротник и нацепить очки, как это делал человек-невидимка у Герберта Уэллса.

Я поспешно оделся. Все было спрятано, кроме щек, но я покрыл их жидкой пудрой из косметички уборщицы.

Послышался шум. Шли люди.

Я бросился на улицу. На станции метро молодой хулиган стал угрожать мне ножом. Пассажиры равнодушно наблюдали, считая, видимо, что насилие — это мелкая повседневная неприятность.

Движимый инстинктом самосохранения, я распахнул пальто. В первую секунду хулиган, вероятно, решил, что имеет дело с эксгибиционистом, но то, что я выставил на его обозрение, было куда более интимно. Мой обидчик смог увидеть не только мое тело, но и вены, и большую часть моих превосходно работающих органов.

Он пошатнулся и упал. Пассажиры тут же бросились ему на помощь. В нашем мире все перевернулось с ног на голову. Люди спокойно относятся к насилию, совершаемому на их глазах, но каждый, не похожий на них, вызывает у них отвращение.

Я был в бешенстве. Мне захотелось разоблачиться перед этими людьми, беспокоившимися о насильнике больше, чем о жертве.

Их реакция была бурной.

Меня чуть не линчевали.

Я показал им их самих, я напомнил им, что мы существа не только духовные, что мы состоим из сокращающихся мышц, из сплетения кишок, работающих без перебоя, проталкивая неприятные жидкости к разноцветным органам. Я открыл им то, что мы есть на самом деле под нашей кожей; я был воплощением истины, которой никто не готов посмотреть в лицо.

Но когда радость победы улеглась, я понял: отныне я пария, худший, чем любой монстр.

Я брел по городу, спрашивая себя: кто сможет вынести мой вид? В конце концов ответ нашелся. Есть люди, все время ищущие именно такие, доходящие до чудовищности, отклонения от нормы и зарабатывающие этим себе на жизнь. Владельцы цирков.

Я бросился искать ближайший цирк. Судьбе было угодно, чтобы я попал в «Магнум». В афише я прочитал, что тут можно увидеть самых странных, возможно, даже самых отвратительных существ на Земле.

Директриса, знаменитая лилипутка, приняла меня в своем роскошном кабинете. Восседающая на горе подушек, наваленных на красное бархатное кресло, она окинула меня профессиональным взглядом:

— Итак, малыш, ты хочешь у меня работать. Какая у тебя специальность? Воздушная гимнастика, фокусы или дрессировка?

— Стриптиз.

Она удивленно замолчала и пристальнее посмотрела на меня.

— Ты ошибся адресом. Мы не устраиваем эротических шоу. Мой цирк считается одним из самых респектабельных в мире. Выход там.

Лучше один раз показать, чем сто раз объяснять, и я снял перчатку с правой руки, словно желая попрощаться рукопожатием. Не произнося ни слова, она спрыгнула с кресла, схватила меня за руку и поднесла ее поближе к свету неоновой лампы. Она долго разглядывала сеть красных прожилок, все более и более тонких к кончикам пальцев.

— Все остальное в том же духе, — сказал я.

— Все? Вы марсианин или как?

Я рассказал ей, что всего-навсего землянин, и даже уважаемый коллегами ученый, которому слишком удался его последний опыт. Директриса следила за приливами и отливами подчиняющейся сердечному ритму крови.

— Я встречала немало необычных людей, но такого никогда не видела.

Дайте-ка я покажу наш новый аттракцион остальным! — воскликнула она.

Она позвала артистов. Человек без рук и ног, гуттаперчевая женщина, самый толстый человек на планете, сиамские сестры-близнецы, шпагоглотатель и дрессировщик блох собрались в кабинете.

— Черт, а я не знал, что печень работает не только во время еды, — заметил человек без рук и ног.

— А эта железа, это надпочечник, что ли? — спросила лилипутка.

Самому толстому человеку на планете почки показались до смешного маленькими. Но зрелище заинтересовывало их все больше и больше.

Гуттаперчевая женщина, грациозная корейка, первая протянула палец, чтобы потрогать мою кожу и понять, какая она на ощупь. Она смотрела мне прямо в глаза, я отвел взгляд. Палец у нее был холодным. Ее смелый жест был встречен аплодисментами.

Она мне улыбнулась.

Я был взволнован. Я чувствовал, что нашел новую семью.

Они быстро помогли мне подготовить номер, в котором я, сняв несколько слоев одежды, избавлялся под конец и от фальшивой кожи из латекса.

Каждое представление производило фурор. Обнаженность — зрелище, представляющее интерес только для одного животного, постоянно прячущегося под разнообразными тканями — человека. Так как зрители видели это в цирке, они не пугались. Принимая меня за фокусника с новым трюком, они искали разгадку. Известные иллюзионисты приходили посмотреть на мой номер, пытаясь понять, какая игра зеркал в нем используется.

Я привык к моей новой коже.

Мне стало интересно изучать себя. Я нашел объяснение некоторым явлениям в своем организме, например, таинственным спазмам желудка, происходившим по ночам. На самом деле их вызывали надпочечники. Порой часами я наблюдал в зеркале сосуды моего мозга.

Однажды вечером, когда я, стоя перед зеркалом, осветил карманным фонариком свое тело, чтобы заглянуть в самые потаенные его уголки, мне вдруг подумалось: а ведь нет ничего тревожнее истины. Особенно когда речь идет о таком интимном деле, как ваше тело.

Действительно, мы знаем наш организм очень плохо, да и не хотим его знать. Мы относимся к нему как к механизму, и, если он ломается, его показывают врачу и лечат разноцветными таблетками со странными названиями.

Кто на самом деле интересуется своим телом? Кто хочет разглядывать

себя? Я направил луч света между своими легкими и подумал, что человечество стало бы честнее, если бы стремилось к прозрачности.

Юная кореянка — гуттаперчевая женщина — постучала в дверь моей уборной и спросила, можно ли ей получше рассмотреть меня. Она первая решилась на такой шаг.

Мои половые железы набухли, выдавая мое волнение. Девушка сделала вид, что не замечает этого, и, взяв фонарик, стала изучать мою шею там, где болело у нее самой.

Она сказала, что теперь все поняла. Гуттаперчевая азиатка продолжала светить на меня фонариком так, словно осматривала пещеру. Она посветила мне на спину. Я опустил глаза. Еще никогда никто не интересовался мной до такой степени. Я даже не знал, как я выгляжу со спины. Наверное, видно мое сердце. Может быть, печень. (Когда она уйдет, я посмотрю отражение во втором зеркале.)

Потом она подошла ко мне и поцеловала.

— Я вам не отвратителен? — спросил я с тревогой.

Она улыбнулась.

— Быть может, вы — первый... Однажды другие тоже изменятся.

— Вас это расстраивает?

— Нет. Изменения не могут расстраивать. Ложь и косность гораздо хуже.

Она стала целовать меня все более страстно, и вдруг нелепая мысль пришла мне на ум. А если у нас родятся дети, какие они будут? Как я, как она? Или наполовину как я и наполовину как она?

Чернота

Вот уже десять месяцев, как Солнце погасло, звезды больше не мерцали, и Земля, которую Камиль так хорошо знал, стала миром теней. Так тьма выиграла битву со светом.

Этим утром, как обычно, Камиль открыл глаза в беспросветную ночь и на ощупь убедился в том, что Брюсселианда лежит рядом с ним. Длинная и тонкая Брюсселианда, самый надежный и горячий союзник. Шпага, которую он себе выбрал, когда все рухнуло.

Это случилось ночью.

Люди уже давно боялись самого страшного.

Они чувствовали, что близится Третья мировая война.

И она разразилась в ночь на 6 июня 06 года.

Все произошло очень быстро.

Атомные бомбы посыпались на все крупные города.

Было неизвестно, кто начал первым. Утверждали, что компьютерные системы среагировали немедленно. Как только упала первая бомба, разразился атомный град мщения. Сотни ядерных ракет раскололи небо зловещим свистом. Одна из них, видимо, сбилась с траектории. Она ошиблась и, вместо того чтобы уничтожить человечество, полетела к центру Солнечной системы. Ничто не стояло на ее пути. Она миновала Венеру и Меркурий. Она врезалась в Солнце.

Взрыв был колоссальный.

Он этого не видел. Он спал.

Проснувшись, он понял: произошла катастрофа.

Свет погас.

Всякий свет погас.

С тех пор Земля погрузилась в мрак и холод.

Заря не занялась ни в то утро, ни в последующие. Мир погрузился в абсолютную тьму.

В то утро, как обычно, Камиль натянул брюки и куртку, затем коснулся гладкой и холодной поверхности бесполезного зеркала. Это не было сожалением, это был скорее обряд, дающий силу и твердость его руке, обнажающей Брюсселианду.

Не отрекаться. Помнить об оранжевых восходах над мерцающими огнями города. Не забывать об озаренных лучами Солнца лицах и красках

на стенах домов. Воскрешать в памяти царство света, когда в самые черные ночи тысячи ламп отовсюду гнали тьму.

В тот день, как обычно, Камиль, сжимая эфес шпаги, побрел от стены к стене на улицу.

Искать еду и выживать: вечная ночь превратила его в животное.

Он ощутил прикосновение ледяного воздуха и понял, что вышел из дома. Камиль не колебался. Он рассекал темноту решительным шагом. Уже одно это внушало уважение бандитам.

Раздался какой-то шум. Камиль остановился, угрожающе выставив Брюсселианду. Пусть враг только попробует подойти, его ждет отпор.

Темнота изменила город.

Неизвестно откуда взялись существа, приспособившиеся к потемкам так, как чудовища морских глубин приспособились к глубине и черноте океанических впадин.

Ноздри Камилля уловили запах мутанта, по звукам, которые он издавал, можно было догадаться, что животное большое и тяжелое. Тьма привлекала разнообразных монстров, и старый город кишел ими. Они питались нечистотами, их легко было узнать по невыносимому зловонию. Камиль особенно ненавидел почмокивающих. Он встал в четвертую позицию и стал ждать, затаив дыхание.

Монстр прошел почти в метре от него. Камиль не шелохнулся. Он мог ударить животное четыре или пять раз прежде, чем оно опомнится, но он не был уверен в том, что успех зависит от его ловкости. Мастодонт удалился, и лишь омерзительная вонь его дыхания печатью ужаса еще несколько секунд держалась в воздухе.

Камиль осторожно двинулся дальше. И опять его заставил остановиться чудовищный запах какого-то колосса. Монстр слегка задел его, не заметив, но на этот раз Камиль без колебаний ответил ударом.

Миновав еще две улицы, он пошел на север, туда, где раньше был проспект, застроенный богатыми домами, ныне превратившимися в руины. Камиль ненавидел этот разоренный район. Он ускорил шаг, и это едва не стоило ему жизни.

Словно стрела, маленький безмолвный монстр (слепая птица-мутант?) промчался мимо, до крови расцарапав ему щеку. Брюсселианда мгновенно рассекла воздух, но животное с визгом убежало.

Камиль провел рукой по ссадине и попробовал на вкус свою собственную кровь. Это лишь усилило его решимость. Он крепко прижал к себе сумку и пошел вперед, склонив голову, но подняв шпагу.

Брюсселианда откроет ему путь на север разгромленного города.

Вдруг кто-то, чьи шаги были не слышны в гвалте монстров-мутантов, схватил его за руку. Камиль мгновенно повернулся и взмахнул в воздухе Брюсселиандой, пытаясь достать бродягу.

— Ай! — завизжал тот. — Ай, вы что?!

Брюсселианда удвоила натиск.

— Ай! Да прекратите, черт возьми!

Тут появился второй негодяй. Он напал на Камиля сзади и, схватив его за пояс, с нечеловеческой силой приподнял над землей.

Это было слишком даже для Брюсселианды. Камиль чувствовал, как клинок шпаги дрожал в безумной ярости и ярость эта передавалась его руке. Кончиком лезвия она впиалась в ступню бродяги, прошила ему левый мениск и, едва тиски разжались, вовлекла Камиля в гибельный танец. Брюсселианда хлестала колосса по лицу и вонзалась в его тело, в живот и в пах. Первый негодяй с воплями уже удрал, второй еле-еле избежал смертельного удара и, задыхаясь, тоже бросился бежать.

В память о светлых временах Камиль бросил им вслед торжествующий крик и с горячий нежностью мысленно поблагодарил Брюсселианду. Они еще раз вместе победили.

Почему погасло Солнце? Почему мир вступил в эру Великой Черноты?

Вдруг откуда ни возьмись появились руки, схватили Камиля и понесли. Спустя несколько минут он очутился перед человеком, от которого странно пахло эфиром.

— Почему вы нападаете на людей, которые хотят помочь вам? — спросил его громкий голос.

— Я защищаюсь, только и всего, — заявил Камиль. — А ты кто такой, что осмеливаешься бросать мне вызов?

— Вас едва не сбила мусоровозка, не говоря о мотоциклах и машинах. А когда кто-нибудь хочет помочь вам перейти улицу, вы бросаетесь бить его вашей белой тростью.

— Какой белой тростью?

— Той, которую вам выдали органы общественного призрения.

— Брюсселианда — это дар богов. Я получил ее, когда спал.

— Признайте очевидное. Вы не можете так жить дальше. Третьей мировой войны не было. Нет разрушающегося мира, погруженного во тьму.

Пауза.

— Погас не свет... а ваша способность его воспринимать. Я — офтальмолог. Ваш оптический нерв однажды ночью претерпел то, что мы называем «фульгурантное перерождение». Вы...

Камиль надеялся, что он не произнесет это слово.

— ...слепы.

Каков хозяин, таков и лев

Все происходило в обстановке строжайшей секретности. Никто и не заметил изменений. «Ферма животных», лаборатория генетических исследований, уже несколько раз добивалась успехов, скрещивая породы и создавая новые виды домашних животных. В каталогах можно было найти «хомяка-попугая», повторявшего все, что он слышал, мурлыкающего «кролика-кота» и миниатюрную «лошадь-мышь», резвившуюся под мебелью.

Теперь «Ферма животных» готовила сенсацию: усовершенствование лучшего друга человека — собаки. Пока что любители этих животных отдавали предпочтение питбулям, ротвейлерам, то есть породам физически сильным, послушным, свирепым. Но, как показали опросы, потенциальные покупатели ожидали от своих собак следующего:

1. Ощущения, что у тебя есть друг.
2. Ощущения, что у тебя есть друг, которого боятся окружающие.
3. Ощущения, что у тебя есть друг, которого боятся окружающие, но который подчиняется своему хозяину.
4. Удовольствия от того, что все поражаются при виде твоей собаки.

«Ферма животных» долго изучала эти ответы, анализировала все факторы и пришла к выводу, что собаку необходимо скрещивать не с волком, а с самим царем зверей, со львом.

Ученые двигались осторожно, шаг за шагом, выводя собакольва. Гривой и длинным хвостом с кисточкой на конце животное походило на льва, но морда и лай у него были собачьи.

Собаколев тотчас же стал популярен. Расчет «Фермы животных» оказался точен: покупателей заинтересовала не собака, а именно лев. Это было престижнее, производило большее впечатление.

— А что, если вместо скрещивания мы просто будем импортировать львов? — предложил один из членов руководства на совещании по стратегическому развитию.

— Но мы занимаемся генетическим конструированием! — возразил президент, генеральный директор. — Если мы будем всего-навсего

импортировать львов, каков будет наш вклад?

Член руководства не растерялся:

— Мы внесем свои изменения. Нормальные львы не выдерживают нашего климата и не могут жить в квартире. Мы поработаем с ДНК, чтобы адаптировать их к городским европейским условиям.

Лучшие биологи «Фермы животных» засучили рукава и принялись за работу над львом-мутантом, не боящимся ни холода, ни стрессов, ни городских микробов.

И действительно, в скором времени городской лев стал любимцем публики. Львята были такими милыми. Они были веселее щенков, пушистее котят, они вправду казались подарком природы.

Первым человеком, который гордо прошелся по улицам со львом на поводке, был сам президент республики. Он сразу понял, что его черный лабрадор — это уже не солидно. Главе нации подобал царь зверей. Красновато-коричневый с золотистым отливом лев расположился в Елисейском дворце, одним своим присутствием увеличивая почтение, которое и так внушал всем его хозяин.

Львы вошли в моду. Ничто не производило такого впечатления на окружающих, как обладание львом. Конечно, купить и содержать льва было намного дороже, чем собаку или кошку, но с ним ты точно был «в струе». Парижане с удовольствием выходили на прогулки со своими маленькими или большими львами.

Конечно, не обошлось без происшествий. Неделикатные львы без колебаний указывали некоторым собакам их истинное место. Многие питбули, считавшие себя хозяевами округа, узнали, что такое изнанка моды. Некоторые львы к изумлению хозяев, неспособных умерить их королевские аппетиты, остановили свой выбор на котах. Большие животные любили покушать, и привычки, приобретенные в течение веков в глубинах Африки, не могли исчезнуть за одно поколение.

Когда лев укусил ребенка, несколько возгласов недовольства все-таки раздалось, но ассоциация владельцев львов уже успела стать мощным лобби, которое поддерживали торговцы мясом. Лев запросто съедал десять килограммов мяса в день, и благодаря новой моде доходы мясной торговли неуклонно росли. Итак, сформировалась «прольвиная» группировка. Любой проект закона об ограничении продажи или уменьшении количества львов, живущих в городских условиях, проваливался в Национальной Ассамблее самым жалким образом: ее мало заботило, что это не понравится избирателям. Поставленное перед свершившимся фактом правосудие действовало так медленно, что все нарушители либо

оставались безнаказанными, либо отделялись небольшим штрафом, а то и просто предупреждением. Даже когда погибал человек.

Конечно, друзья собак и кошек (то есть дети) сначала немного протестовали, но они скоро оказались в меньшинстве. И лобби производителей собачьей и кошачьей еды оказалось менее влиятельным, чем лобби мясоторговцев. В результате естественного отбора владельцы львов победили владельцев более слабых животных. В лагере противников львов воцарился страх.

Общество постепенно перестроилось согласно новой расстановке сил.

Пешеходы на улицах изменили свои привычки. Как только они замечали льва на поводке, они старались держаться от него на расстоянии. Они быстро переходили на другую сторону, даже не боясь машин, которые, по крайней мере, беспрекословно подчинялись своим водителям. Кое-кто и вовсе перестал ходить по тротуарам, предоставив его львам и их владельцам. Поводки были признаны уже необязательными, поскольку их неэффективность подтверждалась обеими сторонами. Попробуйте-ка помешать льву, галопом преследующему собаку или ребенка. Да и в любом случае львы, дикие представители семейства кошачьих, были решительными противниками поводков, намордников и хорошеньких зимних жилетов. Они любили гулять в великолепии своей наготы, им нравилось внушать уважение к себе рыком или быстрым и точным ударом лапы. И владельцы львов чаще всего отказывались от ненужных аксессуаров и давали своим любимцам возможность размять члены, помочиться и опорожнить кишечник там, где им хотелось. Один смельчак однажды имел наглость запротестовать: «Вы могли бы, по крайней мере, убрать испражнения вашего льва», — его могилу можно увидеть на кладбище Монпарнас. Говорят, что бальзамировщики превзошли самих себя, собирая его тело по кусочкам. Открылись салоны красоты и парикмахерские для львов. К счастью, у львов-самцов густые гривы, и парикмахеры с радостью занялись ими, заплетая косички и косы, делая стрижки под гребенку, завивая локоны.

Когда в книгах по уходу за младенцами появились советы не держать львов в домах, где есть маленькие дети, ассоциация владельцев львов возмутилась: «Это дискриминация!» Суды поторопились положить конец скандалу. Кстати, надо признать, что несчастных случаев среди детей, воспитывавшихся владельцами львов, было очень мало. Они происходили только тогда, когда животных забывали покормить или когда малыш упрямо хотел потрогать льва за нос. Ну, этого никто не любит. И это естественно: львы — животные семейства кошачьих, у них независимый и

переменчивый характер. В этом, между прочим, и заключается их очарование.

В дома с табличкой «ОСТОРОЖНО, ЗЛОЙ ЛЕВ» взломщики забирались гораздо реже, чем в дома с предупреждением «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА». Никто никогда не узнает, сколько неосторожных или начинающих воров превратились в фарш, но надо признать, что частной собственности теперь ничто не угрожало.

Любимым зрелищем зевак стали уличные стычки, больше похожие на цирковые номера. Под пронзительные крики владельцев: «Лежать, моя умница! Лежать!» (они только сильнее раззадоривали животных) — львы на поводках атаковали друг друга.

Как утверждали, бегать по утрам вместе со львом было гораздо приятнее, чем трусить рядом с собакой. Для согласившегося на поводок льва это было игрой. Животное тянуло за поводок изо всей силы, что позволяло владельцу бежать быстрее и дольше. При этом лев еще и защищал хозяина от других людей, вышедших погулять со своими львами. Ассоциация признавала, что в утренних пробежках был лишь один недостаток: несмотря на усталость или красный свет светофора, остановиться было невозможно.

Лобби друзей львов утверждало, что обладание этим животным повышало сознательность их владельцев. И это было правдой. Насколько легко владельцу собаки уехать со всей семьей в отпуск, привязав своего любимца к платану у национальной автострады, настолько же трудно было владельцу льва отделаться от своего хищника. Останки безответственных хозяев находили неподалеку от дерева, украшенного оборванной цепью.

Понимая, что избавиться от надоевшего любимца не так-то просто, некоторые переезжали, оставляя в распоряжение льва свою прежнюю квартиру.

Брошенные хищники бродили по темным кварталам города. Они объединялись в стаи и охотились на припозднившихся прохожих. Для туристов был введен комендантский час, после которого не рекомендовалось посещать тихие, плохо освещенные переулки или улицы, где было много мясных лавок.

Проблема моды в том, что она выходит из моды.

После львов интерес публики обратился к более мелким животным. «Ферма животных», всегда нацеленная на удовлетворение переменчивой клиентуры, почуяла, если можно так выразиться, перемену ветра. Рекламная служба фирмы подписала контракт со знаменитой актрисой Наташей Андерсен, которая отныне показывалась на публике только с

десятком обвивавших ее шею скорпионов. Простые пластиковые капюшончики позволяли ей не бояться укусов их смертельных жал.

Начинание имело успех. Скорпионы были действительно идеальными домашними животными. Маленькие, ласковые, незаметные, недорогие и, что важно, бесшумные, они обладали большими преимуществами по сравнению со львами. Кормить их было несравненно дешевле. Две мухи, паук — и они сыты на неделю. Дети с интересом наблюдали, как они живут семьями, нося на спине маленьких скорпионышей. А главное, благодаря своему новому сильнодействующему яду, запатентованному «Фермой животных», это были единственные существа, способные быстро избавить вас от... льва.

Слишком совершенный для меня мир

— Эй, пора вставать.

Люк что-то пробормотал, перекатился на живот и зарылся с головой в подушки. Лучи солнца пробивались сквозь жалюзи, тусклыми полосами освещая комнату.

— Эй, ты слышишь? Пора вставать! — настаивал будильник уже не таким дружелюбным голосом.

— Ох! Хорошо, — пробурчал Люк.

Он недовольно сел на край кровати. Свет постепенно становился ярче. Он потер опухшие со сна глаза, встал и одну за другой надел тапочки.

— Давай, вперед! — хором промурлыкали шлепанцы.

Люк, приглаживая волосы, дал довести себя до кухни.

— Доброе утро! — бодро сказала дверь, широко открываясь перед ним.

— Доброе утро, счастливы видеть тебя! — подхватила в один голос кухонная утварь на полках.

Подумать только, раньше ему нравилась такая предупредительность...

— Большая чашка кофе с отлично взбитыми сливками, с тостами и мармеладом придаст тебе сил! — сказал стул, услужливо подвигаясь.

Люка все больше раздражали эти разговорчивые предметы. Мода на них начинала ему надоедать. Конечно, его квартира содержалась в образцовом порядке, батарея пылесосов, метелочек для пыли и прочих автоматических веников яростно доводила до блеска все от пола до потолка. Конечно, стиральная машина в союзе с корзиной для грязного белья в назначенный час изрыгала килограммы чистой, ароматизированной одежды, которую паровой утюг накрахмаливал десять раз подряд, насвистывая Девятую симфонию Бетховена.

Микрофоны и голосовые синтезаторы были установлены абсолютно повсюду. Очеловеченные предметы быта должны были делать жизнь приятнее, потому что, как было замечено, люди все чаще живут в одиночестве. Но это уже слишком! Самые ничтожные вещи норовили проявить инициативу. Рубашки сами застегивались. Галстуки сами, словно змеи, охватывали вашу шею. Телевидение и музыкальный центр ссорились, решая, кто из них будет развлекать хозяина.

Иногда Люк даже жалел о старых добрых молчаливых вещах. О приборах с кнопкой «вкл/выкл». Теперь их можно было найти только у

антикваров: пружинные будильники, звонившие маленьким металлическим колокольчиком, скрипучие двери, неподвижные и безопасные домашние тапочки. Короче говоря, предметы, не делавшие вид, что они живые.

Люка вернул к действительности шорох колесиков сковородки. Движением ручки на шарнирах она схватила яйцо, разбила его и бросила в масло. Затем горячий кофе налил в чашку.

— А вот и чудесный кофе по-колумбийски! — объявила дымящаяся чашка и затянула мелодию на чилийской флейте.

— Кому глазунью? — спросила тарелка.

— Люку! — ответили вилка и нож, занимая места рядом с ней.

Салфетка обвилась вокруг его шеи. Люк поморщился: если так и дальше будет продолжаться, в один прекрасный день эта чертова салфетка его задушит. От злости он насажал на нее пятен. Салфетка не очень обиделась. Стиральная машина из угла посмотрела на измазанный желтком квадратик материи с вождением.

— Вкусно? — спросила гордая собой кофеварка.

Ответа не было. Почувствовав, что у Люка нет никакого желания получить еще одну чашку, она запыхтела клубами пара.

— Вам не понравился завтрак? — спросила соковыжималка тоном встревоженного дворецкого.

Люк вскочил, лицо его побагровело. Было смешно и глупо сердиться на кухонную утварь, но он больше не мог терпеть. Сегодня вещи довели его до истерики.

— Не-лезь-те-ко-мне!

Повисла тяжелая пауза.

— Хорошо, ребята, оставим его в покое. Люк не любит, когда ему мешают во время еды, — сказал тостер, намазывая кусок хлеба толстым слоем соленого масла и мармелада.

Но тут завопило радио:

— А теперь утренние новости, и прежде всего — сводка погоды!

— Заткнись! — крикнул Люк, испепелив взглядом радиоприемник, тот сейчас же смолк.

Эстафету перехватил телевизор:

— Здравствуйте всем. Вы, наверное, вовсю завтракаете, и я вам желаю действительно... — затараторил ведущий с сияющей улыбкой.

Люк выдернул шнур из розетки. К счастью, радио и телевизор не были сверхсовременными, и их можно еще было выключить руками. Вещи нового поколения были снабжены вечными батарейками, запаянными в металл, и вынуть их было совершенно невозможно.

Люк громко жевал, наслаждаясь тишиной, наступившей стараниями тостера.

— Спасибо, тостер, — сказал он, уходя в комнату.

— Не за что, Люк. Я знаю, что такое трудное утро.

Люк не обратил ни малейшего внимания на эти слова. Фразы, произносимые вещами, были заложены в базы данных запоминающих устройств. Компьютерная система позволяла вещам поддерживать разговор, имитируя диалоги людей. Сначала их реплики были совсем простыми, например: «Да, нет, спасибо, пожалуйста», но программа постепенно усложнялась. Теперь предметы умели говорить: «Завтра будет новый день», «Не огорчайся, все уладится», «Успокойся, не стоит нервничать из-за таких мелочей», «Погода вроде бы улучшается» и другие, подобные этим, нейтральные фразы, способные поддержать расстроенного человека. «Все более общительные, все более человеческие» — таков был девиз изготовителей разговаривающих устройств.

— Мне надоели эти говорящие вещи, — пробормотал Люк сквозь зубы.

— Звонят! — сказал видеофон одновременно с ним. И так как не получил ответа от Люка, то заорал во всю мощь: — Кто-то пришел! Звонят!

— Я понял, — проговорил Люк.

— Ты ответишь или мне записать? — спросил видеофон.

— Кто это?

— Женщина, молодая.

— Какая она?

— Хорошенькая, немного похожа на твою бывшую, — заметил видеофон.

— Не самая лучшая характеристика. Тоже, наверное, истеричка. Ладно, давай.

На экране появилось приветливое лицо.

— Господин Люк Верлен?

— Это я. Что вам нужно?

— Меня зовут Иоанна Артон, я провожу опрос.

— Что за опрос?

— Мы собираем материал для усовершенствования словарного запаса эротического робота-женщины.

Камера видеофона медленно обвела грудь женщины, весьма аппетитную.

Люк смутился от такой инициативы, но про себя признался, что его интересовала именно эта часть.

— Я внизу, перед вашим подъездом. Можно мне подняться?

Люк почесал подбородок. Он жалел, что не брит, но вчера он вдребезги разбил свою электробритву, пожелавшую побрить его прямо за завтраком. Надо будет купить новую.

— Хорошо, заходите!

Белокурая девушка оказалась грабительницей. Едва дверь открылась, пистолет в ее руке нацелился на опрометчивого хозяина.

Не прошло и трех минут, как Люк Верлен оказался привязанным к стулу, а гостя принялась опустошать квартиру.

— Ну, что, господин Верлен, сейчас ты уже не так выпендриваешься, да? Как тебе без бронированной двери и камеры видеофона? — вкрадчиво спросила Иоанна Артон, грудь которой в действительности была еще соблазнительнее, чем на экране.

Она схватила тостер и бросила в сумку, затем взяла кофеварку.

— На помощь! — закричала та в панике.

— Черт, да ведь это та самая новая кофеварка, которая делает отличный кофе по-колумбийски, — заметила Иоанна.

— Да, — нехотя подтвердил Верлен.

— Ай! — вскрикнула Иоанна.

Дверь, ведущая в коридор, прищемила ей пальцы.

Бешеным ударом ноги она сбила ее с петель.

— Перестаньте, это всего лишь вещи, — сказал Люк.

— Бесчувственные вещи, так у вас есть душа? — вздохнула она, берясь за видеомagneтофон.

— Сейчас придет полиция, — предупредил ее Люк.

— Вряд ли. Они пришли бы, если бы видеофон их вызвал. Я оборвала провода.

И действительно, бедный видеофон все набирал и набирал номера полиции и пожарных, не замечая того, что отключен.

— Мне очень жаль, Люк, — прошептал он, так ничего и не добившись.

— Не переживай, Люк, мы найдем способ тебе помочь, — тихо сказал стул, к которому Люк был крепко привязан.

И стал потихоньку дрожать, отчего путы ослабли.

Перочинный нож уже был возле скрученных рук Люка.

— Тихо, это я. Делай вид, что ничего не происходит.

И нож бесшумно перерезал узлы.

Иоанна подошла к Люку. Она склонилась над ним с издевательской улыбкой. Он уловил запах ее духов и пота. Что она собирается делать? А

она прижалась к нему и поцеловала долгим, страстным, нежным поцелуем.

— Спасибо за все, — выдохнула она, уходя.

Он заерзал на стуле. Тут нож наконец-то справился с веревкой. Люк рванулся вперед и упал, потеряв сознание.

Очнувшись, он ощупал болезненную шишку на макушке и окинул взглядом разгромленную квартиру. Двери сорваны с петель, нет ни тостера, ни кофеварки, ни будильника. Тишина. Он был один. Что же, радоваться теперь, что грабительница избавила его от несносных болтливых предметов, или сожалеть о них, пытавшихся ему помочь?

Нужно пройтись. Он не мог выносить этой пустоты и тишины. Он с трудом встал и взял куртку. Спустился в кафе. Место было спокойное и уютное.

— Вид у тебя не очень, старина, — заметил хозяин бара, толстый усатый человек, налитый пивом по самые глаза.

— Да. Я очень хотел, чтобы кое-что произошло. Это произошло, и теперь я сожалею.

— А ты чего хотел, парень?

— Не зависеть от говорящих вещей.

Стул, на котором сидел Люк, задрожал от смеха, к нему тотчас же присоединились другие предметы и клиенты бара.

— У тебя больше нет говорящих устройств?

— У меня все украли.

— Тогда ты остался совсем один. Я понимаю, как тебе грустно. Дай-ка я тебя угощу порцией, — сказал автомат, продающий орешки, опустил в себя монету в один евро и щедро протянул ему чашечку арахиса.

— Вот говорят, что ни одна вещь не может сделать вас совершенно счастливым, — пробормотала сахарница с дозатором. — Но я с этим не согласна.

— Я тоже, — подтвердила пепельница.

Грустный Люк Верлен ничего не сказал. Он пренебрег арахисом, подошел к большим часам и обратился к ним:

— Бесчувственные вещи, так есть у вас душа?

К его большому удивлению, часы словно проснулись. Они щелкнули и ответили слащавым женским голосом:

— Нет, не думаю. Мы просто вещи, сударь. Безделушки, придуманные бесталанными инженерами. Только электроника. Никакой внутренней жизни. Никакой.

— Йес, — подтвердил музыкальный автомат, — мы — всего лишь запрограммированные машины, только машины.

И он включил старый новоорлеанский джаз, такой грустный, что на глазах у сломанных часов и у большинства бутылок виски на полках выступили слезы. Казалось, что у всех вещей в баре приступ меланхолии. Да не может быть, одернул себя Люк. У них же нет души.

Люк вышел из кафе и увидел блондинку, ту самую, что только что его ограбила. Ну и наглость! Обокрала его да еще осмеливается торчать на месте преступления. Он вскипел, но тут же остыл. Губы его еще помнили о поцелуе. Ему захотелось поговорить с ней, он догнал ее и схватил за плечо. Она вздрогнула, но, узнав Люка, казалось, успокоилась.

— Посреди улицы вы револьвером махать не станете? — бросил ей Люк.

— Я-то нет, но у него своя голова на плечах.

Но револьвер не двигался, а спокойно дремал в ее кармане.

Люк не знал, что делать. Отвести ее в ближайший комиссариат полиции?

— Знаете, я не сержусь на вас за свои вещи. Я вам почти благодарен, — сказал Люк. — Ваш поцелуй...

— Что?! Поцелуй? — молодая женщина была раздражена.

Люк колебался. Он никогда не приставал к женщинам на улице, но тут, надо признать, были особые обстоятельства.

Она расхохоталась и, навалившись ему на плечи, с силой прижала к стене. Так ли уж хороша была мысль догнать ее, спрашивал себя Люк. Вдруг женщина схватила его за ворот рубашки, резким движением рванула материю и обнажила его грудь. Он был так изумлен, что не решался ни пошевелиться, ни заговорить. Он только смотрел на руку, погружавшуюся в его плоть.

Кожа Люка разошлась. Он подумал, что сейчас умрет, но из раны не вытекло ни капли крови. Женщина открыла едва прикрытую рыжими волосками дверцу под кожей и достала искусственное сердце.

— Вы думаете, что вы способны любить вот этим? — вскричала она, вложив искусственное сердце ему в ладони. — Какая неосмотрительность! Я вижу перед собой машину, которая смеет судить другие машины! Бесчувственные вещи, так есть у вас душа? Вопрос должен звучать иначе: одушевленные люди, так у вас есть душа?

Она смотрела на красное трепещущее сердце, щекотавшее ладони Люка. Он тоже взглянул на него.

— Не стоит задирать нос и считать себя не таким, как все. Эта модель сердца — самая распространенная. Сердце гидравлической часовой фурнитуры.

Она взяла сердце, вставила в его грудь и с сухим щелчком захлопнула дверцу. Потом, взглянув на изумленного Люка, ласково взъерошила ему волосы.

— У меня тоже такое спрятано там, под грудью. Уже невесть сколько времени на Земле нет живых организмов, — объяснила она ему. — Мы все — машины, мы считаем себя живыми, потому что у нашего мозга такая программа. Единственная разница между автоматом для орешков и вами — это то, что вы полны иллюзий. Проснитесь.

Бархатный тоталитаризм

КАНАЛ НОМЕР ПЯТЬ. ПЕРЕДАЧА О СОЦИОЛОГИИ. «Век, произведение». Дорогие телезрители, сегодня наша программа, посвященная социологическим прогнозам, обратится к книге Оруэлла «1984 год». В ней английский писатель представил нам тоталитарное общество, в котором каждый вынужден придерживаться одного и того же образа мыслей — модель, которая, возможно, ожидает нас в будущем. Но сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что Оруэлл заблуждался. Наши граждане, граждане самой демократической страны, никогда не позволят официальной пропаганде сделать их своими жертвами; у нас нет и быть не может лагерей перевоспитания непокорной интеллигенции; на наших улицах никогда не будут установлены камеры наблюдения, а нацию оскорбили бы картотеки, содержащие подробные сведения о каждом. Да, Оруэлл ошибся.

КАНАЛ НОМЕР ДВА. ПРОГРАММА О ЛИТЕРАТУРЕ. Тема сегодняшней передачи — «Великие идеи, которые изменяют нашу эпоху». У нас в гостях академик Жан-Пьер Бонасье. Жан-Пьер, оказывается, вы — писатель, которого наша программа приглашает к себе чаще других. Я с удивлением обнаружил это, просматривая архивы нашей программы, выходящей в эфир вот уже пятьдесят лет. Вам принадлежит своего рода пальма первенства. В вашей последней книге, названной просто — «Мои дорогие», вы, вспоминая свои юношеские увлечения, довольно подробно рассказываете обо всех девушках и женщинах, которых знали и любили. Вы, Жан-Пьер, оказывается, отъявленный повеса. Читая вашу книгу, убеждаешься, что ни один любовный подвиг, ни одна акробатическая, достойная Камасутры поза вас никогда не пугала. Объясните же нам, как можно быть писателем, сыном писателя, внуком писателя, автором редакционных статей в ежедневной «Прессе», членом жюри премии «Первый роман», председателем редакционной комиссии издательства «Талейран» и... Казановой?

КАНАЛ НОМЕР ЧЕТЫРЕ. ТОК-ШОУ. Привет, приятель. Ты на канале, не признающем идолов, не боящемся идти против моды и языковых штампов. Мы все здесь молоды и полны решимости смеяться над всякой рухлядью. Сегодня мы расскажем тебе о настоящем шедевре. Ближе, ближе, Альбер, мальчик мой, дай обложку крупнее. Я хочу, конечно же, поговорить о «Моих дорогих», о последнем прорыве Жана-Пьера Бонасье.

Друзья, это бомба! На каждой странице — оргазм. Зануды, конечно, скрипят зубами. Тем лучше. Давай, Жан-Пьер. Мы с тобой. Как это ни печально, но едва какой-нибудь раскованный ум начинает свободно говорить о сексе, ретрограды немедленно призывают восстановить цензуру. Но мы, на канале номер четыре, говорим: браво, давай, Жан-Пьер. Кстати, мне особенно понравилась глава про клуб по обмену половыми партнерами. Этот парень за вечер натянул десяток топ-моделей, это классно. Отдыхаешь от покрытой паутиной литературы. Это fun! Канал номер четыре говорит тебе: телезритель, если ты хочешь быть в струе, немедленно прочти эту книгу — прорыв по всей линии фронта, удар по занудам. «Мои дорогие», издательство «Талейран», просто супер!

КАНАЛ НОМЕР ОДИН. НОВОСТИ. И в заключение в рубрике «Досуг» упомянем новую великолепную книгу академика Жана-Пьера Бонасье «Мои дорогие», в которой автор со свойственным ему блеском дает нам возможность пережить его былые, весьма бурные амурные приключения. Мы узнаем, как он посещал клубы по обмену половыми партнерами, список которых он приводит со свойственным ему юмором и блеском. Нам откровенно сообщают, что, оказывается, этот блестящий писатель обожает курить сигару, пока барышня доставляет ему маленькое удовольствие. Вещи в книге названы своими именами, но я не хотел бы заставить наших зрителей краснеть. Я имел возможность видеть, как эти шаловливые вольности щекотали нервы нашей редакции. В свои девяносто восемь лет Жан-Пьер Бонасье остается лидером продаж. Едва выйдя из печати, его книга тут же разошлась во всех книжных магазинах. После сегодняшнего вечернего фильма мы подробно поговорим об этом авторе, посвятившем жизнь сигарам, женщинам, коллекционным машинам и, конечно, французской литературе, одним из украшений которой он является. «Мои дорогие», издательство «Талейран», 110 франков.

КАНАЛ НОМЕР ТРИ. ХРОНИКА. Событие дня — самоубийство студента-биолога, Бертрана Аджемьяна. Он был автором книги «Сговор дураков в белых халатах», научно-фантастического романа о клонировании человека, печатать который отказались все издательства Парижа. В посмертном письме, адресованном своей матери, Бертран Аджемьян заявляет, что устал от этого мира, неблагодарного и невежественного. И теперь уже она, пытаясь спасти от забвения произведение своего сына, решила обратиться к издателям. Возможно, что трагическая гибель автора поможет его роману увидеть свет.

КАНАЛ НОМЕР СЕМЬ. НОВОСТИ. Президент республики берет недельный отпуск. В этом году вместе с семьей он отправляется в Страну

басков. Воспользуемся представившейся нам возможностью и зададим ему несколько вопросов.

— Господин президент, наконец-то заслуженный отдых после трудного года. Не скажете ли вы нам, какие книги вы берете с собой?

— Мне необходимо отдохнуть, и потому первый раз в жизни я взял в отпуск не папки с документами, а настоящий роман. Я выбрал последнее, вызвавшее столько споров, произведение Жана-Пьера Бонасье «Мои дорогие».

— Вы можете сказать нам — почему?

— Я слежу за карьерой Бонасье с самого ее начала, когда он был еще мало кому известен. Мы с ним дружны, он часто ужинает в Елисейском дворце. Я всегда ценил его правдивость, остроумие, я люблю его стиль. Я каждый день читаю его колонку в «Прессе» и нахожу его статьи очень живыми.

— Вас не шокируют некоторые страницы?

— Нельзя вырывать эти выражения из контекста. Это разговорный язык, и всеми признанный писатель решился использовать его, заговорив на языке своих читателей. Я, например, никогда не присоединюсь к лицемерам, чернящим произведение Бонасье. Напротив, я поддерживаю его от всего сердца и, что бы ни случилось, останусь его верным поклонником. Повторю слова, которые столь дороги для него: «и во мне есть бунтарский дух».

— Ни в коем случае не желая портить вам столь редкие и драгоценные минуты отдыха, все же хотим спросить вас, господин президент: что вы думаете об этих угрозах забастовки, которые...

— Ну, а теперь я вас прерву. Обращайтесь к премьер-министру...

КАНАЛ НОМЕР ВОСЕМЬ. ЖУРНАЛ НОВОСТЕЙ. Бурная реакция публики на книгу Жана-Пьера Бонасье. Группа разгневанных феминисток захватила книжный магазин, чтобы выступить против «самопрославления законченного фаллократа». Они возмущены и самой книгой «Мои дорогие», и языком этого произведения, по их мнению, вульгарным и непристойным. И действительно, автор подробно описывает сцену фелляции, сопровождаемую курением сигары и дегустацией виски. В любом случае шум вокруг книги знаменитого академика идет на пользу «Моим дорогим», поскольку за две недели она побила рекорд — миллион проданных экземпляров.

Но выслушаем же виновника события. Слово самому Жану-Пьеру Бонасье.

— В период застоя и спада люди хотят, чтобы им говорили о любви.

Они устали от смертей, войн, покушений и несчастных случаев, о которых беспрестанно твердят газеты и телевидение. Коровье бешенство и СПИД — спасибо, хватит. И я своими личными воспоминаниями хочу поднять настроение моих читателей. Да наплевать на то, что несколько вольных сцен выводят из себя ханжей. Я не обращаю на это внимания. Я — бунтарь! Имеющий уши да слышит! И я хочу дать совет своим соотечественникам: делайте, как я, пускайтесь в отчаянные эксперименты, вы увидите, это прекрасно.

КАНАЛ НОМЕР ДЕВЯТЬ. НОВОСТИ. Вся страна парализована забастовками, миллионы взбешенных пассажиров скопились на вокзалах и в аэропортах, автомобилисты, близкие к истерике, бросают свои машины без горючего прямо на дороге, молодые призывники работают вместо мусорщиков, требующих поднять зарплату, и мы включаем одного из наших корреспондентов, находящегося на месте событий. Филипп Леру, вам слово.

— Да, Франсуа, я нахожусь на вокзале Монпарнас, где Анжелика, восемнадцатилетняя студентка, отчаялась купить билет и уехать на выходные домой. Как вы коротаете время, мадемуазель?

— Я читаю. Купила последний экземпляр «Моих дорогих» в киоске, как раз перед тем, как он закрылся. Сначала книга вызвала у меня некоторое отвращение, но теперь я думаю, что это великий роман. Я считала классических писателей занудами, а тут, напротив, я открыла для себя любовного авантюриста. Сцена, в которой автор на двух страницах описывает грудь девушки, а потом оказывается, что это бразилец-трансвестит, просто потрясает.

Сто лет спустя.

КАНАЛ НОМЕР ДВА. ПЕРЕДАЧА О ЛИТЕРАТУРЕ. «Век, произведение». Сегодня наша программа празднует сто пятьдесят лет со дня своего первого выхода в эфир, и мы решили посвятить этот выпуск великолепному произведению «Сговор дураков в белых халатах» Бертрана Аджемьяна. Для беседы мы пригласили в студию самого талантливого биографа того поколения и, в частности, знатока жизни и творчества Бертрана Аджемьяна, Александра де Бонасье. Александр, к сожалению, в нашем распоряжении нет ни видеоматериалов, ни интервью с Берtrandом Аджемьяном, но вы имели счастье лично встречаться с его прапраправнучатой племянницей.

— Да, и она мне рассказала все о своем знаменитом родственнике. Бертран Аджемьян был провидцем. Он понял, что клонирование людей

потрясет наше время. Он пытался предупредить людей об этом, но все издательства без исключения отказались печатать никому не известного автора. Бертран впал в такое отчаяние, что покончил с собой. После его смерти его матери удалось напечатать книгу за свой счет, но в то время произведение так и осталось незамеченным.

— Невероятно слышать это теперь, когда мы знаем, что эта книга включена в школьную программу и дети учат главы из нее наизусть.

— А тогда ни один литературный критик не посвятил ей ни строчки, даже для того, чтобы сказать о ней что-нибудь неодобрительное.

— Как вы это объясняете?

— Для них это был всего лишь научно-фантастический роман, жанр, воспринимаемый интеллигенцией как низкий, литература для чтения в поездах. Это инерция «незрелого мышления». И тем не менее Аджемьян был великим писателем. Его стиль прозрачен, без изысков, без надуманных метафор. Для выражения своих идей, Аджемьян использует простой, ясный язык. В еще большей степени, чем писателем, Аджемьян был провидцем. Он понял свое время и проблемы, которые внесла генетика в нашу повседневную жизнь.

— Например?

— Он упоминает в «Сговоре» родителей, которые создавали клонов своих детей, чтобы при необходимости всегда иметь под рукой абсолютно совместимые донорские органы. Клоны должны были использоваться для медицинских экспериментов вместо морских свинок или шимпанзе. Он описал и лицемерных политиков, уверявших, что в случае войн клоны станут неисчерпаемым резервом для армии. Никто не прочел «Сговор дураков в белых халатах». Продолжение опытов на человеческих клонах было разрешено, и никто не высказался против.

— Внимание общественности было каким-то образом переключено?

— Как на сеансе фокусника. Слева происходит отвлекающий маневр, а справа незаметно производится подмена. Подумать только, достаточно было статьи в большом еженедельнике или выступления по телевизору — и книга бы стала продаваться, словно горячие пирожки! Ведь это была бомба. Малейшая искра заставила бы ее взорваться. К несчастью, только пятьдесят лет спустя, когда проблема клонов приняла известный всем нам размах, один журналист случайно наткнулся у букиниста на чудом сохранившийся экземпляр книги. Он пришел в восторг, написал, наконец, статью, и через неделю «Сговор» начал свое триумфальное шествие по всей планете.

— Скажите, а что стало с матерью Бертрана Аджемьяна?

— Самоубийство сына раздавило ее. С огромным трудом издал его

книгу, она была совершенно подавлена отсутствием откликов. Она постепенно теряла рассудок и умерла четыре года спустя в психиатрической лечебнице, куда ее вынуждены были поместить. Она не увидела успеха сына.

— Дорогой Александр де Бонасье, вы проделали огромную работу, собрав воедино разрозненные фрагменты короткой жизни Бертрана Аджемьяна.

— Для каждой биографии я тщательно изучаю жизнь моего героя. А Бертран Аджемьян, когда узнаешь его поближе, настоящий герой романа. Это был тонко чувствующий, обаятельный юноша, несколько замкнутый оттого, что носил в себе внутренний мир небывалой глубины. В этом я и попытался убедить читателя. Аджемьян, кстати, не первый автор, открытый после его смерти. Стендаль при жизни продал лишь двести экземпляров «Красного и черного» и удостоился одного-единственного критического отклика, который дал, конечно же, Бальзак! Как говорится в пословице, когда мудрец показывает на луну, дурак смотрит на его палец.

— Спасибо. Итак, мы настоятельно рекомендуем вам приобрести книгу Александра де Бонасье, рассказывающую все, абсолютно все о жизни Бертрана Аджемьяна, писателя неблагоприятной эпохи. Я знаю, что тираж вашей книги огромен, примите наши поздравления. Ваш предок гордился бы вами.

— Для меня главное — воскресить память о незаслуженно забытом писателе. Если люди прочтут его книгу и поймут его пророчества, я буду вознагражден.

— Чтобы узнать больше о жизни и творчестве Бертрана Аджемьяна, покупайте в книжных магазинах великолепную биографию, написанную Александром де Бонасье: «Аджемьян, провидец эпохи дураков», издательство «Талейран», 110 евро.

Молчаливый друг

Облака редуют, я размышляю.
В самой глубине моей памяти ты оставалась всегда.
Я так тебя любил...

Три подруги стояли перед зданием, держа в руках кожаные черные футляры для скрипок.

Брюнетка, блондинка, рыжая.

На них были, как того требовали обстоятельства, бархатные туфли на высоких каблуках и черные сатиновые юбки с разрезом на боку.

Шарлотта, рыжая, сказала, нервно сжимая футляр:

— Я безумно волнуюсь.

Анаис, брюнетка, вздрогнула и произнесла:

— И я. А вдруг не получится?

Мари-Наташа, блондинка, старалась выглядеть увереннее их, хотя ее ладони были так мокры, что оставляли отпечатки на ручке футляра.

— В любом случае отступать поздно. Надо идти.

— Если я что-нибудь забуду, подскажите?

— У тебя отлично получалось на репетициях. Ни разу ничего не перепутала. Не было ни одной фальшивой ноты. С чего же тебе забыть?

Они посмотрели друг на друга, стараясь придать себе храбрости улыбками.

— Не люблю я экзамены, — пробурчала Анаис.

— Особенно такие. Если сейчас провалимся, пересдача будет нескоро! — насмешливо подлила масла в огонь Шарлотта.

— Если мы не рискнем, мы никогда не узнаем, на что способны, — заключила Мари-Наташа.

Чтобы взбодриться, Анаис замурлыкала вальс Штрауса «Голубой Дунай».

Они решительно вошли в ювелирный магазин «Ван Дейк & Кэмпелс».

Спустя несколько минут окрестности огласились воплями: «Держите их! Держите их!» и воем сигнализации.

Я знаю, что однажды исчезну, и со мной угаснут все мои воспоминания.

Иногда я чувствую себя таким усталым.

Они сняли черные полумаски.

— Девчонки, мы это сделали! Черт побери! Мы это сделали, у нас все получилось!

Они хором расхохотались, победно крича и подбрасывая в воздух маски. Их напряжение, наконец, спало.

Они били друг друга по рукам, как делают баскетболистки после попадания мяча в корзину. Они обнимались от радости.

Они были в лесу, далеко от поднятой ими суматохи. Их старый «Ренджровер 4х4» легко оторвался от преследователей, у которых не было вездеходов.

— Так, посмотрим, какая у нас добыча, — сказала Шарлотта.

Все три склонились над замшевой сумкой в руках у Анаис. Та открыла ее и показала девушкам россыпь бриллиантов.

— Как красиво!

Подруги долго разглядывали драгоценности.

— Я так боялась!

— Помнишь, мужик включил сигнализацию и ты еле успела передать нам последний камень?

Все произошло едва лишь час тому назад, а они уже вспоминали перипетии налета, словно ветераны — участники большого сражения.

— Ну, пора делить, — распорядилась Анаис.

Они открыли свои футляры для скрипок и достали оттуда ювелирные лупы, щипчики для бровей и замшевые мешочки.

Рука опустилась в сумку.

— Двенадцать каратов для Шарлотты, двенадцать каратов для Мари-Наташи, двенадцать каратов для меня.

Анаис аккуратно распределяла камни. Каждая девушка, получив свою драгоценность, осматривала ее, восхищалась ею, а потом осторожно укладывала к себе в замшевый мешочек.

После двенадцати появились шестнадцать, затем восемнадцать каратов. Камни были редкие, необыкновенной чистоты.

— Ни один мужчина не подарит мне такого украшения.

— Теперь нам не о чем беспокоиться до конца жизни.

— Я свои продавать не буду. Вставлю в оправу и сделаю самое красивое в мире ожерелье.

— А я половину вставлю в оправу, а насчет остального подумаю.

Анаис продолжала дележ.

— Один Шарлотте, один Мари-Наташе, один мне.

— Подожди-ка минутку, — прошептала Мари-Наташа, — ты не два

взяла?

Пауза. Дуэль взглядов. Каждая девушка пристально смотрела на двух остальных.

— Что?

— Мне показалось, что ты взяла себе два камня вместо одного. Пересчитай.

Анаис проверила свой мешочек, пересчитала бриллианты.

— Ой, правда!.. Как неприятно! Мне очень неудобно.

Напряжение несколько ослабло.

— Но ты, надеюсь, не думаешь, что я это сделала нарочно?

— Нет, конечно. Ошибиться может каждый.

По мере того как вечерело, тише становилось стрекотание сверчков вокруг. Птицы с червячками в клюве возвращались кормить птенцов, по небу плыли все более плотные прозрачные облака.

Когда я в первый раз встретил Анаис, ей было лет семь. Это была маленькая девочка с большими зелеными глазами и розовыми губами.

На ней было желтое поплиновое платье и большая легкая летняя шляпа с шелковой лентой.

Она остановилась передо мной и посмотрела на меня. Вид у нее был очаровательный.

Она сказала мне: «Ты не такой, как все. Надо нам поговорить».

Так оно и есть. Я — не такой, как все.

Заухала сова. Темнело, девушки заканчивали дележ добычи уже при свете фар «Ренджровера».

— Ну, вот. Теперь можно ехать домой и немного отдохнуть.

Шарлотта не разделяла энтузиазма своих товарок.

— Остается одна проблема. Эти камни описаны, следовательно, их легко идентифицировать.

— И что делать?

— Найти кого-то, кто их переогранит.

— А что помешает ему донести на нас?

— И зря мы тогда надрывались.

Анаис ударила кулаком в ладонь.

— Может быть, и не зря. Я как-то встречалась с экспертом по драгоценным камням. Он мне сказал, что, как правило, в особых списках

для ювелиров бриллианты числятся не больше года. Потом их толкнуть уже легче.

Девушки посмотрели друг на друга.

— А пока? Будем прятать их под матрасом?

— Если мы оставим их у себя, нам захочется их продать. Я предлагаю спрятать их здесь. А через год встретимся на этой самой поляне и заберем наше сокровище.

Секунду они колебались.

Шарлотта протянула руку ладонью вверх:

— Я согласна.

Две другие девушки положили свои руки на ее ладонь:

— Я тоже.

— Согласна.

— Одна за всех, все за одну. Мы — «Черные волчицы». Как вам имя? Носим черные маски и прячемся в лесу, ведь так?

Они стояли, сжимая друг другу руки.

— Ну что, волчицы, где бриллианты закопаем?

— Зачем где-то копать, надо оставить их Жоржу.

— Жоржу?

Девушки повернули к нему головы.

Во время второй нашей встречи Анаис сказала мне: «Сегодня умер дедушка. Он был очень похож на тебя. Он тоже мало разговаривал. Но я его ужасно любила. Мне казалось, что от его взгляда все беды проходили. Я чувствовала, что он меня слушал и понимал. Его звали Жорж. Можно я буду звать тебя Жорж?»

— Жорж?

— Жорж — единственный возможный вариант, — настаивала Анаис.

Шарлотта прыснула от смеха.

— Жорж!

Мари-Наташа пожала плечами.

— Ты действительно думаешь, что мы можем доверить ему наше сокровище?

— Да. Он будет терпеливым и скрытным. Идеальный сообщник. Он ничего не сделает нам во вред. Никогда. Правда, Жорж?

Мари-Наташа откинула светлую прядь и пренебрежительно посмотрела на него.

— Но это же всего-навсего...

Она расхохоталась.

— Да почему бы и нет, в конце концов!

И они доверили свою добычу Жоржу. Анаис посмотрела на него и сказала:

— Спасибо тебе за понимание, Жорж.

И поцеловала его.

При третьей встрече Анаис рассказала мне, что родители водили ее к психотерапевту. «Как-то раз я сказала, что видела тебя во сне, и знаешь, что мне ответили? Что это безнравственно. Безнравственно то, что я вижу тебя во сне, Жорж! Можешь себе представить?»

Девушки сидели в лесу, пальцы на их ногах были разделены кусочками ваты. Они передавали друг другу флакончик с лаком для ногтей цвета антрацита. Было лето и было жарко, и они решили надеть босоножки на высоких каблуках.

— Мы будем первыми разбойницами с большой дороги, следящими за своим внешним видом, — шутила Анаис.

Они надушились, оправили платья, уложили маски и револьверы в футляры для скрипок и сели в машину.

Несколько минут спустя в магазине Шартье Анаис звонко приказала:

— Всем лечь на пол!

Мари-Наташа выстрелила в потолок.

Более уверенные в себе, чем в первый раз, они образовали треугольник в главном зале ювелирного магазина, слегка расставив ноги, чтобы тверже стоять, и крепко сжав револьверы в руках.

— Осторожно, посмотри назад!

Анаис обернулась и увидела мужчину. Он успел нажать на кнопку сигнализации, прежде чем она его остановила.

— Бежим! Сейчас здесь будет полиция!

Не знаю, почему она захотела поранить меня. Это произошло чудесным солнечным утром, и Анаис сказала: «Жорж, я хочу скрепить наш союз».

Она достала длинный кухонный нож и поднесла к моему лицу все с тем же трогательным видом.

И надрезала мою плоть.

Мне было очень больно. Я знал, что этот шрам скорее всего останется у меня на всю жизнь. Но я не осмелился ничего сказать. Намерения у нее были добрые.

Шарлотта и Анаис стреляли из окон «Ренджровера», а Мари-Наташа, стиснув зубы, гнала машину.

— Прибавь скорости, они нас догоняют.

— Целься в колеса.

Раздался скрип, затем взрыв.

— Браво!

— Там еще и другие!

— Господи, да это западня. Они решили нас взять!

Мари-Наташа поехала зигзагом и резко свернула в улочку справа. Надо было оторваться от полицейских.

Наконец она притормозила. Все казалось спокойным. Старый «Ренджровер» остановился в лесу.

— Уф, еле выкрутились.

«Волчицы» вышли из машины, осмотрелись, открыли сумку с бриллиантами. Считать не стали, уселись в кружок.

— Жорж приличное состояньице уже охраняет!

— На глазок три-четыре сотни тысяч евро. И подумать только, к ним нельзя притронуться.

— Поверьте мне, лучше проявить благоразумие. И вот что, девчушки, — сказала Анаис, — сегодня вечером моя мать дает бал. Давайте по этому случаю немножко расслабимся. Тем более мы уже в вечерних нарядах!

— А мальчики будут?

— Самые красивые на свете.

Анаис, Анаис, маленькая моя Анаис.

Я помню, как ты пришла первый раз сюда с другом и представила его мне. Думаю, это был твой первый любовник. Ты звала его Александр-Пьер.

Ты сказала ему: «Не ревнуй, Александр-Пьер. Это Жорж. Хотя мы и любим друг друга, ты должен знать, что он существует и очень много значит для меня. Жорж — мое доверенное лицо. Жорж — мой лучший друг».

Он посмотрел на меня пренебрежительно. Я никогда не доверял людям с двойным именем, таким, как Жан-Мишель или

Александр-Пьер. Мне кажется, что их родители хотели, чтобы у ребенка было немного от первого и немного от второго. Не сумели выбрать что-то одно. Они хотели надменности, победительности, самоуверенности Александра и простоты Пьера. Двойные имена часто делают людей двуличными. Как Мари-Наташа, в чем-то — святая, в чем-то — женщина-вамп. Может быть, меня зовут Жорж-Кевин?

Анаис и Александр-Пьер занимались любовью у моих ног. Я думаю, что Анаис специально это делала. Чтобы подразнить меня.

Музыка Штрауса. Венский вальс.

Сначала три девушки кружились по всему залу со своими кавалерами, потом, раскрасневшиеся и разгоряченные, уселись в буфете цедить красный мартини со льдом и лимонной цедрой.

— Ох, мужчины, — сказала Анаис.

— Да-да, мужчины, — подтвердила Мари-Наташа.

— Уже в детском саду они были такие... предсказуемые.

Они прыснули со смеху.

— Из мальчиков действительно можно веревки вить.

— Поэтому я предпочитаю бриллианты. Как Мерилин Монро. Их труднее получить, но они никогда не обманут ожиданий.

Они смеялись, и весь зал смотрел только на них, таких свежих, таких хорошеньких...

К ним подошла мать Анаис с каким-то плотным лысым мужчиной.

Анаис прошептала:

— Тихо, моя родительница.

— Ты поцелуешь дядю Изидора? — спросила мать Анаис.

Девушка соизволила прикоснуться губами к щеке родственника.

— Привет, дядюшка. Познакомьтесь, моя мать, мой дядя Изидор, а это мои подруги, Шарлотта и Мари-Наташа. Ну что, милый дядюшка, по-прежнему пишешь научные статьи в «Современном наблюдателе»? Над чем сейчас работаешь: покорение космоса, происхождение человечества, деятельность мозга или чудодейственные средства против рака?

— Ничего подобного. Я занимаюсь контактами растений.

— Растений?

— Да. Недавно выяснилось, что растения общаются между собой, выделяя запахи.

— Интересно. Расскажи.

— Пастухи в Африке столкнулись с одной проблемой: козы заболели, когда их закрывали в загоне, где росли акации. В конце концов, пастухи догадались, что акации предупреждают друг друга о том, что одна из них обглодана козой. Пострадавшая выделяла обонятельный сигнал, и другие тут же изменяли состав своего сока, делая его ядовитым.

Дядя Изидор взял из вазы одну розу.

— И это не все. Растения выделяют запахи и воспринимают их. Этот цветок чудесно пахнет оттого, что слышит Штрауса, если бы он слышал тяжелый рок, его аромат изменился бы.

— Растения так чувствительны к музыке? — спросила удивленная Анаис.

— Они чувствительны ко всему.

Мари-Наташа скептически подняла брови.

Анаис хотела убедиться во всем сама. Она попросила у музыкантов скрипку и принялась извлекать из нее нестройные звуки. Все заткнули уши. Потом посмотрели на растение.

— Ты глупости говоришь, дядюшка Изидор. Она и тычинкой не повела.

— Нужно больше времени. Эта форма жизни характеризуется очень медленным ритмом реакции.

Лицо Мари-Наташи стало насмешливым.

— Значит, о подобных вещах вы пишете в журнале?

Изидор терпеливо проговорил:

— Я пытаюсь открыть читателям то, о чем они еще не знают. Я пытаюсь заставить их размышлять о новых перспективах.

— Но эта ваша история с растением, которое слушает музыку, это же черт знает что. Может, вы из тех, кто иногда и покуривает эти самые растения?

Анаис удивили слова подруги, и, чтобы покончить со спором, она взяла дядю за руку и повела танцевать.

— Пойдем, Изидор. Я дарю тебе вальс. Только не наступай мне на ноги, как в прошлый раз!

Я так стар.

Когда мне исполнилось сорок два года, я начал задавать себе вопросы.

Кто я?

Почему я родился?

Зачем я появился на Земле?

Можно ли сделать что-нибудь интересное в этой жизни?

Чуть слышный шорох. Кто-то пришел. Мари-Наташа.

Она взяла мешочки с драгоценными камнями. Долго рассматривала их, руки ее мерцали от бриллиантовой пыли, потом, довольная, засунула мешочки в свой рюкзак.

Нет, ты не имеешь права так поступать! Не бери эти камни, они не принадлежат тебе. Ты не имеешь права. Там камни Анаис.

Мари-Наташа сделала реверанс в адрес Жоржа.

Маленькая гнусная сволочь.

— Положи рюкзак и подними руки вверх!

Мари-Наташа поколебалась, взгляд ее скользнул по сторонам, затем она неохотно подчинилась приказу Анаис.

— Положи бриллианты туда, откуда взяла.

Мари-Наташа отдала бриллианты Жоржу. Потом повернулась, все еще держа руки поднятыми.

— И что ты будешь теперь делать? Ты отлично знаешь, что если ты меня отпустишь, я вернусь, — заметила блондинка.

— Ты тоже руки подними, — произнес голос сзади.

Анаис не обернулась.

— Положи оружие.

Она не подчинилась.

Шарлотта держала на прицеле Анаис, державшую на прицеле Мари-Наташу.

— Я вас считала серьезными девушками, но вижу, вам совсем нельзя доверять, — вздохнула Шарлотта.

Мне страшно. Анаис, осторожно, это две змеи.

Мари-Наташа нагнулась и выхватила спрятанный у щиколотки маленький револьвер. Прежде чем две другие успели отреагировать, она повернулась и прицелилась в Шарлотту.

— Вот так мы в равном положении, — объявила она.

Они попятились каждая, держа друг друга на прицеле и образуя собой безукоризненный равносторонний треугольник.

— Ну что, девчушки? Достанем карты и сыграем в покер на

бриллианты?

— Наша система работает только тогда, когда мы заодно, — сказала Анаис.

Анаис права. Слушайте ее, вы обе.

— А что, если нам положить оружие и снова стать разумными? — предложила Анаис.

Никто не шелохнулся.

— Боюсь, это уже невозможно. Кое-что исчезло. Доверие.

— Ну и что будем делать?

Высоко в небе пролетел сарыч, испустив короткий пронзительный крик.

— Давайте все-таки сложим оружие и поговорим.

Три девушки опустились на колени и положили револьверы перед собой. Они недоверчиво следили друг за другом.

Вдруг Мари-Наташа схватила револьвер, перекатилась через себя и выстрелила, ранив Анаис. Та тоже выстрелила, но промахнулась. Шарлотте удалось задеть Мари-Наташу.

Они бросились врассыпную, пытаясь укрыться в кустарнике. Выстрелы гремели. Из зарослей раздался крик.

Анаис подползла к Шарлотте. Та была мертва.

У Мари-Наташи кончились патроны. Она стала заряжать револьвер, но тут Анаис, нагнув голову, бросилась на нее, схватила за колени и попыталась повалить на землю.

Обе покатались в кустарник. Танец по горизонтали: они дрались, кусались, вырывали друг другу пряди волос.

Вдруг в руке Мари-Наташи блеснул нож.

Осторожно, Анаис!

Анаис ударом ноги опрокинула противницу. Но та вскочила. Анаис удивленно смотрела на нее. А в глазах Мари-Наташи уже было сожаление.

Анаис опустила голову, посмотрела на свой живот, потом рухнула на колени, прижав руки к ране.

— Прости, — сказала Мари-Наташа, — кто-то из нас двоих должен был победить.

Она попятилась, а потом бросилась бежать.

Нет!!!

Анаис поползла к Жоржу, ее кулак был сжат. Она с трудом распрямилась и прошептала:

— Жорж... Помоги мне.

Она протянула другу сжатую ладонь и положила что-то в его сердце.

— Отомсти за меня.

Потом она порылась в куртке, достала мобильный телефон и набрала номер.

— Алло... Полиция... В лесу Фон... тенбло... Дорожка номер четыре, до скалы Девы, потом по тропинке до скалы Жуанны... до скалы... Жуанны.

Она рухнула на землю.

Анаис!!!

Без тебя моя жизнь стала бессмысленной.

Мне остается только месть.

Если я смогу, о, да, я отомщу за тебя.

Спустя три недели появились двое полицейских, а с ними — Мари-Наташа, руки которой были закованы в хромированные наручники.

Первый полицейский спросил у второго:

— Что мы будем делать, инспектор?

— Здесь нашли тела. Мы уже знаем, что эта девушка принадлежала к банде «Черные волчицы». Я надеюсь найти здесь доказательства того, что она убила двух своих сообщниц.

Мари-Наташа смерила полицейских презрительным взглядом.

— Я невиновна.

— Хм, бриллианты. Вам надо было красть что-нибудь другое. Они же все зарегистрированы. А женщин так вот и сводят с ума. Просто им пальцы жгут. Они должны их носить, должны их покупать. Интересно было бы изучить отношения между женщинами и этим минералом, — сказал инспектор.

— Может быть, это поиски чистоты, — философски заметил полицейский. — А что именно мы ищем, инспектор?

— Улики. Посмотрите повнимательнее в кустарнике.

— Вы ничего не найдете, — заявила Мари-Наташа, пожимая плечами. — И я требую адвоката.

Это она. Это она — убийца.
Если бы я мог им помочь. Но как?

Инспектор, услышав шум мотора грузовичка-вездехода, казалось, очень обрадовался.

— Вот кто мне нужен.

Два человека вышли из машины.

Один из них был плотный мужчина с румяным лицом, с намечающимися залысинами и в маленьких очках в золоченой оправе. Он осмотрелся и узнал девушку.

— Добрый день, Мари-Наташа, — сказал он просто.

Она ответила ему кивком.

За мужчиной шла черноволосая женщина.

— Доктор Сильвия Ферреро, — представил он всем свою спутницу.

Журналист попросил полицейских помочь выгрузить оборудование. Одну руку Мари-Наташи освободили, а другую приковали наручником к толстому корню.

С помощью полицейских Изидор и его ассистентка установили стол, на котором разместили многочисленные, подсоединенные к ноутбуку, электронные приборы. Вся эта разнообразная аппаратура получала необходимую электроэнергию от большой батарейки.

— И что это за фигня? — спросила подозреваемая.

— Гальванометр для измерения уровня эмоций. Этот прибор используется как раз для того, чтобы узнать, говорит кто-то правду или нет.

— Вы собираетесь проверить меня на детекторе лжи? — спросила Мари-Наташа, нисколько не теряя самоуверенности.

— Нет, не вас, — ответил Изидор.

Он показал на то, что находилось за ее спиной.

— Его.

Все проследили за его взглядом, не понимая, о ком он говорит. Палец журналиста показывал на изрезанный силуэт.

На дерево.

На старое, корявое дерево.

Его ветви замерли, и оно теперь напоминало йога, застывшего в сложной позе. Листья шуршали, колеблемые ветром. Длинные корни, кое-где выступавшие из почвы, убеждали, что оно крепко стоит на земле.

Его южная сторона была светло-серого цвета, с черными и охровыми полосками. Северная сторона, привыкшая к тени и холодам, была покрыта мхом и лишайником, похожими на болячки.

Мраморный рисунок его коры был покрыт шишками и рубцами.

Белка, почувствовав, что люди смотрят туда, где она притаилась, взвилась к верхушке с тонкими веточками, но широкими листьями, предназначенными для поглощения солнечных лучей и осуществления фотосинтеза. Синица тоже начала волноваться, боясь, как бы люди не заинтересовались ее гнездом, спрятанным в зелени, — птенцы еще не вылупились. Она решила не поддаваться панике. В конце концов, люди уже больше не ели яйца синиц. Она осталась на страже, неподвижно сидя в листве.

Это мой великий день.

Сильвия Ферреро осторожно прикрепила зажимы к коре. Их металлические концы соединялись проводами с приборами, которые, в свою очередь, были подсоединены к ноутбуку.

Изидор серьезно объяснил полицейским, что в 1984 году его друг, профессор Жерар Розен из Тель-Авивского университета, специалист по ирригации, борьбе с опустыниванием и наблюдению за растительной жизнью, заметил, что растения реагируют на внешние стимуляторы.

— Ему пришла в голову идея поместить на коре дерева электроды, подключенные к гальванометру, чувствительному к самым слабым изменениям сопротивления. Он смог измерить воздействие стимуляторов на поведение дерева. В Библии говорится о «неопалимой купине». Мой друг думает, что в притче имеется в виду «немолчащая купина». В своих первых опытах он подвергал цветы воздействию различной музыкой, от тяжелого рока до классики. Он заметил, что им нравится Вивальди.

— Как же он смог это определить? — несколько недоверчиво спросил полицейский.

— Да так же, как это определяют у людей. Обычно наше электрическое сопротивление имеет показатели от 10 до 20. Когда наше душевное состояние безмятежно, оно понижается до 5, если мы возбуждаемся, оно может подняться до 15. Когда растениям профессора Розена музыка нравилась, они успокаивались, и стрелка записывающего устройства спускалась ниже отметки 10. Когда они чувствовали приступ агрессии, стрелка поднималась. Как будто они были раздражены и хотели, чтобы воздействие прекратилось... Затем профессор Розен подверг растения влиянию других возбудителей. Холод, жара, свет, темнота, телевидение.

— Но у них же нет глаз, — удивился полицейский.

— Они по-своему воспринимают окружающий их мир. Однажды, когда к акации был подключен электрод, а профессор Розен готовил свое оборудование, он сделал неловкое движение и поранился.

Чтобы подтвердить свое предположение, Жерар Розен повторил опыт и разрезал рядом с акацией кусок мяса. Ничего. Словно дерево знало, что эта плоть уже мертва. Он погрузил в жидкий кислород цветок. Растение отреагировало, стрелка поднялась до отметки 13. Затем вблизи акации он бросил в кипящую воду другое растение: 14. Профессор погрузил в кипящую воду дрожжи: 12. Акация почувствовала смерть дрожжей.

— Дрожжи! А они живые?

— Конечно. Ученый порезался бритвой рядом с деревом, и акация отреагировала скачком стрелки до 12. Для нее убийство человеческих клеток или сваренные дрожжи — акты насилия, которые приводят ее в отчаяние. Перед ней умирает жизнь. К несчастью, Жерар Розен не смог приехать сюда сегодня, но он прислал свою главную помощницу, Сильвию.

Ветер зашумел в листве, воздух становился свежее.

— Это дерево видело преступление. Его «растительные чувства» отреагировали на смерть. Оно знает, что тут случилось, просто не может об этом рассказать. Мы попытаемся ему помочь поговорить с нами.

Это исторический момент.

Способные передвигаться существа с горячей кровью стали ходить вокруг дерева, давя его маленькие корешки, выходящие на поверхность.

— Поэтому я решил провести эксперимент здесь, — объяснил Изидор Каценберг.

— А почему столько усилий для одного частного случая? — осведомился полицейский.

— Анаис была членом моей семьи. Я ее дядя.

— Поскольку вы состоите в родственных отношениях с жертвой, вы не имеете права вести расследование, — заметила Мари-Наташа, не забывшая лекций на юридическом факультете. — Я требую адвоката!

— Я не полицейский, а журналист. Я всего лишь помогаю вести расследование. Начнем, Сильвия.

Молодая женщина в белом халате настроила показатели гальванометра, посмотрела на экраны и сказала:

— Все готово... Подождите... показатель — 11. Это дерево более «нервное», чем другие.

— Очень хорошо, ну, а теперь вы что делаете? — спросил

полицейский.

— Надо допросить этого свидетеля.

— А вы начните его пытаться. Отрежьте ему ветки. Оно и заговорит, — насмешливо сказала Мари-Наташа. — Листья ему подожгите.

Через десять минут Сильвия прислонила динамик к коре и дала дереву послушать тяжелый рок. Точнее, Thunder Struck AC/CD

Показатель — 14.

«Весна» Вивальди. Показатель — 6.

— Оно очень чувствительное. Теперь мы знаем, что наша система действует.

Полицейскому казалось, что он видит сон. Свидетелем будет дерево! Однако он чувствовал и растущее напряжение Мари-Наташи.

Изидор сосредоточился. Он показал фотографию Анаис похожему на глаз наросту на дереве.

— Ну и?

Ученый подрегулировал оборудование.

— 11, — с сожалением сказал он.

Полицейские освободили Мари-Наташу, Изидор попросил ее притронуться к коре.

— Вердикт?

Секундное ожидание, Сильвия объявила:

— Опять 11.

Нет. Нет. Неужели я потерплю неудачу, когда цель так близка. Надо передать им мои чувства.

Надо подумать о чем-то печальном.

Зеленый дятел долбит мне молоденький побег.

Белка ворует у меня желуди.

Буря, пригибавшая меня к земле. Страшная буря в декабре 1999 года, которая раскачивала меня, а столько друзей вырвала с корнем из земли!

— Мне кажется, мы теряем время. И почему столько внимания именно к этому дереву. Их так много вокруг, — заметил полицейский.

— Это дерево растет прямо на поляне, где нашли тела.

— Я знаю, что оно знает, — заговорил Изидор. — Нам нужно лишь найти способ поговорить с ним. Мы словно ищем возможность общаться с инопланетянином. Надо понять его язык.

— Это растение, у него нет ни ушей, ни рта, а у инопланетян они, быть

может, есть, — возразил полицейский.

— Я попытаюсь поговорить с ним.

— Нет, мне нравится эта сцена! — сказала Мари-Наташа, к которой постепенно возвращалась ее самоуверенность. — Зрелище невероятное.

Она деланно рассмеялась. Остальные, напротив, оставались сосредоточенными.

— Ты узнаешь эту девушку?

Конечно. Да, это она.

Они подождали.

Это она. Арестуйте ее.

Она и Шарлотту убила.

И все из-за их проклятых бриллиантов. Как будто минералы могут что-нибудь чувствовать.

— По-прежнему 11. Оно не хочет сообщить ничего особенного в ответ на наши вопросы.

Изидор показал дереву предметы, принадлежавшие Анаис и хранившие еще запах ее духов.

— А почему бы не спросить камни? Говорят, они тоже живые, — иронизировала девушка.

Они были разочарованы. Они чувствовали себя растерянными, почти смешными. Мари-Наташа хохотала, как безумная.

— Мне очень жаль, Изидор, мне очень жаль, профессор, но мне кажется, что эксперимент не удался, — заявил инспектор. — Тем не менее мы попытались. Что же касается вас, мадемуазель, в ваших интересах будет не распространяться об этом эксперименте.

— Ах так, тогда знайте, что я расскажу эту историю всем. Я прессу соберу. Через неделю вся страна будет знать о новом способе вести уголовные дела. Свидетельские показания дерева!

Инспектор ударил по дереву ногой для проверки, и стрелка тут же подскочила к отметке 13.

— При этом совершенно ясно, что реакция у дерева есть.

Ох, я не могу заставить двигаться эту проклятую стрелку!
Оставим это.

Так у меня не получится. Надо придумать что-то другое.

Как сказал Изидор, мне надо найти «мой собственный язык». Язык, на котором я могу говорить. Какой?

Я могу заставить мои корни тянуться к источнику влаги. Это я могу. Это занимает около месяца, но это я могу.

Что я умею еще?

Ничего. Хотя, может быть, вот еще что. И это мой последний шанс.

Они стали убирать оборудование в грузовичок. Все были подавлены, только Мари-Наташа веселилась от души.

— Отлично, дядюшка Изидор!

— У нас ничего не получилось, но попробовать было необходимо, — вздохнул инспектор.

У меня может получиться. У меня может получиться.

Я должен расти с удвоенной силой.

Так надо.

Ох, пожалуйста, силы, не покидайте меня!

Я чувствую, как энергия Вселенной, энергия моей памяти, энергия всех моих эмоций движется во мне. Мощь моих предков, вернись ко мне!

Помоги мне отомстить.

Восстановить справедливость.

Широкий листок дерева. По всей его поверхности бегут светлые прожилки, соединяясь с центральной бороздкой.

Внутри черенка не хватает сока.

О, Анаис, во имя тебя, я сделаю это, я могу это сделать.

Когда все уже собрались уходить ни с чем, широкий листок вдруг оторвался от ветки. Упав, он открыл дупло в стволе дерева. Глубокое отверстие, скрытое листком, до сей поры было незаметным.

Изидор Каценберг в последний раз обернулся.

Он заметил плавно падающий, будто в невесомости, листок. Он моргнул и задержал ногу, уже поднимавшуюся в машину. Время как будто остановилось. Наступила тишина, голубь, и тот продолжил полет бесшумно. Лесные звери замерли: они поняли, что происходит нечто необыкновенное.

У меня получилось!

Изидор Каценберг что-то произнес. Слово тоже, казалось, покинуло его губы неспешно, словно звук с пластинки, поставленной на не ту скорость.

— По...до...жди...те...

Лисица не верила своим глазам. Несколько бабочек, остановившись на месте, перемешивали крыльями воздух, словно большие морские птицы.

Журналист очень медленно, как во сне, подошел к дереву и опустил руку в отверстие в стволе.

О, да!

Его пальцы шарили в дупле, обдирая кожу о неровности дерева, ощупывая Жоржа изнутри. Он достал прядь, прядь светлых волос, склеенных темного цвета субстанцией.

— Светлые волосы с засохшей на них кровью!

Глаза Мари-Наташи расширились.

Журналист поднес прядь к волосам Мари-Наташи, ставшей мертвенно-бледной.

— Судебно-медицинский эксперт подтвердит, что это волосы нашей мадемуазель. Нужно будет отдать на экспертизу древесину дупла. Мне кажется, там есть бриллиантовая пыль, — заявил Изидор, рассматривая что-то неясно мерцающее на кончиках своих пальцев.

Все склонились к отверстию в коре.

Инспектор шелковым платком собрал частицы с внутренней поверхности дупла.

Я люблю шелк потому, что он соткан из защитной нити шелковичного червя, а шелковичные черви грызут мои листья. Не знаю, откуда это мне известно. Не то чтобы это мне известно, я это чувствую. Я понимаю отношения между существами, как будто вдыхаю информацию вместе с воздухом.

Так же, как с человеческим голосом, который я слышу, хотя у меня нет ушей. Словно вся моя кора — чувствительная барабанная перепонка.

Мари-Наташа открыла рот от удивления. Она была ошарашена тем, что увидела.

Прямо над дуплом Изидор нашел надпись, много лет назад глубоко вырезанную ножом в коре.

АНАИС + ЖОРЖ =

Дерево номер 1: *Он это сделал!*

Дерево номер 2: *Кто?*

Дерево номер 3: *Тот, кого они окрестили Жоржем.*

Дерево номер 2: *Что он сделал?*

Дерево номер 1: *Он сделал движение!*

Дерево номер 3: *Он вытащил корни из земли?*

Дерево номер 1: *Нет. Лучше. Он сумел подать знак людям в важный момент их жизни. И сумел изменить их историю.*

Дерево номер 2: *Подумаешь, я тоже сбрасываю листья. И они у меня такие красивые, что люди их собирают.*

Дерево номер 1: *Да, но ты делаешь это только осенью.*

Дерево номер 3: *...А он это сделал в разгаре лета! Вот так. Просто усилием воли.*

Дерево номер 2: *Я вам не верю.*

Дерево номер 1: *И это только начало. Теперь мы знаем, что можем воздействовать на человеческий мир.*

Облака рассеиваются, я размышляю.

Ты всегда живешь в глубине моей памяти.

Я так любил тебя, Анаис.

В течение веков я видел сотни людей, приходивших дотронуться до меня, поискать трюфели в моих корнях.

Я видел солдат и бандитов со шпагами, с мушкетами, с ружьями.

Каждому кольцу, образовавшемуся вокруг моего сердца, соответствует поколение маленьких человечков, за несколько секунд, с точки зрения моего времени, превращающихся в стариков.

Меня всегда удивляло, что им до такой степени необходимо выразить себя в жестокости.

Раньше они убивали для того, чтобы есть.

Теперь — не знаю зачем.

Наверное, по привычке.

Мы тоже подчинены насилию. Иногда на моих ветках

вспыхивают ссоры между листьями. Они воруют друг у друга свет. Те, что остаются в тени, белеют и умирают. За счет моей коры вытягиваются побеги. У нас есть свои хищники, плющидушители, древоядные насекомые, птицы, выдалбливающие себе гнезда в нашей плоти.

Но это насилие имеет смысл. Мы убиваем для того, чтобы выжить. А смысла человеческого насилия я не понимаю.

Может быть, их слишком много и они агрессивны, и, убивая друг друга, они восстанавливают равновесие. А может быть, им просто скучно.

Долгие века мы вас интересуем только как поленья или бумажная масса.

Мы — не предметы. Как и все обитатели Земли, мы живем, мы воспринимаем то, что происходит в мире, у нас есть свои печали и свои маленькие радости.

Я хотел бы поговорить с вами.

В один прекрасный день, может быть, мы и побеседуем...

А вы этого хотите?

Школа молодых богов

Молодой бог, я только еще набрасывал черновики миров. В начальных классах я тренировался, делая из глины метеориты, а также луны, спутники, но это все были безжизненные камни. В этом году я перешел в старший класс, и нам доверят управлять целыми народами животных четвертого уровня.

Для тех, кто не знает: первый уровень — это минералы, второй — это растения, третий — глупые животные вроде страусов, гиппопотамов, гремучих змей, мальтийских болонок, землероек (ничего увлекательного). Четвертый уровень — животные, обладающие сознанием: муравьи, крысы (очень плохо поддаются управлению) или люди.

Когда работаешь с людьми, сначала нужно иметь дело с отдельным индивидуумом. Потом, очень быстро, к нему присоединяешь уже целые народы.

Отдельный индивидуум — это довольно легко. Берешь человека и следишь за ним от рождения до смерти. Люди, особенно обитатели Земли, очень трогательны в своих безграничных желаниях, вечных тревогах, потребности верить в невесть что. Они умоляют нас выполнить их просьбы, и мы по-своему помогаем им. Мы даем им выиграть в лото, позволяем встретить великую любовь или же, по настроению, устраиваем автокатастрофы, сердечные приступы и обрушиваем дома. Уморительно. Я занимался многими людьми — маленькими, большими, толстыми, худыми, богатыми, бедными. Я давал им выиграть на турнире по теннису и заставлял их держаться почтительно с высшей силой — с нами — о чьем существовании они догадываются.

Когда ты для кого-то все, ты можешь быть очень действенным. Но один человек — работа довольно примитивная. Тут негде развернуться нашему божественному мозгу. А вот в форме стада люди становятся интереснее. Нет ничего страшнее народа. Реакции его непредсказуемы, он может устроить революцию или сменить политический курс, не дав вам времени к этому подготовиться. Вы все время должны держать его в узде. Народ — это как горячий жеребец: он может скинуть вас в канаву или унести в бескрайние дали.

Во время занятий с четвертым уровнем мне доверили для тренировки управлять одним маленьким народом, численностью в тысячу голов: несколько стариков, больных и достаточное количество молодежи, чтобы

строить шалаши и создать вооруженную стражу. Я надеялся, что они будут хорошо размножаться, и, должен признаться, что, словно Перетта с кувшином молока в басне Лафонтена, уже представлял, как мои ребята распространятся по всему миру и завоюют его. Но я работал не один. Другие боги-ученики тоже получили по народу для управления. Мои товарищи были моими же конкурентами. За нами следили и нам ставили оценки высшие боги, которые уже помотались по разным Вселенным. Старые бороды, которые вечно читали наставления. И то, и се, и пятое, и десятое. Ты — бог, поэтому ты должен держаться прямо, ты не должен богохульствовать, не должен ковырять в носу, должен содержать в чистоте рабочие инструменты, должен каждый день снаряжать молнии, не должен сажать пятна на одежду, вкушая жертвоприношения. Просто каторга. Что толку в том, что тебе поклоняется твой народ, если какие-то старые перечницы изводят тебя своими нравоучениями!

Ладно, чего тут разглагольствовать. Мы их, несмотря ни на что, уважали. Некоторые из них были настоящими артистами, сумевшими сделать из своих народов мощные, изобретательные цивилизации.

Во время лекций эти профессора давали нам общие понятия: внешний вид удачного народа, контроль за смертностью, перевоплощение и рождаемость, соблюдение равновесия, возобновление элиты, разные уловки для приведения к повиновению строптивых (явление Девы в гротах, телепатия с пастушками и так далее).

Они предупреждали нас и об основных опасностях, которых следует избегать. Тут речь шла о выборе мест для постройки городов (подальше от действующих вулканов и морских побережий, угрожающих приливами и появлением пиратов) и прочем, вплоть до цикличности революций и техники ведения войны.

Я поселил свой народ — он был шумерского типа — рядом с холмом. По моим советам (я даю советы вождю племени или главному колдуну в снах, потому что они не понимают знаки в окружающей их природе — рисунки на камешках, полет птиц, рождение поросенка с двумя головами и тому подобные вещи — они сосредоточились на сельском хозяйстве, коневодстве, строительстве домиков из самана, что мне казалось верным залогом социальной эволюции).

Но мой первый народ ждала гибель. Мои шумеры забыли изобрести горшечное дело, которое дало бы им возможность изготавливать большие кувшины для хранения запасов пищи.

Урожай увеличивались, но все припасы зимой сгнивали на чердаках. Народ голодал и слабел.

И при первых же нападениях пиратов-викингов все мои шумеры с тощими животами были истреблены воинами с полными животами. Не могу вам описать, что это была за резня. Ну, то, что войну лучше вести на сытый желудок, общеизвестно. Проиграть из-за гончарного ремесла было все-таки очень обидно. Но логично. Запоминаешь основные открытия: порох, паровой двигатель, компас — и часто забываешь про маленькие ранние находки, которые и позволяют народу дожить до более поздних. Никто не знает имени изобретателя горшка, но уверяю вас, что без него вы далеко не уйдете. Я дорого заплатил за то, чтобы в этом убедиться.

За этих незадачливых шумеров я получил на божественном экзамене плохую оценку: 3 балла из 20 возможных. Юпитер, глава экзаменационной комиссии, был в ужасном гневе. Но в конце концов успокоился. Он смерил меня удрученным взглядом и заявил, что мои шумеры не стоят и выеденного яйца и что, если я буду продолжать в том же духе, я стану богом артишоков. У нас это считается оскорблением. Называют тебя «богом артишоков» или «богом кораллов». Это значит, что ты не в состоянии управлять существами, обладающими сознанием, и лучше тебе остаться на уровне номер два.

Я ушел, повесив голову и твердо решив, что пираты меня больше не потопят. Ни викинги, ни какие другие.

Конечно, вы, может быть, удивляетесь тому, что пираты напали на мой народ. Но нельзя забывать, что во время практических занятий все молодые боги работают вместе. Мы все пасем каждый свою паству. А одна из наших пословиц гласит: «Каждому — свои люди, и стереги свое стадо как следует». А значит, это мой сосед Вотан, молодой иностранный бог, подстроил мне ловушку с пиратами.

Я с неприступным видом закутался в свою белоснежную тогу и втайне приготовился нанести ему ответный удар при первой же возможности. Пусть они только появятся еще раз, его викинги, мой народ построит укрепленные порты в стиле Вобана. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

В классе у нас у всех были имена древних богов, потому что бог — это профессия, в которой без протекции не обойтись. Только папочкины сыночки обладают исключительными возможностями, необходимыми, чтобы в один прекрасный день получить рычаги управления миром твоего измерения. Первое поколение богов оставило нам наследство, и мы, их потомки, сохранили его. Новеньких мы принимаем к себе нечасто. Конечно, иногда появляются какие-то сектантские боги (просто смех, совершенно никудышные, все в красном и золотом, заповеди даже не в

рифму, а храмы построены кое-как), которые пытаются утвердить свое положение и тоже создать потомство. Но места все заняты, двери закрыты, этот сектантский бог действительно должен представлять из себя нечто стоящее для того, чтобы ему разрешили подняться до нашего уровня и основать династию.

Все молодые боги соперничают между собой. Иногда, конечно, мы забываем о склоках и заключаем стратегические союзы. Когда есть обоюдная выгода. Тогда мы обмениваемся технологиями, как мальчишки обмениваются картинками, делимся информацией, чтобы укрепить положение наших народов, словно ребята, передающие друг другу секреты изготовления петард.

Я отлично ладил с ацтеком Кетцалькоатлем, который научил меня делать наконечники для стрел из вулканического стекла. Когда я не находил себе друзей, то просто наблюдал за соседями, чтобы подсмотреть их военные маневры или скопировать изобретения, до которых не додумался сам.

Любыми средствами, но экзамен по божественности надо сдать. Экзамен немного похож на теннисный матч. Устраивают турнир. Проигравшие народы постепенно выбывают, пока не остаются две могущественных нации, которые соревнуются в финале. Я потерпел поражение в одной восьмой финала, но многому научился.

Вторым «народом-испытанием», которым я управлял на следующем экзамене, был народ типа античных египтян. Отличные ребята. Я им послал Иосифа, который устроил трюк с явлением тучных коров во сне (это старый фокус Первого Бога, но у нас есть право на повторение знаменитых примеров). Египтяне поняли, что надо лепить горшки и кувшины для хранения зерна. И мой чудесный народ ел до отвала несколько зим (высший шик — я даже придумал праздник: целый день, посвященный моему прославлению, люди обжирались, словно поросята!). И размножались они две предначертанные тысячи лет.

Я построил египетские небоскребы с пирамидальными крышами, сделал египетские автомобили очень ярких цветов, короче, у меня были все штучки двухтысячного года в стиле и духе египетской цивилизации. Было очень экзотично. Я даже позволил себе послать корабль на запад и не без удивления констатировал, что «мой мир» сферичен. Даже будучи богом, иногда открываешь Вселенную вместе со своими подданными. Я ведь планету никогда основательно не изучал, и то, что мои исследователи вернулись на тот же берег, от которого отплыли, изумило и рассмешило меня.

Но я допустил ошибку. У меня был только один большой город. Какой недосмотр! Землетрясение разрушило всю мою работу.

Цивилизация словно бонсай. На секунду отвлечешься, и происходит катастрофа. Большинство моих соучеников столкнулись с такими же неприятностями: бубонная чума, ящур или просто дождь, который оборачивается потопом. И все, надо начинать с начала.

«Не кладите все яйца в одну корзину, — учил нас профессор гуманитарии. — Стройте много городов».

На десятой попытке у меня получился совсем неглупый народ, типа инков, который построил десять нормального размера городов, научился добывать огонь, изобрел колесо, смог изготовить бронзу. Юпитер меня подбадривал: «Видите, всем ученикам хочется вдохновить своих архитекторов на постройку городов, устремленных вверх, на холмах. А города на холмах — не лучший путь. Во-первых, такой тип градостроительства повышает цены на продукты в городе. Надо платить посредникам, привозящим и поднимающим еду в город. Затем, во время возможного нападения врага, крестьяне устремляются в крепость. Противнику достаточно разорить поля и взять людей, скученных в городе, измором, вот и все. Самый лучший вариант — построить город на острове, посреди реки. Вода — естественная защита против завоевателей, а также отличный способ принимать и отправлять торговые, разведывательные и военные суда». И действительно, в мире Первого Бога самые цветущие города были окружены водой: Париж, Лион, а также Венеция, Амстердам, Нью-Йорк. И напротив, Каркассон и даже Мадрид, города, расположенные на высотах, с трудом расширяли свои владения и распространяли влияние.

Юпитер объяснил мне и значение возведения памятников. Вначале я думал только о том, чтобы прокормить и защитить свой народ. Памятники казались мне пустой тратой времени и денег. Но я тогда еще мыслил недолговременными категориями. Памятники воздействуют на умы. Колосс, висячие сады, триумфальная арка, Эйфелева башня, Колизей, Великая библиотека, необъятные храмы — все это рождает национальную гордость и позволяет сохранять неповторимую особенность народа.

На двенадцатой попытке управления народом я сумел вырастить прекрасную цветущую нацию. Но и соседи мои тоже неплохо справлялись со своими задачами. Настолько, что на турнире второго года мои солдаты столкнулись с большим сюрпризом: они были вынуждены на лошадях атаковать танки. Я так был занят своим сельским хозяйством, что очень отстал в гонке технологий вооружения. Это называется «польским опытом», потому что говорят, во время Второй мировой войны, в «первом

по шкале отсчета мире», польские кавалеристы бросались с саблями наголо на немецкие танки!

Мы часто обращаемся к первому эксперименту Первого Бога. Мы все изучили его труды, и многие из нас восхищаются им. Его уловка с Десятью Заповедями была просто революционна. Благодаря Десяти Заповедям он смог избежать всех неясностей, связанных с передачей информации во сне. Ведь действительно, люди часто совершенно не понимают языка сновидений, толкуют все вкривь и вкось или, того хуже, просто забывают все после пробуждения. Десять Заповедей, высеченные в камне, были гениальной находкой. Смертные получили наконец короткую, четкую и ясную информацию!

«Не убий». Как можно сказать проще? И это не приказ (иначе было бы: «Ты не должен убивать»). Это прогноз. Это пророчество. Однажды ты поймешь, что убивать бессмысленно.

Первый Бог прежде всего был великим экспериментатором. Он любил придумывать всякие штучки. Ноев ковчег, яблоко, падающее на голову Ньютона и позволяющее ему открыть закон гравитации, объем тела Архимеда в ванной... Это все он. Но он не только шутики шутил. Он заложил основы божественного ремесла, которые и поныне остаются неизблемыми во всех Вселенных. Ибо у нас тоже есть свои заповеди:

1. Охранять жизнь. Все формы жизни. Ни одна не должна стать важнее другой.

2. Не позволять человеку играть роль бога. Все опереточные доктора Франкенштейны должны быть уничтожены своими созданиями.

3. Соблюдать обязательства, взятые на себя пророками.

4. Вмешиваться в дела людей очень осторожно. Соблазнять смертных запрещается.

5. Появляться перед народом только в крайних случаях. И ни в коем случае не для придания себе значения.

6. Не баловать преданных последователей. Можно, конечно, иметь любимчиков, но не впадать в крайности.

7. Запрещается заключать договоры в стиле Фауста. Ремесло бога не терпит торга.

8. Быть четким в своих указаниях. Не оставлять возможности для двусмысленных толкований. Полумеры — для полубогов.

9. Не забывать о главной цели: построить совершенный мир. Поддерживать в себе деонтологические, философские, артистические тенденции. Быть лучшим. Служить примером грядущим поколениям богов.

10. При этом не воспринимать свою работу слишком всерьез. Это,

быть может, самое трудное. Оставаться скромным, не забывать о чувстве юмора, держаться по отношению к своему миру несколько отстраненно.

Каждый день я совершенствовался в школе молодых богов. Вначале, например, я хотел устроить так, чтобы мой мир стал как можно более демократичным. Это было ошибкой. Существует фаза необходимого деспотизма, и часто она длится первую тысячу лет. Опыт Цезаря подтверждает это. До Юлия Цезаря римляне жили при республиканском режиме. Юлий Цезарь попытался стать императором и был убит во время мартовских ид. После этого римлянами стали править императоры, которые оказались куда большими тиранами, чем соседние цари.

Демократия — роскошь развитого народа. Для демократической революции надо выбирать нужный момент. Тут, как с суфле, начинаешь слишком рано или слишком поздно — все обрушивается и наступает катастрофа.

Во время занятий я понял еще одну несомненную вещь: невозможно продержаться на силе оружия. Насколько вначале выгодно, чтобы твой хорошо вооруженный народ сидел за толстыми стенами и не боялся возможных завоевателей, настолько же необходимо пересматривать эту политику на рубеже второго тысячелетия.

Если вкладывать все силы в войну — наступательную или оборонительную — невозможно должным образом развивать сельское хозяйство, культуру, промышленность, торговлю, образование и, наконец, науки. И тебя неизбежно уничтожат народы, обладающие более совершенным оружием.

Война — первейший способ достижения власти, но очень важно как можно скорее заключить мир со своими соседями, так как это способствует развитию торговли, культурному и научному обмену. Вот так, во время игры, я понял, что война — это не решение проблемы. Кстати, и в «первом по шкале отсчета мире» все страны-завоевательницы были уничтожены: Вавилон, Месопотамия, Персия, Египет, Греция, Рим. Это было важным уроком: будущее не принадлежит народам-агрессорам. Часто они полностью зависят от личности вождя: как только тот умирает, наступательный порыв спадает.

Мы, молодые боги, часто спорим во дворе во время перемены. Я общаюсь, конечно, с Вотаном, с которым мы, в конце концов, подружились, с Кетцалькоатлем, змеей в перьях, и с Гуруинг-Вуути, с богом американских индейцев. Это моя банда. Еще у нас есть группировка «западников», туда входят японский бог Изанажи, индиец Вишну и Куан-Ин, классная китайская богиня, и еще группировка «африканцев», в

которой тусуются Озирис с соколиной головой («голова с птичьими мозгами» — издеваемся мы), гвинеец Ала Тангана и Ункулункулу, зулусский супербог.

Гуруинг-Вуути — наш главарь. В нашей банде он решает все. Прерогатива Вотана — постоянные непристойные шуточки. Он не уважает ничего. «Приходят однажды три мужика с разбитыми мордами к Святому Петру и...» — вот такого рода анекдоты он предпочитает.

Я очень хорошо отношусь к Гуруинг-Вуути, но держусь с ним немного настороже: уж слишком всерьез он воспринимает себя самого. Его послушать, так никто, кроме него, не умеет строить храмы с коринфскими колоннами. А колонны Парфенона? Может быть, они все-таки чуток повнушительней, а?

Конечно, во время перемены, вдали от наших миров, каждый пыжится, как может: «Я изобрел паровой двигатель», «А я придумал противозачаточную пилюлю для женщин». Я как-то в шутку сказал: «А я запустил производство одноразовых фотоаппаратов».

То, что ты — бог, может вскружить голову. Это так, но, как нам советует Первый Бог: «Не будем злословить друг про друга, иначе это кончится религиозными войнами». Поэтому, когда Вишну похлопал меня по спине, заметив: «Ремесло бога занятное, но тебе не приходило в голову, что где-нибудь над нами есть боги высших измерений, которые играют с нами так же, как мы играем со смертными?» — я подскочил. Не знаю почему, но эта мысль меня просто ошеломила. Быть игрушкой высших существ! Невыносимо! Не иметь своей воли! Быть куклой в чьих-то руках! Может быть, даже в руках детей! Фу. Всю ночь меня рвало, снились кошмары. Наутро я успокоился. И ответил Вишну: «Это невозможно. Нет никого выше богов».

А он засмеялся.

Божественным смехом.